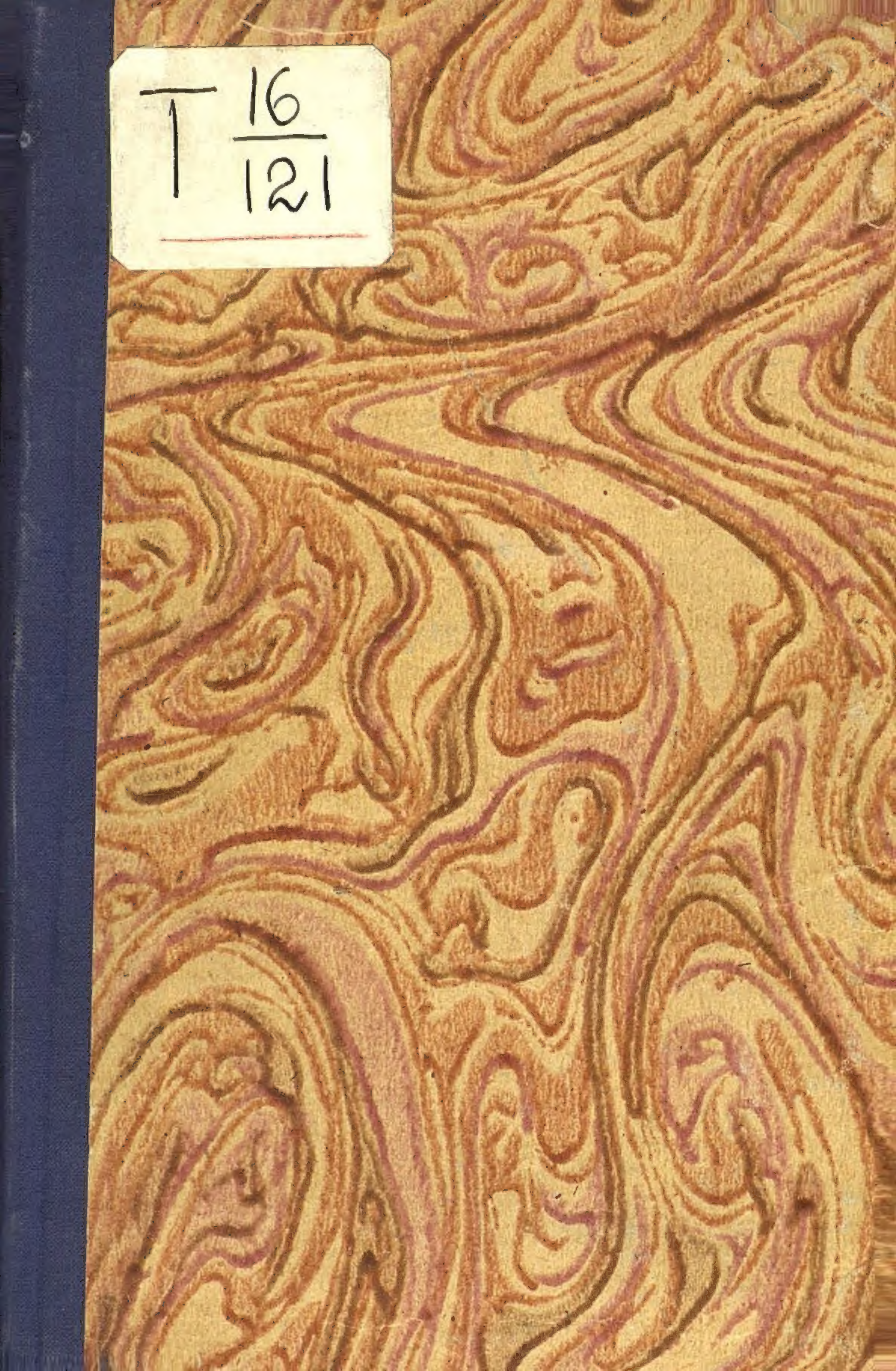

Провинціальные архивы въ XVII вѣкѣ.

(Очеркъ изъ исторіи архивнаго дѣла въ Россіи).

Однимъ изъ крупныхъ явленій въ области русской исторической науки за послѣднее время слѣдуетъ признать несомнѣнное развитіе дѣла разработки архивныхъ матеріаловъ. Все новое и выдающееся, что только появлялось за послѣдніе годы въ нашей исторической литературѣ, было именно плодомъ архивныхъ розысканій. Обнародованные раньше историческіе матеріалы, уже изслѣдованные въ большей или меньшей степени, перестали удовлетворять людей науки. Новое слово могутъ теперь дать имъ только архивныя сокровища, накопленныя у насъ вѣками, но тронутыя руками изслѣдователей въ слабой степени. Они сохранились въ такомъ громадномъ количествѣ, что работы здѣсь хватитъ не на одну сотню изслѣдователей. И дѣйствительно, какъ ни растетъ съ каждымъ годомъ число послѣднихъ, наши архивы все-таки остаются неизсякаемыми.

Такое вниманіе исторической науки къ архивамъ естественно вызвало у насъ и развитіе самаго архивнаго дѣла. Правда, нашимъ архивамъ очень далеко еще до того блестящаго положенія, въ какомъ находятся архивы западной Европы (¹). Но для начала сдѣлано и у насъ немало. Къ нашимъ архивамъ стали прилагать въ послѣднее время новѣйшія требованія архивной архитектуры и техники, какія выработаны на западѣ (²). Многіе архивы уже приведены въ болѣе

(¹) См. «Отчетъ о поѣздкѣ за-границу» инженеръ-архитектора *К. Я. Маевскаго* («Сборн. Археолог. Института», кн. II) и статью г. *Легера* «Баварскіе архивы» (ibid., кн. II и III).

(²) См. статью *Н. В. Калачова* «Архивы, ихъ государств. значеніе, составъ и устройство», с.с. 13—16 и 21—26.

или менѣе удовлетворительное состояніе (1), другіе стоятъ на пути къ тому. Предпринимаются новыя постройки архивныхъ зданій (2), гдѣ — нужно полагать — мы увидимъ первое полное примѣненіе у насъ началъ западной науки архивовѣдѣнія. Вообще, въ области вопросовъ о храненіи документовъ замѣчается большое оживленіе и значительный шагъ впередъ.

Неменьшее оживленіе видимъ и въ другой существенной области архивнаго дѣла — въ описаніи архивныхъ сокровищъ. Еще съ начала нынѣшняго столѣтія архивные дѣятели начали выступать на помощь ученымъ людямъ, составляя описи и каталоги документовъ (3). Но собственно уже въ наше время это дѣло получило широкое и правильное развитіе. Многіе центральные архивы начали систематически издавать разнаго рода описанія и описи находящихся въ нихъ документовъ (4). Тому же начинаютъ слѣдовать и нѣкоторые провинціальные историческіе архивы (5). Вообще, это дѣло поставлено на прочныхъ началахъ и нужно желать его большаго и большаго развитія, безъ чего не можетъ прочно идти дѣло научнаго изученія архивныхъ матеріаловъ.

Одна только сторона архивовѣдѣнія остается у насъ почти нисколько не затронутою. Мы разумѣемъ *исторію архивовъ и архивнаго дѣла* въ Россіи. До сихъ поръ мы не имѣемъ ни одной исторіи какого либо архивнаго собранія. Еще менѣе посчастливилось исторіи архивнаго дѣла. Кромѣ немногочисленныхъ, случайныхъ и поверхностныхъ замѣтокъ о положеніи архивнаго дѣла въ разные періоды русской исторіи, замѣтокъ, разбросанныхъ по мѣстамъ въ общихъ историческихъ и историко-юридическихъ сочиненіяхъ и въ нѣкоторыхъ монографіяхъ, ничего цѣльнаго и законченнаго нельзя встрѣтить въ

---

(1) Ibid., с.с. 17—18.

(2) Именно для архивовъ — Государственнаго Совѣта, въ Петербургѣ, и Министерства Юстиціи, въ Москвѣ.

(3) Таковы, напр., описи документовъ Москов. Архива Минист. Иностр. дѣлъ, составленныя *Н. Н. Бантышомъ-Каменскимъ*. Къ сожалѣнію, они доселѣ остаются — по непонятнымъ причинамъ — неизданными въ свѣтъ.

(4) Напр. описанія архивовъ — Государств Совѣта, Сената, Синода, Минист. Юстиціи, Морскаго и проч.

(5) Именно — Кіевскій, Виленскій и Витебскій центральные архивы.

нашей литературѣ [1]. Въ описаніяхъ нѣкоторыхъ центральныхъ и провинціальныхъ архивовъ можно, правда, встрѣтить немногія и совершенно отрывочныя свѣдѣнія по исторіи этихъ архивовъ [2]. Но эти свѣдѣнія касаются внѣшней судьбы архивныхъ зданій и рукописныхъ коллекцій, и ничего почти не сообщаютъ по исторіи внутреннихъ распорядковъ въ старинныхъ архивахъ, т. е.—умалчиваютъ о самой интересной (а отчасти и поучительной) сторонѣ исторіи архивнаго дѣла. Съ другой стороны, существующія свѣдѣнія по внѣшней исторіи архивовъ говорятъ объ ихъ судьбѣ преимущественно въ нынѣшнемъ столѣтіи и отчасти въ XVIII-мъ, а далѣе—вглубь исторіи нейдутъ. Причина этого лежитъ въ томъ, что у насъ почти неизвѣстны матеріалы по исторіи архивовъ и архивнаго дѣла. Въ обнародованныхъ доселѣ историческихъ актахъ мы встрѣчаемъ крайне скудныя данныя по исторіи правительственныхъ и монастырскихъ архивовъ въ XVI и XVII в.в. [3]. Матеріалы о послѣднихъ архивахъ попадаются

---

(1) Напр. у *Неволина* («Образованіе управленія въ Россіи отъ Іоанна III до Петра В.») всѣ свѣдѣнія о провинціальныхъ архивахъ XVII в. заключаются въ слѣдующихъ немногихъ словахъ: «въ Приказныхъ избахъ и Палатахъ были содержимы: списки служащимъ, описи казенному имуществу, книги окладныя и приходорасходныя» (VI т., с. 194). Также скудны и сухи и другія подобныя замѣтки объ архивахъ нашей исторической и историко-юридической литературы.

(2) Такъ, нѣкоторыя историческія свѣдѣнія о *Москов. Архивѣ Минист. Юстиціи* можно найдти въ вышеупомянутой брошюрѣ *Н. В. Калачова* «Архивы....» (с.с. 18—21), а также въ изданіяхъ *П. И. Иванова* — въ VI главѣ «Систематич. обозрѣнія помѣстныхъ правъ....» (см., напр., интересный документъ о перевозкѣ дѣлъ Помѣстнаго Приказа въ Петербургъ, въ 1715 г.,—с.с. 49 — 50) и въ предисловіи къ «Описанію Государств. Архива Старыхъ дѣлъ».—По исторіи *провинціальныхъ архивовъ* можно указать на статьи г. *Лялина:* 1) «Виленскій Центральный Архивъ» («Сборн. Археол. Инст.», кн. 1), 2) «Витебскій Центральный Архивъ» (ibid., кн. III), 3) «Витебскій Архивъ бывшаго генер.-губернаторства» (ibid., кн. IV). Въ разсматриваемомъ нами отношеніи заслуживаетъ вниманія первая статья сообщающая нѣкоторые интересные факты по внутренней исторіи архивнаго дѣла въ Литвѣ, (с.с. 23 — 24 и др.). Укажу еще на статьи—г. *Каманина* «Кіевскій Центр. Архивъ» (ibid., кн. V) и г. *Ефименки* «Архивъ Малоросс. Коллегіи при Харьков. университетѣ» («Кіевская Старина», 1882, январь).

(3) Укажу на слѣдующіе извѣстные мнѣ матеріалы, напечатанные въ разныхъ актахъ, 1) опись архива въ «Описи Корѣльскаго Николаевск. монастыря», 1551 г. («Ак. Ист.», 1, № 158, с.с. 285 — 6); 2) «Опись царскаго архива», 1575— 84 гг. («Ак. Арх. Эксп.», 1, № 289); 3) «Книги переписныя Новгород. суднаго приказа», 1593—1600 г.г. («Ак. Юрид. быта»: т. II, № 139, 1); 4) «Переписныя книги столбцамъ, книгамъ и грамотамъ Новгород. съѣзжей избы», 1668 — 70 г.г. (ibid., № 139, III); 5) «Переписная книга Новгород. дворцовыхъ дѣ-

иногда и въ монографіяхъ по исторіи монастырей. Но все это такъ отрывочно и неполно, что на основаніи извѣстныхъ доселѣ данныхъ нельзя писать исторію архивнаго дѣла въ Россіи. Между тѣмъ, матеріалы для этой исторіи въ значительномъ количествѣ хранятся нетронутыми въ нашихъ богатыхъ архивахъ и ждутъ своихъ изслѣдователей.

Съ подобными матеріалами мнѣ пришлось встрѣтиться при изученіи книгъ *Разряднаго Приказа*, хранящихся въ Москов. Архивѣ Минист. Юстиціи. Матеріалы эти крайне интересны, такъ какъ они рисуютъ положеніе въ XVII в. архивнаго дѣла какъ въ центральныхъ учрежденіяхъ Москвы (собственно въ Разрядномъ Приказѣ), такъ и въ архивахъ *провинціальныхъ* городовъ Московскаго государства. Ограничивая свою задачу только послѣдними архивами, долженъ замѣтить, что я воспользовался здѣсь далеко не всѣмъ сохранившимся матеріаломъ: размѣры его такъ обширны, что только спеціальное изслѣдованіе можетъ исчерпать его вполнѣ. На предлагаемый же очеркъ нужно смотрѣть только какъ на первый *опытъ* подобнаго рода работъ, который быть можетъ дастъ толчекъ къ спеціальному изученію матеріаловъ по исторіи архивнаго дѣла въ Россіи.

Собранные мною матеріалы для обрисовки положенія провинціальныхъ архивовъ въ XVII в. сообщаютъ данныя по всѣмъ главнымъ вопросамъ архивнаго дѣла, но не по всѣмъ въ одинаковой степени. Это зависѣло какъ отъ тогдашняго положенія архивнаго дѣла и взглядовъ на него, такъ отчасти и отъ количества разсмотрѣнныхъ мною матеріаловъ. Этимъ же слѣдуетъ объяснить тѣ пробѣлы по нѣкоторымъ архивнымъ вопросамъ, какіе встрѣчаются въ моемъ очеркѣ. Онъ раздѣленъ на слѣдующія главы: I) *управленіе архивами*, II) *помѣщенія архивовъ*, III) *способы храненія документовъ* и IV) *описи документовъ*.

ламъ», 1669—70 г.г. (ibid, № 139, II); 6) опись архива въ «росписномъ спискѣ» г. Чердыни, 1680 г. («Доп. Ак. Ист.», IX, № 57, II); 7) опись архива въ «росписн. спискѣ» Новгорода, 1681 г. (ibid., № 83, 1); 8) опись архива въ «росписной книгѣ» г. Валуекъ, 1681 г. (ibid., № 84); 9) «Опись столбцамъ Патріаршаго Разряда», 1697 г. («Ак. Ист.», V, № 263) и проч. Нѣкоторыми изъ этихъ матеріаловъ мы воспользуемся въ своемъ очеркѣ.

I.

Управленіе архивами.

Свѣдѣнія объ архивахъ въ воеводскихъ «смѣтныхъ книгахъ», «росписныхъ спискахъ» и «отпискахъ». Воеводы, какъ начальники архивовъ. — Дьяки и подьячіе, какъ непосредственные хранители архивовъ.—Сторожа и караулы.

Главный матеріалъ для исторіи провинціальныхъ архивовъ въ XVII в. заключается въ *воеводскихъ „смѣтныхъ книгахъ“* и *„росписныхъ спискахъ.“* Первыми назывались тѣ ежегодные отчеты о состояніи городовъ, какіе представлялись воеводами въ Разрядный Приказъ. „Росписные списки“ представляютъ такіе же воеводскіе отчеты, но составлявшіеся не ежегодно, а черезъ 2—3 года и болѣе, при сдачѣ города однимъ воеводою другому (1). Какъ въ тѣхъ, такъ и въ другихъ книгахъ, среди разныхъ статей, описывающихъ извѣстный городъ со стороны военной, административной, финансовой и проч., встрѣчаются также отчеты воеводъ о количествѣ и содержаніи разнаго рода документовъ, хранившихся въ „съѣжихъ избахъ,“ „приказныхъ избахъ“ и т. п. учрежденіяхъ города, причемъ не рѣдко эти отчеты представляютъ болѣе или менѣе подробныя описи документовъ, съ разными замѣчаніями объ ихъ помѣщеніяхъ, о способахъ храненія и пр. Эти отчеты воеводъ объ архивахъ—съ перваго взгляда сухіе и малоинтересные, при внимательномъ изученіи, напротивъ, раскрываютъ многія интересныя стороны архивнаго дѣла, а съ другой стороны являются богатымъ матеріаломъ историко-юридическимъ.

Нѣкоторые изъ этихъ воеводскихъ книгъ напечатаны въ разныхъ сборникахъ актовъ (2). Но громадное количество ихъ лежитъ нетронутымъ въ нашихъ архивахъ. Такъ, въ архивѣ Разряднаго Приказа воеводскія книги сохранились для 165 городовъ, причемъ для иныхъ городовъ существуетъ до 30—40 книгъ, для большинства—около

---

(1) См. объ этихъ книгахъ въ «Обозрѣніи историко-географич. матеріаловъ XVII и нач. XVIII в.в......», гл. I, отд. I («Опис. докум. и бум. Моск. Арх. Мин. Юст.», кн. IV).

(2) См., напр., 3-е примѣчаніе на стр. 76-й.

5—10 книгъ, рѣдко меньше [1]. Если извлечь отсюда всѣ свѣдѣнія объ архивахъ, то на основаніи ихъ можно нарисовать полную картину положенія архивнаго дѣла въ большинствѣ провинціальныхъ городовъ XVII и начала XVIII в. в. Въ мой очеркъ, повторяю, вошла только самая небольшая доля этихъ матеріаловъ.

Не всѣ воеводскія „смѣтныя книги" содержатъ въ себѣ отчеты объ архивахъ, хотя, несомнѣнно, что каждый городъ, имѣвшій воеводу и какое либо учрежденіе, подчиненное ему, имѣлъ и собраніе разнаго рода документовъ, относившихся къ воеводской дѣятельности. Можно бы предположить, что если воевода въ иномъ году давалъ отчетъ объ архивѣ, а въ другомъ умалчивалъ о немъ, то только потому, что въ послѣднемъ случаѣ ему пришлось бы повторять отчетъ предъидущаго года, съ небольшими добавленіями о вновь прибывшихъ въ теченіи года документахъ, и поэтому онъ ждалъ большаго ихъ накопленія. Но между тѣмъ, нерѣдко приходится встрѣчаться съ такимъ явленіемъ, что въ рядѣ воеводскихъ „смѣтныхъ книгъ" за извѣстную послѣдовательность годовъ — книга каждаго года содержитъ отчетъ объ архивѣ, т. е. именно повторяетъ отчетъ прошлаго года и прибавляетъ опись новыхъ документовъ за текущій годъ. Очевидно, что все зависѣло здѣсь отъ личныхъ взглядовъ воеводъ на архивное дѣло: иной придавалъ ему значеніе, а потому считалъ себя обязаннымъ каждый годъ давать правительству отчеты о своихъ документахъ; другой же воевода смотрѣлъ на дѣло иначе и избавлялъ себя отъ скучной обязанности составлять описи и представлять ихъ въ Разрядъ. Этимъ же объясняется и то обстоятельство, что не всѣ воеводскія описи архивовъ одинаковы по формѣ и содержанію: у однихъ—какъ увидимъ ниже—они составлялись чрезвычайно кратко, ограничиваясь иногда всего нѣсколькими словами, у другихъ—напротивъ—описи очень подробны, обнаруживаютъ нерѣдко признаки системы и приближаются, даже, къ описаніямъ [2].

[1] См. указатель этихъ книгъ въ X приложеніи къ «Обозрѣнію историко-географ. матер. XVII и нач. XVIII вв....»

[2] Здѣсь, конечно, нужно исключить тѣ случаи, когда объемъ описей зависѣлъ единственно отъ размѣровъ самихъ архивовъ (въ малыхъ городахъ).

Понятно, что произволъ воеводъ въ отчетахъ объ архивахъ можно объяснить только тѣмъ, что самъ Разрядъ не придавалъ архивамъ особеннаго значенія и не требовалъ отъ воеводъ особенно внимательнаго отношенія къ ихъ обязанностямъ по управленію архивами. Достаточно для этого сравнить, напр., отчеты воеводъ о военномъ состояніи городовъ съ ихъ же отчетами объ архивахъ. Разрядъ былъ по преимуществу военнымъ министерствомъ того времени, а воеводы — по преимуществу были комендантами городовъ и воинскими начальниками въ нихъ. Оттого во всѣхъ воеводскихъ отчетахъ всегда на первомъ планѣ стоитъ именно военная часть города. Въ каждой книгѣ воевода неопустительно описываетъ крѣпостныя сооруженія города, перечисляетъ военные запасы, ратныхъ людей и пр. Изъ года въ годъ тянется въ „смѣтныхъ книгахъ“ эта существенная часть ихъ, буквально повторяя отчеты прежнихъ лѣтъ, почти всегда безъ всякихъ добавленій и поправокъ. Рѣдко когда воевода, описывая военное состояніе своего города, позволитъ себѣ умолчать о какомъ либо военномъ предметѣ и сослаться на отчетъ прежнихъ лѣтъ.

Если же намъ приходится встрѣчаться съ обратнымъ явленіемъ, когда воеводскія книги отводятъ у себя главное мѣсто описямъ архивовъ, а о городѣ говорятъ очень кратко, или, даже, совсѣмъ умалчиваютъ о немъ, то это объясняется очень просто. Съ подобными явленіями встрѣчаемся именно въ тѣхъ случаяхъ, когда извѣстный городъ потерялъ совершенно, или начиналъ терять свое военное значеніе и превращался въ центръ адмистративно-судебной дѣятельности воеводъ. Само собою разумѣется, что здѣсь воеводская дѣятельность принимала совершенно иное направленіе и воеводскіе отчеты начинали носить другой характеръ. Для примѣра укажу на „росписной списокъ“ г. *Луха*, 156 г. ([1]), гдѣ на первомъ планѣ поставлена опись архива съѣзжей избы, занимающая почти всю книгу (л.л. 33—37). Описанію же „города“ (т. е. крѣпости) и военныхъ припасовъ отведено здѣсь всего нѣсколько строкъ, объясняющихъ причину такого повидимому игнорированія воеводою главнаго предмета своей дѣятельности: „а го-

(1) «Разрядная вязка» 1, № 37, л. 32.

родъ Лухъ весь обгнилъ и *розвалился* до подошвы", а пушекъ, пороху, свинцу и проч. — „ничево *нѣтъ*" (л.л. 37 об.—38). Такое же краткое упоминаніе о городѣ, при подробной описи архива, встрѣчаемъ и въ росписномъ спискѣ Луха 158 г. (1). Въ росписномъ спискѣ *Ростова*, 184 г. (2), нѣтъ даже такого краткаго замѣчанія о городѣ, тогда какъ опись архива очень подробна. Вообще, подобные случаи нерѣдки. Они становятся вполнѣ понятными, когда обратимъ вниманіе на то, что—напримѣръ—г.г. Лухъ и Ростовъ въ указанные года перестали быть военными пунктами по преимуществу, такъ какъ значительно удалились въ это время отъ границъ государства. Помимо же подобныхъ случаевъ, воеводскія книги никогда не позволяли себѣ уклоняться отъ представленія отчетовъ о главномъ предметѣ дѣятельности воеводъ, какъ военныхъ по преимуществу агентовъ правительства въ провинціи.

Такое отношеніе къ главному предмету своей дѣятельности наблюдалось воеводами какъ по собственному сознанію важности его, такъ и главнымъ образомъ по внушеніямъ свыше—отъ Разряда. Относительно же архивовъ Разрядъ, очевидно, не дѣлалъ такихъ внушеній, смотрѣлъ на архивы довольно безразлично и, слѣдовательно, давалъ воеводамъ въ этомъ отношеніи большую свободу. Но это была именно свобода, а отнюдь не распущенность и не произволъ. Совсѣмъ забросить свой архивъ и положительно молчать о немъ—воевода не могъ. Время отъ времени онъ долженъ былъ давать о немъ отчеты. Такіе отчеты являлись уже положительною необходимостію при переходѣ города отъ одного воеводы къ другому. Поэтому-то рѣдкій изъ „росписныхъ списковъ" не заключаетъ въ себѣ хотя нѣсколькихъ словъ объ архивѣ. Большинство же ихъ содержитъ краткія описи архивовъ, а многіе—даже очень подробныя описи. Къ сожалѣнію, въ архивѣ Разряднаго Приказа больше сохранилось „смѣтныхъ книгъ", чѣмъ „росписныхъ списковъ". Это объясняется, естественно, тѣмъ, что и въ дѣйствительности первыя преобладали надъ вторыми.

---

(1) Ibid., л. 107.

(2) «Разр. вязка» 5, № 61.

Кромѣ „смѣтныхъ книгъ“ и „росписныхъ списковъ“, интересныя свѣдѣнія объ архивахъ можно извлечь изъ воеводскихъ *„отписокъ“* въ Разрядъ, т. е. изъ донесеній воеводъ центральному правительству о разныхъ событіяхъ воеводской практики, требовавшихъ немедленнаго рѣшенія правительства. Въ Разрядныхъ *книгахъ* сохранилось богатое собраніе воеводскихъ „отписокъ“ изъ разныхъ провинціальныхъ городовъ. Къ сожалѣнію, они относятся больше къ началу XVIII в. За XVII в. отписки встрѣчаются въ книгахъ рѣже. Отписки 1-й половины этого вѣка сохранились въ такъ называемыхъ „Записныхъ книгахъ“ Московскаго стола Разряднаго Приказа [1]. Но здѣсь встрѣчаемъ собственно краткія записи воеводскихъ отписокъ и болѣе подробныя извлеченія изъ нихъ. Между тѣмъ, интересны именно подлинныя отписки, какъ по своимъ подробностямъ, такъ особенно по своему живому и наглядному изложенію. Для примѣра укажу на 2 „отписки“, касающіяся архивнаго дѣла [2]: 1) 1703 г. отписка въ Разрядъ *Юрьева-Польскаго* воеводы В. Суворова о необходимости постройки новой приказной избы, вслѣдствіе крайней ветхости старой избы, гдѣ документы сильно страдаютъ отъ течи и проч. [3]; 2) того же года отписка *Муромскаго* воеводы С. Горина, также о необходимости постройки новой приказной избы, причемъ указывается таже причина [4]. Характерныя подробности о положеніи архивовъ, сообщаемыя этими, какъ и другими отписками, заставляютъ пожалѣть, что за XVII в. отписки объ архивахъ сохранились въ небольшомъ сравнительно количествѣ.

Какъ воеводскія книги, такъ и отписки ясно свидѣтельствуютъ, что главными *начальниками архивовъ* въ провинціальныхъ городахъ были именно *воеводы*. Архивы не составляли какихъ либо отдѣльныхъ учрежденій самостоятельнаго характера, съ своимъ особымъ управленіемъ, но представляли одну изъ отраслей воеводской дѣятельности и

---

(1) См. IV приложеніе къ «Обозрѣнію историко-геогр. матеріаловъ XVII и начала XVIII вв....»

(2) Хотя эти отписки относятся уже къ XVIII в., но именно къ началу его, которое, очевидно, нельзя строго разграничивать отъ конца XVII в.

(3) «Дѣла Разрядныя» кн. № 10, дѣло № 142.

(4) Ibid., кн. № 11, іюль дѣло № 20.

были подчинены ему наравнѣ съ другими учрежденіями города. Провинціальные архивы составлялись изъ тѣхъ документовъ, въ которыхъ выражались разнообразныя стороны воеводской дѣятельности. Различныя грамоты, книги, списки, дѣла и др. документы, говорившіе о военной, административной, хозяйственной, финансовой и судебной дѣятельности воеводъ, сосредоточивались подлѣ воеводы. Съ теченіемъ времени собирался болѣе или менѣе значительный по объему архивъ съѣзжей или приказной избы и т. п. учрежденія, составлявшаго и управленіе и канцелярію мѣстнаго воеводы. Сюда же стекались документы и другихъ учрежденій города и уѣзда, такъ или иначе подчиненныхъ воеводѣ, но имѣвшихъ и своихъ непосредственныхъ начальниковъ (таможенные и кружечные дворы и т. п.). Описи архивовъ свидѣтельствуютъ, что документы послѣднихъ учрежденій хранились вмѣстѣ съ документами собственно воеводскихъ архивовъ, но никогда не составляли отдѣльныхъ архивовъ при своихъ непосредственныхъ и ближайшихъ начальникахъ. Подтвержденія этого положенія въ изобиліи встрѣтятся въ дальнѣйшемъ изложеніи (см. IV главу).

Если въ городѣ существовали самостоятельныя учрежденія, не подчиненныя воеводѣ, то они имѣли и свои самостоятельные архивы. При уничтоженіи же подобныхъ учрежденій дѣла ихъ передавались или въ архивы центральныхъ (московскихъ) учрежденій, или же въ мѣстные воеводскіе архивы. Послѣднее наблюдалось особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда къ воеводамъ переходили и предметы дѣятельности уничтожаемыхъ учрежденій. Приведу слѣдующій случай. Въ смѣтной книгѣ *Бѣжецкаго Верха*, 190 г. ([1]), въ описи архива съѣзжей избы приведено содержаніе „указной грамоты“ изъ Разбойнаго Приказа, которая сообщала, что *губныхъ старостъ* велѣно „отставить“, а „разбойныя“, „татиныя“, „убивственныя“ и всякія „воровскія“ дѣла „велѣно вѣдать воеводѣ“, причемъ подьячимъ *губной избы* велѣно быть подьячими же въ съѣзжей избѣ, „врядъ“ съ подьячими послѣдней (л. 510 об.). Въ дальнѣйшей описи замѣчено, что въ одной изъ „компатокъ“ архива хранится: „коробка зъ дѣлы, *что принято по*

([1]) «Дѣла разныхъ городовъ» кн. № 20, л. 506.

росписному списку у губного старосты у Я. Окулова, да сверхъ росписного списка 2 коробки съ старыми дѣлами, а въ росписномъ спискѣ тѣ 2 коробки не написаны" (л. 517).

Такимъ образомъ, воеводскіе архивы становились съ теченіемъ времени центральными архивами для извѣстныхъ городовъ съ ихъ уѣздами. Кромѣ мѣстныхъ документовъ, въ этихъ архивахъ сосредоточивались и всѣ документы по сношеніямъ воеводъ какъ съ Москвою— съ различными ея Приказами (преимущественно съ Разрядомъ), такъ и съ сосѣдними воеводами. Въ пограничныхъ городахъ прибавлялись еще дѣла и по дипломатическимъ сношеніямъ съ зарубежными властями, насколько это входило въ кругъ воеводскихъ обязанностей.

Кромѣ воеводъ, во главѣ провинціальныхъ архивовъ стояли иногда и другія лица, временно замѣщавшія воеводъ и исполнявшія ихъ обязанности. Такія замѣщенія бывали нерѣдко и происходили главнымъ образомъ въ промежутокъ времени отъ отъѣзда одного воеводы и до назначенія другаго. Напр.: предисловіе къ росписному списку *Луха*, 156 г. (1), говоритъ, что новый воевода М. Ѳ. Скрябинъ „въ съѣзжей избѣ принялъ *у земскихъ старостъ* у Ѳ. Ѳ. сына Маслова да у Е. К. сына Малакурова *и у всѣхъ* Луховскихъ *посадцкихъ людей* — государевы царевы...... грамоты и всякіе государевы дѣла и черные отписки и челобитчиковы всякіе дѣла во всякихъ государевыхъ управныхъ дѣлахъ, прошлыхъ лѣтъ и нынѣшнего 156 г. генваря по 3 день, вершеные и невершеные дѣла, *по росписи прежнево воеводы* кн. П. Вяземского, какову роспись оставилъ (князь) въ Луху, за своею рукою, у земскихъ старостъ" (л. 33). Отсюда видно, что воевода кн. П. Вяземскій, уѣзжая изъ Луха, передалъ управленіе городомъ, а слѣдовательно и архивомъ — земскимъ старостамъ вмѣстѣ со „всѣми посадскими людьми". Земскіе старосты завѣдывали архивомъ до пріѣзда новаго воеводы Скрябина, которому и сдали его, по описи, оставленной прежнимъ воеводою. Воевода Скрябинъ управлялъ Лухомъ до 158 г., когда на смѣну его пріѣхалъ С. Н. Трегубовъ, какъ показываетъ росписной списокъ 158 г. (2).

(1) «Разр. вязка» 1, № 37, л. 32.
(2) Ibid., л. 92.

При этой сдачѣ города Скрябинъ передалъ новому воеводѣ какъ документы, накопившіеся въ его управленіе, такъ и всѣ прежнія дѣла— „по росписи" кн. Вяземскаго, какую онъ оставилъ „у прежнихъ Луховскихъ земскихъ старостъ и у Луховскихъ у посадцкихъ людей" (л. 92).

Предисловіе къ росписному списку г. *Торжка*, 1700 г. (1), говоритъ, что воевода Я. П. Внуковъ оставилъ городъ, не дождавшись пріѣзда новаго воеводы и поручилъ временное управленіе городомъ, въ томъ числѣ и архивомъ — подьячему приказной избы П. Постникову, коимъ и былъ составленъ росписной списокъ (л. 1). Подобные случаи чаще происходили въ небольшихъ городахъ. Иногда здѣсь отсутствіе воеводъ тянулось довольно продолжительное время и въ этихъ случаяхъ замѣстители воеводъ назначались по распоряженію Разряда. Напр.: „пріемная книга" (т. е. — росписной списокъ) г. *Пошехонья*, 154 г. (2), собщаетъ что „лѣта....., по государеву..... указу и по грамотѣ изъ Розряду, за приписью дьяка Г. Ларіонова, Пошехонской *губной староста* Назарей Мих—чъ Половъ *принялъ у губново старосты* у Пиная Дан—ча Шипунова судные всякіе дѣла..... и государевы грамоты исъ розныхъ приказовъ и сошные книги..... и..... *съѣзжую избу*, *воеводцкой дворъ*, 2 списка изъ Розряду....." и проч. (л. 365). Изъ дальнѣйшаго перечня документовъ видно, что губной староста Пинай Шипуновъ правилъ въ Пошехоньѣ воеводскую должность со 150 г. (3), т. е. — такой періодъ времени, какой рѣдко проходили и настоящіе воеводы. Но что управленіе губныхъ старостъ было временнымъ явленіемъ въ Пошехоньѣ, это доказывается тѣмъ обстоятельствомъ, что въ „пріемной книгѣ" упоминается „воеводскій дворъ", который, очевидно, существовалъ тамъ издавна и который въ послѣдствіи снова стали занимать воеводы.

---

(1) «Разр. вязка» 23, № 44.

(2) «Десятни» кн. № 277, л. 365.

(3) Въ числѣ документовъ показаны—«книги холопьи черные, розныхъ годовъ, *его Пинаевы, со 150 г.*, маія съ 8 числа» по 26 марта 154 г. (л. 365).

Еще ближе воеводъ стояли къ архивамъ ихъ непосредственные оберегатели, архиваріусы того времени—*дьяки* и *подьячіе*. Количество ихъ было неодинаково въ разныхъ учрежденіяхъ: отъ 2—3 въ городахъ второстепеннаго значенія, до 10—12 и болѣе въ приказныхъ палатахъ и т. п. учрежденіяхъ большихъ городовъ. Всегда-ли было между ними старшее лицо, завѣдывавшее всѣми остальными приказными людьми — трудно рѣшить. Когда въ извѣстномъ приказномъ учрежденіи находился 1 дьякъ и нѣсколько подьячихъ, тогда несомнѣнно, что старшимъ былъ первый, а остальные были ему подчинены. Но при существованіи нѣсколькихъ дьяковъ съ подьячими, или однихъ подьячихъ, безъ дьяка—трудно рѣшить вопросъ о старшинствѣ кого либо изъ нихъ. Различіе между ними въ количествѣ получавшихся ими окладовъ денежнаго и (иногда) помѣстнаго жалованья—еще не говоритъ объ ихъ различіи по службѣ. Тутъ играетъ роль и продолжительность службы, и происхожденіе, и иныя обстоятельства.

Съ другой стороны, есть основанія предполагать, что въ дѣлѣ управленія извѣстнымъ архивомъ не было посредника между воеводою и приказными его избы, но что наблюденіе за архивомъ равномѣрно распредѣлялось между послѣдними. Что текущее дѣлопроизводство извѣстнаго учрежденія, а въ связи съ нимъ и старыя дѣла распредѣлялись въ большихъ учрежденіяхъ между дьяками и подьячими—это не подлежитъ сомнѣнію. Такъ, въ „отпискѣ" государю *Новгородскаго* воеводы кн. И. М. Катырева-Ростовскаго о пожарѣ Новгородской съѣзжей избы, 143 г., не разъ приходится встрѣчать указанія на то, что эта изба была раздѣлена на „столы" и что каждый столъ имѣлъ своего опредѣленнаго подьячаго (или нѣсколькихъ опредѣленныхъ подьячихъ) (1). Такъ, въ приложенныхъ къ отпискѣ „распросныхъ рѣчахъ" о пожарѣ—сторожъ Лаврентій показалъ, между прочимъ, что незадолго до пожара „въ передней и въ середней избѣ сидѣли *по своимъ*

---

(1) Помѣстнаго стола столбецъ № 35 (общій № 8144), л. л. 11—21.—За сообщеніе этого интереснаго столбца, съ свѣдѣніями котораго неразъ еще встрѣтимся въ дальнѣйшемъ изложеніи, приношу искреннюю благодарность *А. П. Зерцалову*, помощнику начальника 1-го отдѣленія Москов. Архива Мин. Юстиціи.

столамъ подьячіе: Дружина Харитоновъ" и другіе (5 человѣкъ) (л. 15). Послѣдніе подтвердили это и показали, что когда начался пожаръ, они, подьячіе, „учали *изъ своихъ столовъ* дѣла хватать и выносить на площадь" (л. 19). Такое же показаніе далъ подьячій Смирной Сухлянской, ночевавшій „въ *Помѣстномъ своемъ столѣ*" (л. 18).

Что подъ „столами" здѣсь разумѣются именно отдѣленія избы, а не столы въ буквальномъ смыслѣ—это доказываютъ еще списки Новгородскихъ дьяковъ и подьячихъ. Такъ, въ смѣтной книгѣ Новгорода, 200 г. (1), помѣщенъ списокъ дьяковъ и подьячихъ Приказной Палаты, распредѣленныхъ по 8 „столамъ": Разрядному, Посольскому, Денежному, Помѣстному, Судному, Хлѣбному, Ямскому и Новопріемному Хлѣбному (л.л. 715—716). Такое же дѣленіе на 8 „столовъ" существовало въ Новгородской Приказной Палатѣ и въ 1700 году (2).

Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что подобныя доказательства распредѣленія дѣлъ между подьячими мнѣ приходилось встрѣчать только относительно учрежденій большихъ городовъ, въ родѣ Новгорода, Кіева, Пскова и т. п. Для распространенія этого правила на приказныя учрежденія городовъ „меньшей статьи"—въ источникахъ нѣтъ никакихъ данныхъ. Но, съ другой стороны, нѣтъ и прямыхъ указаній на то, чтобы въ послѣднихъ городахъ дѣло велось иначе.

Въ приказныхъ учрежденіяхъ XVII в. дѣла текущаго дѣлопроизводства рѣдко отдѣлялись отъ дѣлъ старыхъ, но тѣ и другія хранились вмѣстѣ, а слѣдовательно они одинаково распредѣлялись между подьячими, по крайней мѣрѣ въ учрежденіяхъ большихъ городовъ, Отсюда можно признать, что архивы послѣднихъ дѣлились на *отдѣленія*, во главѣ коихъ стояли подьячіе, а иногда и дьяки.

Требованія, предъявлявшіяся къ приказнымъ людямъ относительно храненія документовъ, были довольно строги. *Г. Дмитріевъ* говоритъ, что указомъ 1697 г. „въ случаѣ *потери* (подьячими) *акта*, или самовольнаго сообщенія его просителю, предписано производить розыскъ „со всякою жесточью" (sic?) и, по розыску, чинить нещадное

---

(1) «Дѣла разн. город.» кн. № 80, л. 708.

(2) Новгород. стола кн. № 71, л. 32 и слѣд.

наказаніе, или правитъ большія пени, „для того, что за его великаго государя годовое жалованье и за подаяніе отъ челобитчиковъ они питаются, и то памятуя надобно старымъ подьячимъ и молодымъ всякія дѣла дѣлать и *беречь со всякимъ опасеніемъ и радѣніемъ*" ([1]). Есть данныя, показывающія, что отъ подьячихъ отбирались „сказки", т. е. подписки о храненіи ввѣренныхъ имъ документовъ въ цѣлости. Напр.: въ смѣтной книгѣ *Великихъ Лукъ*, 193 г. ([2]), въ концѣ описи архива замѣчено слѣдующее: „а противъ сего росписного списка книги и по книгамъ грамоты и всякіе дѣла въ приказной избѣ *въ цѣлости все по сказкѣ* у подьячихъ у И. Володина, у М. Зуева, у С. Боева, у К. Истомина, у У. Володина, у И. Саѳонова" (л. 592). Въ смѣтной книгѣ Вел. Лукъ, 203 г., въ концѣ описи архива приведены самыя „сказки" подьячихъ, именно:

„Въ нынѣшнемъ 203 г., декабря въ 20 день, *сказали* Луцкіе приказные избы подьячіе Игн. Володинъ..... (и другіе—см. выше)....: которые у насъ дѣла по записной книгѣ, при стольникахъ и воеводахъ......, и тѣ у насъ *дѣла всѣ въ цѣлости*, опричь тѣхъ, которые по указу великихъ государей и по грамотамъ и по подписнымъ челобитнымъ дѣла посланы къ великимъ государемъ, къ Москвѣ, въ розные приказы и въ городы. Игнатій Володинъ руку приложилъ". Ниже: „въ нынѣшнемъ..... сказалъ Луцкіе приказные избы подьячей Ульянъ Володинъ: какъ сказалъ Игн. Володинъ съ товарыщи—*всѣ дѣла въ цѣлости*, а 2 дѣла вершеныхъ взялъ къ себѣ стольникъ и воевода Никита Максимовъ сынъ Телѣгинъ: челобитье Ив. Олешина, да дѣло Ѳед. Долгошеина на Ермолу Притчина" (л. 1060).

Заботливость о храненіи документовъ видна и въ томъ, что въ приказныхъ учрежденіяхъ устраивались ночныя дежурства подьячихъ и сторожей. Напр.: въ указанной выше воеводской отпискѣ изъ *Новгорода*, 143 г., замѣчено, что въ ночь передъ пожаромъ ночевали въ съѣзжей избѣ слѣдующія лица: подьячій С. Сухлянской, 2 сторожа,

---

([1]) «Исторія судебн. инстанцій и гражд. апелляціон. судопроизводства отъ Судебника до Учрежденія о губерніяхъ», *Ѳ. Дмитріева*, стр. 340.

([2]) «Дѣла разн. гор.» кн. № 45, л. 579.

3 „стрѣлецкихъ деньщика“ (стрѣльца) и 1 „разсыльщикъ“ (1). Что подобныя дежурства вездѣ устраивались, это весьма вѣроятно. Но не вездѣ въ этихъ дежурствахъ участвовали подьячіе. Въ Новгородской съѣзжей избѣ въ указанное время ихъ было нѣсколько человѣкъ (2), такъ что можно было одного изъ нихъ наряжать на ночь. Въ учрежденіяхъ же небольшихъ городовъ, гдѣ подьячихъ бывало по 2—3 человѣка, врядъ-ли они дежурили по ночамъ: эта обязанность возлагалась тамъ на *сторожей* и на военные *караулы*.

Число сторожей, большею частію наемныхъ, было также неодинаково, какъ и число подьячихъ: отъ 2—3, отъ 4—6 и болѣе человѣкъ, смотря по размѣрамъ учрежденія. Отъ наемныхъ сторожей требовались при вступленіи на службу „поручныя записи“. Напр.: въ росписномъ спискѣ *Торжка*, 1700 г. (3), читаемъ, что въ тамошней приказной избѣ находилось *2 сторожа* наемныхъ, изъ „отставныхъ ямщиковъ“, которые „*стерегутъ* въ приказной избѣ великого государя *всякіе дѣла* и челобитчиковы, и въ той приказной *сторожѣ* собрана по нихъ *поручная запись*“ (л. 5 об.).

Кромѣ сторожей, которые назывались иногда „*избными* сторожами“ (4), въ приказныхъ учрежденіяхъ, т. е. и при архивахъ состояли еще „*разсыльщики*“, назначеніе которыхъ объясняется самымъ названіемъ ихъ. Разсыльщики также иногда бывали изъ наемныхъ людей. Такъ, росписной списокъ *Луха*, 156 г. (5), сообщаетъ, что въ Луховской съѣзжей избѣ находились „3 человѣка розсыльщиковъ, и тѣ розсыльщики посадцкіе тяглые люди, а сошные люди тѣхъ розсыльщиковъ наймуютъ съ сохъ погодно и *подмогу* имъ розсыльщикомъ тѣ сошные люди даютъ съ сохъ же погодно съ своихъ зъ живущихъ четп, по уговору и по своей *рядѣ*“ (л. 37 об.). О сторожахъ Луховской избы здѣсь не упомянуто—или потому, что они были не изъ наемныхъ, но изъ служилыхъ людей, или же, вѣроятнѣе, сторожей не

(1) Помѣстн. ст. столбецъ № 35, л. 14.

(2) Въ отпискѣ и распросныхъ рѣчахъ ихъ поименовано 8 человѣкъ, но по нѣкоторымъ даннымъ нужно полагать, что ихъ было больше.

(3) «Разр. вязка» 23, № 44.

(4) Помѣстн. стола столб. № 35, л. 13.

(5) «Разр. вязка» 1, № 37, л. 32.

было въ Лухѣ и ихъ обязанности исполняли разсыльщики. Но въ большинствѣ случаевъ приходится встрѣчаться съ совмѣстнымъ существованіемъ въ одномъ учрежденіи и сторожей и разсыльщиковъ ([1]).

Кромѣ этой внутренней стражи въ самыхъ архивахъ, послѣдніе охранялись еще и наружными военными *караулами*, которые содержались стрѣльцами и другими ратными людьми. Эти караулы существовали повсемѣстно, подобно карауламъ при другихъ учрежденіяхъ и на разныхъ пунктахъ города: у казенныхъ амбаровъ съ разными военными и другими запасами, у тюремъ, на воеводскихъ дворахъ, у крѣпостныхъ воротъ и проч. Число караульныхъ у приказныхъ учрежденій было неодинаково, смотря опять по размѣрамъ зданій. Но меньше 2 человѣкъ никогда не выставлялось, даже въ самыхъ незначительныхъ городахъ. Такъ, въ смѣтной книгѣ Путивльскаго пригорода *Каменова* (или *Каменнаго*), 193 г. ([2]), читаемъ, что „у приказной избы стоятъ *на караулѣ* Каменовскіе недоросли; *по 2 человѣка*, перемѣняяся по суткамъ“ (л. 136 об.).

II.

Помѣщенія архивовъ.

Архивы «приказныхъ», «съѣзжихъ», «разрядныхъ избъ», «приказныхъ палатъ» и проч. Архивныя помѣщенія: «избы», «комнаты», «казенки», «чюланы» и проч. — Помѣщенія для архивовъ на «казенныхъ дворахъ», въ «житницахъ» и т. п. -Пожары архивовъ. Пожаръ Новгородскаго архива, 143 г.

Собранія старыхъ дѣлъ и документовъ, которымъ собственно усвояется названіе архивовъ, въ XVII в. рѣдко выдѣлялись отъ дѣлъ и документовъ текущаго дѣлопроизводства въ извѣстномъ учрежденіи. Если и случались подобныя выдѣленія, то преимущественно для дѣлъ очень старыхъ, потерявшихъ почти всякое практическое значеніе. Чаще всего эти выдѣленія—какъ увидимъ ниже—носили временный характеръ: вслѣдствіе, напр., пожара извѣстнаго учрежденія, недостатка въ

([1]) См., напр., Помѣстн. ст. столб. № 35, л. л. 13—21.
([2]) «Дѣла разн. гор.» кн. № 80, л. 132.

немъ помѣщеній и т. п. Большею же частію какъ новыя, такъ и старыя дѣла хранились вмѣстѣ въ помѣщеніяхъ тѣхъ именно учрежденій, которымъ они принадлежали, т. е.—въ „приказныхъ избахъ" и „палатахъ", въ „съѣзжихъ" и „разрядныхъ избахъ" и проч. Такимъ образомъ, въ разсматриваемое время *архивы помѣщались вмѣстѣ съ канцеляріями и присутствіями* своихъ учрежденій. Недостатки помѣщеній послѣднихъ были вмѣстѣ съ тѣмъ недостатками самихъ архивныхъ помѣщеній. Интересно, поэтому, познакомиться съ характеромъ помѣщеній тогдашнихъ приказныхъ учрежденій.

Воеводскія книги даютъ интересные матеріалы по этому предмету. Кромѣ краткихъ замѣтокъ разнаго рода, здѣсь нерѣдко встрѣчаются и болѣе или менѣе подробныя описанія приказныхъ зданій, гдѣ говорится какъ о внѣшности ихъ, такъ и о внутренней обстановкѣ. Приведу нѣсколько примѣровъ тѣхъ и другихъ.

Краткія замѣтки о приказныхъ зданіяхъ чаще всего ограничиваются указаніями на время постройки ихъ. Напр.: въ росписномъ спискѣ *Торжка*, 1700 г. (1), говорится, что „новая приказная изба", находившаяся „внутри города" (т. е. крѣпости), „*строена* при сидѣньѣ стольника и воеводы Я. И. Внукова, въ прошломъ въ 206 г., *на зборные деньги*, что збираны на то приказное строенье съ Торжку—съ посаду и съ уѣзду" (л. 5).

Иногда въ замѣткахъ находимъ указанія на число помѣщеній въ извѣстномъ зданіи. Напр.: въ смѣтной книгѣ *Каменова*, 193 г. (2), кратко сказано, что „въ старомъ острогѣ" находилась „приказная изба *съ сѣньми*" (л. 136 об.). Очевидно, что Каменовская изба состояла всего изъ 2 помѣщеній—самой избы и сѣней. Другія зданія были обширнѣе. Такъ, росписной списокъ *Брянска*, 193 г. (3), говоритъ, что тамошняя приказная изба состояла изъ нѣсколькихъ помѣщеній: „...... въ городѣ приказная изба: *горница*, съ *комнатою* и съ *сѣньми*, на подклѣтяхъ" (л. 62 об.).

---

(1) «Разр. вязка» 23, № 44.
(2) «Дѣла разн. гор.» кн. № 80, л. 132.
(3) Ibid. кн. № 18, л. 51.

Въ нѣкоторыхъ замѣткахъ встрѣчаемъ, наконецъ, свѣдѣнія о внутренней обстановкѣ помѣщеній. Напр.: въ росписномъ спискѣ *Острогожска*, 184 г. (1), читаемъ: „съѣзжая изба, въ ней: *образъ* Воскресенія Христова; *столъ*, покрытъ сукномъ краснымъ; *на столѣ* Уложенья книга, книга Чиновникъ письменной; за столомъ *тюшакъ*" (т. е.—тюфякъ, подстилка на „*лавкѣ*" (л. 1).

Болѣе интересны подробныя описанія зданій, напр.—описаніе приказной палаты, помѣщенное въ смѣтной книгѣ *Пскова*, 207 г. (2). Оно рисуетъ внутреннюю обстановку палаты, но точно не указываетъ числа помѣщеній. Палата помѣщалась въ *каменномъ* зданіи, что въ ту пору было рѣдкимъ явленіемъ: почти всѣ встрѣченныя мною описанія говорятъ о деревянныхъ строеніяхъ. Въ зданіи находилось нѣсколько „*палатъ*", гдѣ помѣщались „столы"—Разрядный, Помѣстный, Денежный, Посольскій и Судный. Каждый-ли изъ этихъ столовъ имѣлъ свою особую „палату", или—что вѣроятнѣе—для нѣсколькихъ столовъ назначалось одно помѣщеніе—описаніе не говоритъ. Въ каждой палатѣ находилось по нѣсколько *образовъ*. Одинъ образъ былъ помѣщенъ „надъ (входными?) дверьми, въ створахъ", а „передъ тѣми створами *паникадило* мѣдное, съ подсвѣчники". „Въ *комнатѣ*, гдѣ сидятъ бояре и воеводы—*лавки* обиты краснымъ сукномъ", а *столъ* покрытъ алымъ сукномъ, мѣрою 3 аршина съ полуверщкомъ. На столѣ лежатъ книги: „Уложенье" и „новоуказныя статьи" (л.л. 12—13).

Описаніе приказной палаты, помѣщенное въ росписномъ спискѣ *Кіева*, 203 г. (3), не только рисуетъ внутреннюю обстановку палаты, но и перечисляетъ всѣ помѣщенія ея. Именно: „приказная полата—*горница* съ *комнатою*, къ комнатѣ прирублена *казенка*, передъ ними *сѣни*, въ сѣняхъ *чюланъ* на жилыхъ *подклѣтяхъ*, покрыты тесомъ. А въ той приказной полатѣ моленіе *иконы*—образъ Господа Бога....." и—еще 2 образа. Далѣе: на *столѣ* находились—„книга Соборное Уложеніе, печатная, ветха; новоуказные, прислан-

(1) Бѣлогород. ст. кн. № 94, л. 1.
(2) Новгород. ст. кн. № 70, л. 1.
(3) Кіев. ст. кн. № 50, л. 1.

ные съ Москвы въ Кіевъ статьи. На столѣ-жъ *коверъ* старой, ветхъ, да сукно красное, да лазоревое, ветхи-жъ.—*Лавки*, гдѣ сидятъ бояре и воеводы, побиты сукномъ краснымъ, старымъ. *Три тюшака* коженыхъ, старыхъ. Два *сукна* красныхъ, одно жъ сукно старое вшивное, красное и зеленое.—*Два шендала* мѣдныхъ, въ томъ числѣ одинъ двойной, другой тройной" (л.л. 11—12).

Особенно подробно (изъ встрѣченныхъ мною) описаніе приказной избы *Сѣвска*, помѣщенное въ смѣтной книгѣ 207 г. (1). Здѣсь (л.л. 631 об.—632) указано время строенія избы и матеріалы, изъ которыхъ она построена, опредѣлены размѣры избы, перечислены всѣ помѣщенія ея, описана, наконецъ, обстановка: образа, мебель и проч. Въ виду значительныхъ размѣровъ этого описанія помѣщаю его въ *приложеніи I*. — Укажу еще на 2 подробныя описанія 1) приказной избы въ *Болховѣ*, 206 г. (2) и 2) „разрядной избы" въ *Курскѣ*, 207 г. (3).

Еще болѣе интересны тѣ свѣдѣнія о приказныхъ зданіяхъ, на какія приходится наталкиваться въ нѣкоторыхъ воеводскихъ „отпискахъ". Такова, напр., отписка въ Разрядъ воеводы *Юрьева-Польскаго* Вас. Суворова, 1703 г. (4). Воевода жалуется на крайне плачевное положеніе своей приказной избы, пришедшей въ совершенную *ветхость* настолько, что не только всякіе документы гибли тамъ „отъ *дождевой мокроты*", но даже „войтить нельзя" было въ избу во время дождя. Приведу подлинныя слова воеводы, обнаруживающія его заботливость о храненіи документовъ.

Воевода проситъ о постройкѣ новой приказной избы, потому что настоящая изба „*ветха*, и углы *обвалились*, и *кровля вся огнила и свалилась*, и отъ дождевой мокроты всякіе твои великого государя *дѣла помокли*, и во время *дождевное* въ приказную избу *войтить нельзя*, также и *печь развалилась*, и во время зимнее *топить* никоторыми дѣлы *невозможно*....." — Въ такомъ же невозможномъ положеніи находились и

(1) «Дѣла разп. город.» кн. № 89, л. 606.

(2) Ibid. кн. № 19, л. 735.

(3) Ibid. кн. № 89, л. л. 38 и 40 об.

(4) «Дѣла Разрядныя» кн. № 10, дѣло № 112.

другія казенныя зданія этого захудалаго городка: тюрьма и воеводскій дворъ. Любопытно, что въ своей отпискѣ воевода В. Суворовъ ставитъ на первомъ планѣ ветхость именно приказной избы, гдѣ хранились „государевы дѣла“, но отнюдь не ветхость воеводскаго двора, гдѣ приходилось жить самому воеводѣ и страдать не менѣе документовъ отъ „дождевой мокроты“ и проч. Починить, или построить новыя зданія средствами своего города воевода не могъ: онъ пишетъ (въ концѣ), что починить ему „не на что“, такъ какъ „въ приказной избѣ неокладныхъ никакихъ денежныхъ доходовъ *нѣтъ*...“ — Постройка, конечно, была разрѣшена воеводѣ, на указанныя Разрядомъ средства.

Но не въ однихъ маленькихъ городкахъ казенныя зданія доходили до такого безобразія, какъ въ вышеприведенномъ примѣрѣ. Этими недостатками страдали и болѣе крупные центры. Укажу, напр., на отписку въ Разрядъ *Муромскаго* воеводы Саввы Горина, 1703 г. (¹), описывающую крайнюю ветхость мѣстной приказной избы. Здѣсь также дѣло дошло до того, что въ избѣ „*отъ мраза сидѣть невозможно*“ было, а во время дождя бывала „*теча великая*“ на „коробьи“ съ дѣлами..... Вотъ самая отписка:

Воевода Савва Горинъ, смѣнившій въ маѣ 1703 г. воеводу Як. Ив. Казначѣева, доноситъ въ Разрядъ, что „внутрѣ города приказная *изба* и *сѣни* и *чюланъ*, въ которомъ чюланѣ ставятца *коробьи* со всякими твоими великого государя *грамоты* и *съ дѣлами*, и та приказная изба и сѣни и чюланъ *всѣ ветхія*, и зимнею порою *отъ мраза сидѣть невозможно*, и *крышки* на той приказной избѣ и на чюланѣ ничего *нѣтъ*, а на сѣнѣхъ крышки малое число и то все погнило жъ, и нынѣшней лѣтнею, государь, порою въ той приказной избѣ *отъ дождя сидѣть невозможно, и въ чюланѣ на коробьи*, которые съ твоими великого государя зъ грамоты и зъ дѣлами, и въ сѣняхъ *теча бываетъ великая*, а *опрочь* того *чюлана* и приказной избы тѣхъ *коробей*, съ твоими великого государя зъ грамоты и зъ дѣлами, *поставить некуды*.....“ Въ этомъ же чуланѣ стоитъ „коробья“

(¹) «Дѣла Разр.» кн. № 11, іюль дѣло № 20.

съ гербовой бумагой, которая также страдаетъ отъ дождя. Другія строенія города также очень ветхи. Приказная изба *построена болѣе 40 лѣтъ* тому назадъ — „сошными людьми" Муромскаго уѣзда. Въ заключеніе воевода проситъ о постройкѣ новой избы и проч. — Помѣта Разряда на отпискѣ: „записать въ книгу, взять къ отпуску, *и съ прежнею отпискою* (о которой воевода упоминаетъ) справясь, выписать *не замотчавъ*". Повидимому только вторичная отписка воеводы подѣйствовала на Разрядъ и заставила его поэнергичнѣе взяться за дѣло и разрѣшить воеводѣ новую постройку.

Насколько страдали документы при подобномъ состояніи зданій — понятно само собою. Видѣть здѣсь небрежность, направленную прямо противъ архивовъ — нельзя: достаточно припомнить отписку воеводы Юрьева-Польскаго, гдѣ говорится о крайней ветхости всѣхъ вообще казенныхъ зданій въ городѣ. Это была присущая тому времени халатность отношеній и высшаго правительства и мѣстной администраціи къ своимъ обязанностямъ, халатность, отъ которой прежде всего страдало само правительство. И послѣднее слѣдуетъ здѣсь винить больше, чѣмъ мѣстную администрацію. Это доказываютъ вышеприведенныя отписки воеводъ. Трудно допустить, чтобы Юрьевскіе воеводы могли жить молча и безъ жалобъ въ такомъ полуразрушенномъ воеводскомъ дворѣ, о какомъ пишетъ воевода В. Суворовъ. Несомнѣнно, что они неразъ жаловались Разряду на ветхость какъ воеводскаго двора, такъ и другихъ зданій города, и просили средствъ на ихъ возобновленіе. Отписка Муромскаго воеводы прямо говоритъ, что это было не первое напоминаніе Разряду о необходимости постройки тамъ новой приказной избы. Мѣстныя власти, очевидно, не дремали, но прямо и настойчиво просили Разрядъ о своихъ крайнихъ нуждахъ. Разрядъ отмалчивался до поры до времени, но когда молчать болѣе уже нельзя было, и когда мѣстное безобразіе доходило до невозможныхъ предѣловъ, тутъ онъ брался за дѣло „тотчасъ, безъ мотчанья".

Если недостатки зданій дурно вліяли на состояніе документовъ, то послѣдніе еще болѣе страдали отъ близкаго и постояннаго людскаго сосѣдства. Документы хранились главнымъ образомъ въ тѣхъ помѣщеніяхъ приказныхъ зданій, гдѣ находились канцеляріи и присутствія.

Кромѣ чиновъ учрежденія, здѣсь постоянно толпились посторонніе люди, приходившіе сюда по дѣламъ къ воеводѣ. Какъ тѣ, такъ и другіе, находясь въ постоянномъ соприкосновеніи съ документами, не могли соблюдать осторожное обращеніе съ ними, но волею-неволею привыкали смотрѣть на нихъ какъ на лишнюю обузу, стѣснявшую ихъ движенія. Какъ бы ни были обширны помѣщенія приказныхъ зданій, но съ теченіемъ времени и они наполнялись документами, становившимися тогда прямою помѣхою для всего люда, наполнявшаго помѣщенія въ часы занятій. Притомъ же, какъ видно изъ вышеприведенныхъ описаній приказныхъ зданій — послѣднія въ большинствѣ случаевъ заключали въ себѣ не болѣе 2 помѣщеній: самой „избы" и „сѣней" къ нимъ. Тутъ, очевидно, была порядочная тѣснота въ служебное время. Бо́льшее количество помѣщеній встрѣчаемъ въ болѣе крупныхъ городахъ. Но за то здѣсь видимъ и бо́льшее число приказнаго люда, и бо́льшее количество документовъ. Слѣдовательно и здѣсь помѣщенія были также тѣсны, какъ и въ учрежденіяхъ маленькихъ городовъ.

Помѣщенія приказныхъ учрежденій носили разныя названія. Самое старинное названіе — *„изба."* Новгородская съѣзжая изба въ 143 г. состояла изъ 3-хъ „избъ" — „передней", „середней" и „задней". Но уже здѣсь видимъ и новое названіе: 4-е помѣщеніе съѣзжей избы называлось „старою *комнаткою*". Во всѣхъ этихъ 4-хъ помѣщеніяхъ хранились разныя дѣла и документы избы. Здѣсь же помѣщалась и канцелярія, т. е. „столы", на которые дѣлилась съѣзжая изба. Присутствіе находилось въ „задней избѣ, гдѣ сидѣли воеводы". Такимъ образомъ, здѣсь мы наглядно видимъ, что архивъ помѣщался именно въ канцеляріи и присутствіи учрежденія ([1]).

Во 2-й половинѣ XVII в. болѣе употребительное названіе помѣщеній — *„комнаты"*. Такъ, оно встрѣчается въ вышеприведенныхъ описаніяхъ *Кіевской* приказной палаты, 203 г. ([2]) и *Сѣвской* приказной избы, 207 г. ([3]), въ описи документовъ *Новгородской* при-

---

([1]) Помѣстн. ст. столб. № 35, л. 11 и слѣд. (см. *приложеніе II*).
([2]) Кіевск. ст. кн. № 50, л. 11.
([3]) См. *приложеніе I*.

казной палаты, 1700 г. (1) и во многихъ другихъ источникахъ. Иногда они назывались *„комнатками"*. Такъ, въ съѣзжей избѣ *Бѣжецкаго Верха* (въ 190 г.)—„въ третьей *комнаткѣ*" хранились „32 коробья съ старыми дѣлами" и проч. (2).

Встрѣчаются, наконецъ, названія—*„горницы"* и *„палаты"*. Для примѣра укажу на вышеприведенныя описанія приказныхъ палатъ въ *Кіевѣ*, 203 г. и *Псковѣ*, 207 г.

Когда помѣщенія канцелярій и присутствій становились черезчуръ тѣсны отъ обилія хранившихся въ нихъ документовъ, тогда часть послѣднихъ помѣщалась въ *„казенкахъ"* (т. е. кладовыхъ), *„чуланахъ"* и т. п. помѣщеніяхъ, гдѣ сосѣдями документовъ становились уже не подьячіе, но существа болѣе вредныя—мыши и т. п. Въ казенки и чуланы выносились преимущественно старыя дѣла, какія рѣдко требовались для справокъ въ канцеляріи. Такъ, въ росписномъ спискѣ *Бѣжецкаго Верха*, 198 г. (3), читаемъ: „да въ съѣзжей избѣ, въ *казенкѣ*—прежнихъ воеводъ и приказныхъ людей 36 коробей съ *старыми* дѣлами, да въ той же казенкѣ—2 коробьи съ *старыми* губными дѣлами" (л. 725). Въ съѣзжей избѣ *Боровска*, въ 191 г., „въ *казенкѣ*" находилось 7 коробьевъ и пр., съ дѣлами *„прежнихъ* воеводъ" (4).

Такую же роль играли и „чюланы". Они назначались собственно для храненія разныхъ обиденныхъ предметовъ, необходимыхъ сторожамъ, но иногда служили и мѣстомъ храненія документовъ. Такъ, отписка *Муромскаго* воеводы, 1703 г., говоритъ о ветхости приказной избы и въ томъ числѣ чулана, „*въ* которомъ *чюланѣ ставятца коробьи* со всякими великого государя грамоты и съ дѣлами..." (5).

Мѣстомъ храненія документовъ служили и другія части зданій. Такъ, смѣтная книга *Вел. Лукъ*, 193 г. (6), въ описи архива мѣ-

---

(1) Новгород. ст. кн. № 71, л. 32.

(2) «Дѣла разп. город.» кн. № 20, л. 517.

(3) Ibid., л. 720.

(4) Ibid., л. 44 об.

(5) «Дѣла разрядн.» кн. № 11, іюль дѣло № 20.

(6) «Дѣла разп. город.» кн. № 45, л. 579.

стной приказной избы говоритъ, между прочимъ, что „письма старые прежнихъ воеводъ“ были „вынесены (изъ самой „избы“), и то въ приказной избѣ *на полатяхъ*“ (л. 590).

Вообще, видно, что съ документами особенно не церемонились: помѣщали ихъ всюду, куда только можно было помѣстить, не обращая вниманіе на то—удобны, или неудобны для нихъ эти помѣщенія. Главную задачу видѣли въ томъ, чтобы найдти для нихъ помѣщенія, но при этомъ не интересовались вопросомъ о качествѣ помѣщеній. И если мы видимъ примѣры заботливости о документахъ (какъ въ вышеприведенныхъ воеводскихъ отпискахъ), то должно сознаться, что тамъ были черезчуръ яркія безобразія, молчаніе о которыхъ становилось немыслимымъ.

Когда всѣ помѣщенія приказныхъ учрежденій наполнялись въ обиліи документами и болѣе помѣщать ихъ было некуда, тогда для наиболѣе старыхъ дѣлъ отыскивались помѣщенія въ другихъ казенныхъ зданіяхъ города. Здѣсь еще менѣе обращалось вниманіе на удобство этихъ зданій для храненія документовъ. Заботились только о находкѣ такихъ помѣщеній, гдѣ документы менѣе всего могли бы мѣшать людямъ. Такими помѣщеніями являлись *„казенные дворы“*, *„житницы“*, *„амбары“* и т. п. Всѣ подобныя зданія имѣли прямое свое назначеніе — быть хранилищами разныхъ казенныхъ припасовъ. Понятно, что если для нихъ допускались уклоненія отъ этого прямого назначенія и они становились архивными зданіями, то это могло быть или только на время, или — если и навсегда, то только при условіи занятія архивами незначительной части зданій. Какъ поступали съ документами въ тѣхъ случаяхъ, когда ихъ особенно много накоплялось въ житницахъ и т. п. зданіяхъ, и когда они мѣшали помѣщенію въ нихъ разныхъ казенныхъ припасовъ — нельзя положительно рѣшить. Можно, однако, предположить, что въ этихъ случаяхъ документы подвергались печальной участи — уничтоженію (1).

Слѣдуетъ вообще замѣтить, что случаи помѣщенія архивовъ внѣ приказныхъ зданій — довольно рѣдки. Укажу нѣсколько примѣровъ.

---

(1) См. о храненіи старыхъ дѣлъ въ III главѣ.

Смѣтная книга *В. Лукъ*, 189 г. (1), говоритъ: „а что были *письма старые* прежнихъ воеводъ — не въ сундукахъ, (а) въ свяскахъ, и тѣхъ писемъ *вынесено* (изъ приказной избы), *и то на гостиномъ дворѣ*, а иные погорѣли" (л. 316) (2). Документы помѣщались въ гостинномъ дворѣ временно: это показываетъ вышеприведенная замѣтка Великолуцкой смѣтной книги 193 г. о томъ, что въ этомъ году „письма старые прежнихъ воеводъ" хранились уже „на полатяхъ" приказной избы (3).

Другой случай рисуетъ удивительное отношеніе мѣстныхъ властей къ архиву. Смѣтная книга *Тороца*, 145 г. (4), сообщаетъ, что часть архива съѣзжей избы хранилась первоначально *въ „пороховомъ погребу"!....* Отсюда документы были перенесены въ *„житницу"*, гдѣ вмѣстѣ съ ними хранился „стрѣлецкой горѣлой овесъ". Вотъ подлинныя слова книги: „да въ той же житницѣ государевыхъ розныхъ годовъ грамотъ и отписокъ и судныхъ всякихъ дѣлъ, *что вынесено изъ казенново пороховою погрѣба:* сундукъ большой", 10 коробей и „сундукъ невеликой" (л. 52 об.). Другая часть архива, т. е. новыя дѣла хранились, по обычаю, въ съѣзжей избѣ (л. 53).

Когда именно документы попали въ пороховой погребъ и какъ долго хранились тамъ, до перехода въ житницу — книга, къ сожалѣнію, не говоритъ. Можно предположить, что это случилось послѣ большаго Торопецкаго пожара, бывшаго въ 142 г., когда горѣла и съѣзжая изба (л. 53). Тогда-то, вѣроятно, второпяхъ и попала спасенная часть архива въ пороховой погребъ. Позже должно быть сообразили всю неумѣстность храненія документовъ вмѣстѣ съ легковоспламеняющимся „зельемъ" и перевели архивъ въ житницу — помѣщеніе, правда, не особенно удобное для документовъ, но все же обладавшее бо̀льшею безопасностію, чѣмъ прежнее Въ этой житницѣ документы хранились очень долгое время. Такъ, мы встрѣчаемъ ихъ здѣсь и черезъ 5 лѣтъ — въ 150 г. Смѣтная книга Тороца за этотъ

(1) «Дѣла разн. город.» кн. № 45, л. 307.
(2) Пожаръ былъ въ 188 г. (ibid., л. 308).
(3) Ibid., л. 579.
(4) «Десятни» кн. № 277, л. 49.

годъ (1) повторяетъ тоже самое: „на казенномъ дворѣ 2 житницы одна порожжа а *въ другой житницѣ письмо* въ сундукѣ и въ коробьяхъ—государевы грамоты, и отписки розныхъ годовъ, и судные и всякіе дѣла, *что вынесено изъ казенного зелейного погреба.....*" (л. 184) (2).

Если вѣрно мое предположеніе о времени помѣщенія части Торопецкаго архива въ „зелейномъ погребѣ", то такая опрометчивость Торопецкихъ властей нѣсколько извинительна. Извинительными представляются и другіе случаи храненія документовъ внѣ приказныхъ зданій. Напр.: смѣтная книга *Изборска*, 207 года, говоритъ, что мѣстная „приказная *изба* вся *погнила* и *развалилась*, а приказные дѣла изъ приказной избы *перенесены на казенной дворъ*" (3). Понятно, что здѣсь само благоразуміе требовало найдти временное помѣщеніе для архива въ какомъ бы то ни было зданіи, пока будетъ отстроена новая приказная изба.

Кромѣ недостатковъ зданій, гдѣ хранились архивы, страшными врагами послѣднихъ являлись особенно *пожары*. Архивы очень часто страдали отъ нихъ и главнымъ образомъ потому, что помѣщались въ то время почти исключительно въ деревянныхъ зданіяхъ. Кромѣ того, причинами частыхъ пожаровъ были: близость къ жилью и совмѣстное помѣщеніе съ канцеляріями, съ жильемъ (4) и съ разными

(1) Ibid., л. 180.

(2) Этотъ случай совмѣстнаго храненія документовъ и пороха не долженъ казаться намъ слишкомъ удивительнымъ: въ наше даже время не трудно натолкнуться на случаи почти тождественные. Въ прошломъ 1883 году, напр., въ одномъ изъ іюньскихъ номеровъ «Новаго Времени» (№ 2622), въ корреспонденціи изъ *Выборга* сообщалось, что старинную Выборгскую крѣпость (памятникъ XIII в.) финляндское правительство рѣшилось реставрировать и помѣстить въ ней городскую *библіотеку*, этнографическій *музей и архивы* городскаго магистрата, суда, ратуши и городской финансовой палаты. Мысль прекрасная, но ее въ конецъ уничтожаетъ слѣдующее прибавленіе корреспондента: «въ обширныхъ, большею частію хорошо еще сохранившихся крѣпостныхъ погребахъ предполагается *устроить складочныя мѣста для вещевыхъ запасовъ* мѣстныхъ войскъ». Архивы и «вещевые запасы» въ одномъ зданіи! Правда, что «вещевые запасы» (холстъ, сукно, кожи и т. п.) не такъ опасны, какъ «зелье», но не особенно-то далеко и отстоятъ отъ него..... Но что простительно XVII вѣку, то крайне дико встрѣчать въ наше время, да еще въ такой «просвѣщенной» странѣ, какъ Финляндія.....

(3) Новгород. ст. кн. № 70, л. 414.

(4) Сторожа приказныхъ зданій несомнѣнно помѣщались или около нихъ, или въ самыхъ зданіяхъ.

легко-воспламеняющимися предметами (напр. на „казенныхъ дворахъ“). Во время пожаровъ документы гибли массами. Такъ, во время пожара *Торопецкой* съѣзжей избы, въ 142 г., успѣли спасти небольшое количество документовъ, заключавшихся въ 1 „большомъ сундукѣ“, 1 „невеликомъ сундукѣ“ и въ 10 „коробьяхъ“ (изъ которыхъ только одна была „большая“, а остальныя — „малыя“) (1). Опись Торопецкаго архива за 145 г. начинается именно съ уцѣлѣвшихъ документовъ за 142 г. Но и они были спасены не въ полномъ количествѣ. Въ то время, какъ напримѣръ отъ 143 г. сохранилось въ архивѣ 129 „государевыхъ грамотъ“ и отъ 144 г. — 127 грамотъ, отъ 142 г. уцѣлѣло только *42 грамоты*. Въ отдѣлѣ воеводскихъ „отписокъ“ въ Москву видимъ туже разницу: отъ 143 г. сохранилось 102 отписки, отъ 144 г. — 74 отписки, а отъ 142 г. — только *27 отписокъ* (л.л. 53—55). Далѣе встрѣчаемъ еще слѣдующіе остатки архива послѣ пожара 142 г.: 1) „списки дворянъ и дѣтей боярскихъ, за дьячьими приписьми, и *десятни дворянскія* денежныя роздачи прежнихъ розныхъ годовъ, да съ писцовыхъ книгъ Д. Воейкова да подьячего Ѳ. Протопопова Торопецкого и Холмского уѣзду перечневые книги — *отъ пожару уцѣлѣли*.....“; 2) уцѣлѣли также — „*коробочка* съ явками 142 г., да со 142 г. послѣ мирного постановленья *столпикъ* литовскимъ листомъ о всякихъ зарубежныхъ дѣлахъ“ (л.л. 55—56). Вотъ и все, что сохранилось въ Торопецкой съѣзжей избѣ послѣ пожара 142 г. Это слишкомъ немного для архива такого стариннаго и довольно крупнаго центра, какъ Торопецъ. Очевидно, что архивъ его до пожара представлялъ во много разъ большую массу документовъ сравнительно съ вышеуказанными жалкими остатками.

Такое истребленіе архивовъ пожарами было обычнымъ явленіемъ. Но не всегда источники позволяютъ сдѣлать болѣе или менѣе приблизительные выводы о количествѣ сгорѣвшихъ документовъ. Напр., въ смѣтной книгѣ *В. Лукъ*, 189 г. (2), говорится, что во время пожара приказной избы въ 188 г. часть дѣлъ была вынесена на „гос-

(1) «Десятни», кн. № 277, л. л. 52 об.—53.

(2) «Дѣла разн. город.» кн. № 45, л. 307.

тинный дворъ", „а *иные* погорѣли" (л. 316). Опись архива 189 г. страдаетъ отсутствіемъ хронологическихъ указаній, а потому и нельзя въ данномъ случаѣ опредѣлить хотя приблизительно—сколько именно документовъ уцѣлѣло отъ пожара 188 г.

О причинахъ пожаровъ приказныхъ зданій почти всегда производились слѣдствія. Напр., въ описи архива приказной избы въ *Торжкѣ*, 1700 г. (1), сказано, что въ „приказномъ столпѣ", за 206—8 г.г., заключалась, между прочимъ — „великого государя грамота изъ Розряду, за приписью дьяка С. Ступина, *о роспросѣ* Новоторжской приказной избы *сторожа* Карпушки Кобылякова и *стрѣльца* М. Сухорукова *про пожаръ приказной избы*, и *о роспросѣ* Новоторжской приказной избы *подьячихъ*, и съ роспросовъ ихъ списки, а подлинные роспросы посланы подъ отпискою къ Москвѣ, въ Розрядъ....." (л. 6).

Такую „отписку" съ „распросными рѣчами" мы можемъ представить о пожарѣ *Новгородской* съѣзжей избы, въ 143 г. (2). Отписка воеводъ кн. И. М. Катырева-Ростовскаго, П. И. Волынскаго и дьяковъ И. Софонова и Ѳ. Дружинина, присланная въ Москву въ декабрѣ того же года (3), съ Новгородскимъ „разсыльщикомъ" К. Селецкимъ (л. 11 об.), довольно подробно описываетъ обстоятельства пожара и особенно внимательно останавливается на вопросѣ о сгорѣвшихъ документахъ. Пожаръ начался въ самой избѣ, и хотя воеводы предполагаютъ, что „загорѣлося *отъ трубы*" (л. 13), но они сочли своимъ долгомъ произвести слѣдствіе о пожарѣ. Были допрошены какъ лица дежурившія въ избѣ въ ночь пожара (1 подьячій, 1 разсыльщикъ, 3 стрѣльца и 2 сторожа), такъ и нѣсколько человѣкъ подьячихъ, пришедшихъ въ избу на службу передъ разсвѣтомъ, незадолго до пожара. Приложенныя къ отпискѣ „распросныя рѣчи" всѣхъ этихъ лицъ дополняютъ новыми подробностями разсказъ отписки о пожарѣ. Здѣсь обстоятельно передается—кто и гдѣ ночевалъ въ ту ночь въ избѣ, какъ и гдѣ начался пожаръ, какъ выно-

(1) «Разрядн. вязка» 23, № 44.

(2) Помѣстн. стола столб. № 35 (общ. № 8114), л.л. 11—21.

(3) Т. е. въ томъ же мѣсяцѣ, когда сгорѣла съѣзжая изба. Пожаръ былъ 1 декабря. Число доставки отписки въ Москву нельзя разобрать.

сились дѣла и проч. Вообще, этотъ документъ очень интересенъ, такъ какъ онъ довольно наглядно рисуетъ порядки и отчасти внутреннюю обстановку Новгородской съѣзжей избы, т. е. тѣ порядки и обстановку, какіе присущи были—съ небольшими измѣненіями, конечно—всѣмъ вообще приказнымъ учрежденіямъ того времени.—Въ виду значительныхъ размѣровъ этого документа помѣщаю его въ *приложеніи II*.

III.

Способы храненія документовъ.

«Письмо», какъ общее названіе архивныхъ документовъ. — Виды документовъ: 1) «столпы» и «столпики», 2) «книги» и «тетрати», 3) «связки» и «свертки». — Помѣщенія документовъ: 1) столы, лавки, полки, 2) «коробьи», 3) «ящики» и «ларцы», 4) «сундуки». — Храненіе «старыхъ дѣлъ». — Уничтоженіе дѣлъ. — Потери документовъ. — Выдача документовъ. — Храненіе «тайныхъ дѣлъ». — Передача документовъ въ архивы Московскихъ приказовъ и учрежденій центральныхъ провинціальныхъ городовъ.

Названіе *„архивъ“* было совершенно незнакомо XVII вѣку, если судить по документамъ Разряднаго Приказа. Собранія старыхъ и новыхъ дѣлъ обыкновенно не носили тогда никакого особеннаго названія. Иногда же, если хотѣли дать такому собранію какое либо опредѣленіе, то прибѣгали къ общему и глухому перечню документовъ, составлявшихъ собраніе, употребляя при этомъ дѣленіе документовъ или по внѣшнему виду, или по внутреннему содержанію. Напр., иногда выражались, что въ такой-то съѣзжей избѣ хранятся-де „столпы и книги о всякихъ дѣлахъ“, или—„государевы грамоты и судныя дѣла“ и т. п. Только въ нѣкоторыхъ источникахъ пришлось встрѣтить указанія на то, что иногда собранію архивныхъ документовъ усвоялось въ то время одно общее названіе, именно—*„письмо“* („писмо“).

Такъ, напр., въ смѣтной книгѣ *Торопца*, 150 г. ([1]), замѣчено, что „въ житницѣ (хранилось) *писмо* въ сундукѣ и въ коробьяхъ: государевы грамоты и отписки розныхъ годовъ, и судные и всякіе

([1]) «Десятни» кн. № 277, л. 180.

дѣла.....“ (л. 184). Въ смѣтной книгѣ Торопца, 152 г., снова употребленъ терминъ „письмо“, какъ общее названіе собранія разныхъ документовъ, хранившихся въ житницѣ ([1]). Въ такомъ же смыслѣ слово „письмо“ употреблено въ смѣтной книгѣ *Вел. Лукъ*, 189 г. ([2]), гдѣ замѣчено, что *„письма* старые прежнихъ воеводъ“ перенесены были изъ приказной избы на „гостинный дворъ“ (л. 316). Тоже замѣчаніе встрѣчаемъ и въ смѣтной книгѣ Вел. Лукъ 193 г. ([3]). Но вообще названіе „письмо“ встрѣчается очень рѣдко. Оно не вошло во всеобщее употребленіе, но свидѣтельствовало о зародившейся необходимости найдти какой либо общій терминъ для опредѣленія собранія документовъ. Русскій языкъ не успѣлъ выработать такого термина и въ слѣдующемъ столѣтіи взяли для этого иностранное слово —„архивъ“.

Но документы, входившіе въ составъ архивовъ XVII в., издавна пріобрѣли себѣ техническія названія, полученныя ими отъ внѣшняго своего вида. Документы дѣлились тогда на слѣдующіе виды:

1) *„Столпы“* и *„столпики“*. Это былъ самый употребительный видъ документовъ. *„Столпомъ“* называлось собраніе продолговатыхъ листковъ, полученныхъ отъ разрѣза обыкновенныхъ листовъ и полулистовъ бумаги по длинѣ листа и склеенныхъ узкими конечностями одинъ съ другимъ. Склеивались они въ тѣхъ случаяхъ, когда извѣстный документъ не могъ помѣститься на одномъ листкѣ и требовалъ нѣсколькихъ листковъ. Когда собиралось нѣсколько однородныхъ документовъ, состоявшихъ изъ отдѣльныхъ листковъ, тогда всѣ они подклеивались другъ къ другу и свертывались въ трубку (по ширинѣ листковъ), принимая такимъ образомъ форму цилиндровъ. Въ такомъ видѣ „столпы“ и хранились въ архивахъ ([4]).

([1]) Ibid., л. 261 об.

([2]) «Дѣла разн. город.» кн. № 45, л. 307.

([3]) Ibid., л. 590.

([4]) Въ такомъ же видѣ они и доселѣ хранятся въ нѣкоторыхъ архивахъ, напр. въ Московскомъ Архивѣ Минист. Юстиціи. Пользованіе «столпами» (или «*столбцами*» какъ ихъ *теперь* называютъ) въ такомъ видѣ крайне затруднительно, и многіе архивы начинаютъ давать имъ другую форму, болѣе удобную для чтенія: листки расклеиваютъ и переплетаютъ или же хранятъ расклеенными въ картонахъ. Послѣднему пріему нужно отдать преимущество,

Размѣры столповъ были неодинаковы. Возьмемъ опись архива приказной избы въ *Торжкѣ*, 1700 г., гдѣ встрѣчаемъ столпы самыхъ разнообразныхъ размѣровъ, напр.: „*столпъ*, а въ немъ: великого государя 2 грамоты изъ Иноземского Приказу, за приписью дьяковъ А. Яцково да С. Алексѣева, о высылкѣ изъ Торжку великого государя на службу въ Бѣлгородъ Московскихъ выборныхъ полковъ начальныхъ Новоторжскихъ помѣщиковъ и вотчинниковъ, въ полкъ боярина и воеводы кн. Як. Ѳед. Долгорукова, на указной срокъ марта 25 числа 206 г.—*Столпъ* о строеніи въ Торжку внутри города новой приказной избы, и зборные и расходные книги. *Столпъ*, а въ немъ: съ отписей списки въ платежу стрѣлецкого хлѣба, и записные книги 206 г.“ ([1]). Такимъ образомъ, эти столпы были небольшихъ размѣровъ: первый состоялъ всего изъ 2 грамотъ; число документовъ въ 2-хъ остальныхъ столпахъ не указано, но судя по содержанію—количество ихъ должно быть не велико. Также должны быть незначительны и слѣдующіе столпы той же приказной избы: „*столпъ*“, а въ немъ 2 „грамоты великого государя изъ Государственного Посольского Приказу“ и другіе документы о сборѣ съ Торжка и его уѣзда 800 подводъ „подъ подрядные пушки и подъ провожатыхъ“ (л. 13 об.); „*столпъ*“, а въ немъ грамоты изъ Посольскаго Приказа и другіе документы о сборѣ подводъ съ города и уѣзда „подъ Свейскихъ пословъ, которые шли къ Москвѣ въ 207 г.“ (л. 14). Оба эти факта—сборы подводъ по двумъ случаямъ—были не изъ крупныхъ, а потому и дѣлопроизводство о нихъ не требовало большаго количества документовъ.

Вообще, размѣры столповъ зависѣли именно отъ содержанія документовъ, такъ какъ большею частію въ составъ извѣстнаго столпа включали дѣла однороднаго содержанія, или даже—документы только

такъ какъ здѣсь больше шансовъ на лучшее сохраненіе листковъ. При переплетѣ же они сильно страдаютъ отъ давленія, подклеиванія бумаги и т. п. Нѣкоторые же листки совершенно не поддаются переплету по своей ветхости, по очень маленькимъ размѣрамъ и проч. Кромѣ того, при переплетѣ *пропадаютъ*, или, по крайней мѣрѣ, дѣлаются затруднительными для чтенія тѣ разнообразныя *помѣты*, какія дѣлались по самымъ склейкамъ листковъ и на ихъ поляхъ.

([1]) «Разр. вязка» 23, № 44, лл. 8 об.—9.

по одному дѣлу (см. выше). Когда же это не наблюдалось и въ столпъ включали дѣла совершенно разнородныя, или имѣвшія между собою отдаленную только связь, тогда столпы принимали иногда очень обширные размѣры. Напр., въ описи того же Новоторжскаго архива, 1700 г., на первомъ мѣстѣ поставленъ *„столпъ* приказной, 206 и 207 и 208 г.г.", состоявшій изъ *32 документовъ*, описанныхъ каждый отдѣльно, и изъ неизвѣстнаго количества „черныхъ отписокъ" въ разные приказы и другихъ документовъ, о которыхъ упомянуто только огуломъ (л.л. 5 об.—8). Въ описи *Чердынскаго* архива, 188 г., встрѣчаемъ одинъ *„столпъ"*, заключавшій въ себѣ 22 подлинныхъ грамоты, 51 „списокъ" съ грамотъ и 15 „отписей" въ приказы [1]. —Съ подобными фактами, говорящими о размѣрахъ столповъ, встрѣтимся еще не разъ ниже (въ IV главѣ).

Столпы небольшихъ размѣровъ назывались иногда *„столпиками"*. Напр., въ описи *Усердскаго* архива, 151 г. [2], читаемъ: „прошлыхъ годовъ въ съѣзжей избѣ всякихъ государевыхъ дѣлъ: въ *столпикѣ* государевы указные грамоты, 145 г. и 146 г., что присыланы къ стольнику и воеводамъ къ И. Бутурлину да къ С. Нарбекову.— Да въ *столпикѣ* жъ отписки отъ воеводъ, (что) къ нимъ же присылали (т. е. отписки воеводъ другихъ городовъ къ Усердскимъ воеводамъ).—..... Да въ *столпикѣ* жъ *невеликомъ* государевы грамоты, что присыланы къ Лопырю Лихореву, во 148-мъ году" — и т. д. Какъ видно изъ этой описи, въ составъ „столпиковъ" входили небольшіе документы (грамоты и отписки), состоявшіе большею частію изъ 1—3 листковъ, рѣдко больше.

2) *„Книги"* и *„тетрати"*. Въ XVII в. *„книги"* имѣли тотъ же видъ, что и въ настоящее время. Они сшивались въ листъ и въ 4°, или, какъ тогда выражались—*„въ десть"* и *„въ полдесть"*, напр.: въ описи *Новгородскаго* архива, 1700 г., въ числѣ „отказныхъ книгъ" *Обонежской* пятины встрѣчаемъ, между прочимъ — „книгу въ полдесть", 122—129 г.г. и „книгу въ полдесть", 134—5 г.г. [3].

---

(1) «Доп. Ак. Ист.», IX, № 57, 11, с. 136.

(2) Бѣлогород. ст. кн. № 6, л. 293 об.

(3) Новгород. ст. кн. № 71, л. 405 об.

Книгъ меньшаго формата мнѣ не приходилось встрѣчать (въ Разрядномъ архивѣ). Преобладающимъ форматомъ въ 1-й половинѣ XVII в. была 4°. Книги въ листъ начинаютъ преобладать со 2-й половины этого вѣка. *Переплеты* употреблялись сравнительно рѣдко и преимущественно въ московскихъ архивахъ и въ архивахъ крупныхъ провинціальныхъ городовъ.

Книги большею частію состояли изъ нѣсколькихъ „*тетратей*", связанныхъ вмѣстѣ. Напр., въ описи *Усердскаго* архива, 151 г. (¹), читаемъ: „*книга* строельная Усердскимъ землямъ всякимъ чиновъ служилымъ людемъ, 149 г., *въ тетратехъ*, да *2 листика лишнихъ*...." Здѣсь не указано — изъ сколькихъ „тетратей" состояла „строельная книга". Въ другихъ же мѣстахъ этой описи точно опредѣляется количество тетрадей, напр.: „*книга* строельная г. Усерда, за рукою С. Нарбекова, а въ ней *2 тетрати*. — *Книги* раздаточныя денежныя и зелейныя (казны) и свинцу и государевымъ пищалемъ и хлѣбному жалованью роздача, всѣхъ *30 тетратей*, за руками стольника...." и проч. Далѣе: „*книги* роздаточныя деньгамъ и хлѣбу и зелью и свинцу, и всякіе мелкіе росходы, 146 г. и 147 г., роздача всякимъ Усердскимъ служилымъ людемъ и черкасамъ, *связаны*, а въ нихъ *18 тетратей*, за рукою Д. Толочанова....— *Книги* роздаточныя деньгамъ и хлѣбу и всякимъ росходамъ, и что дано за пахоту отъ государевы десятинные пашни служилымъ людемъ, за князь Ивановою рукою Волконского, а въ нихъ *15 тетратей связано*...." и т. д.

Книги въ 1 тетрадь встрѣчаются рѣдко. Такъ, въ разсматриваемой Усердской описи встрѣтилась только одна подобная книга, именно: „*книга* всего города Усердскимъ землямъ, 147 г., *1 тетрать*, за Дмитріевою (Толочанова) рукою". Въ послѣднихъ случаяхъ книги нерѣдко и назывались „тетратями". Тетради, какъ и теперь, сшивались нитками. Въ „щетномъ спискѣ" *Кіева*, 193 г., записанъ между прочимъ такой расходъ: „въ приказную избу на связки всякихъ пись-

(¹) Бѣлогород. ст. кн. № 6, лл. 293 об. — 299.

менныхъ дѣлъ и на *нити*, чѣмъ *тетрати сшивать*, (куплено) 10 гривенокъ *пеньки*" ([1]).

3) *„Свяски"* и *„свертки"*. Въ *„свяскахъ"* (связкахъ) хранились тѣ дѣла и документы, которые по какимъ либо причинамъ не были приведены въ порядокъ, т. е. не были подклеены въ „столпы" и оставались въ своемъ первоначальномъ видѣ, будучи перевязаны веревками для предохраненія документовъ отъ потери. Напр., послѣ пожара приказной избы въ *В. Лукахъ*, въ 188 г., „письма старые прежнихъ воеводъ" были вынесены *„въ свяскахъ"* на гостиный дворъ, гдѣ и хранились ([2]).

Размѣры связокъ были неодинаковы. Такъ, въ съѣзжей избѣ *Торопца*, въ 145 г., встрѣчаемъ такую небольшую связку: „....да въ *свяскѣ* челобитная, за руками *всего города*, да записи (двѣ?) по Михайловыхъ крестьянѣхъ Роздеришина по Тишкѣ да по Демешкѣ, да отписи во всякихъ дѣлахъ ([3]), да отпись въ Пятницкихъ въ *Бологовскихъ* деньгахъ въ 56 рублехъ въ 24 алтынахъ" ([4]). Другія связки, напротивъ, были очень обширныхъ размѣровъ, напр.: въ приказной избѣ г. *Чердыни*, въ 188 г., хранились между прочимъ: *„связка*, а въ ней *340* челобитчиковыхъ явокъ 185 и 186 и 187 (и) нынѣшняго 188 году; *4 связки*, а въ нихъ челобитья и очные ставки и кабальные дѣла 185 и 186 и 187 и 188 годовъ" ([5]).

Въ *„сверткахъ"* хранились мелкіе документы, состоявшіе изъ отдѣльныхъ листовъ, листковъ, отрѣзковъ бумаги и т. п. Напр., въ описи *Усердскаго* архива, 151 г. ([6]), читаемъ: „да въ *свертке розницы* (т. е. мелочи) всякой, что дѣлалось при (воеводѣ) Лапырю Лихоревѣ". Иногда, однако, эта „розница" хранилась и въ другихъ видахъ, напр.—въ „столпикахъ". Такъ, въ одномъ изъ „столпиковъ" того же Усердскаго архива хранились разные „выборы" „скаски",

([1]) Кіев. ст. кн. № 8, л. 164.

([2]) «Дѣла разн. город.» кн. № 45, л. 316.

([3]) Какія это были «отписи» — не сказано. Но ниже отдѣльно упомянуто 265 «отписокъ» къ государю, за 142—5 гг., хранившихся въ «столпахъ».

([4]) «Десятни» кн. № 277, л. 54.

([5]) «Доп. Ак. Ист.», IX, № 57, с. 136.

([6]) Бѣлогород. ст. кн. № 6, л. 293 об.

„поручныя записи“, „сыскъ Васки Жюлева и приводъ, и роспросные рѣчи, и *иная рознь....*“ — „Свертки“ встрѣчаются очень рѣдко (1).

Всѣ эти виды документовъ помѣщались, какъ извѣстно, преимущественно въ канцеляріяхъ и присутствіяхъ приказныхъ учрежденій. Какія *приспособленія* были устроены здѣсь для храненія документовъ и на сколько эти приспособленія удовлетворяли своей задачѣ—источники говорятъ очень глухо, такъ что по этому вопросу нѣтъ возможности вывести никакихъ общихъ, постоянныхъ и повсемѣстныхъ правилъ. Сохранились только нѣкоторыя отрывочныя данныя для нѣкоторыхъ архивовъ, притомъ—данныя говорящія болѣе о случайныхъ и временныхъ способахъ храненія документовъ, чѣмъ о постоянной системѣ. Только въ немногихъ случаяхъ извѣстные способы храненія документовъ можно признать болѣе или менѣе распространенными повсюду.

Несомнѣнно, что документы текущаго дѣлопроизводства въ извѣстномъ учрежденіи помѣщались на тѣхъ же *столахъ*, за которыми сидѣли и занимались дьяки и подьячіе. Когда столъ наполнялся дѣлами, тогда, очевидно, ихъ помѣщали и на *лавкахъ* у столовъ, и на самомъ *полу*. Но когда и здѣсь не хватало мѣста для дѣлъ — куда и какъ ихъ клали? Очень возможно, что по стѣнамъ комнатъ были расположены *полки* и на нихъ помѣщались тѣ документы, въ которыхъ не было постоянной и текущей необходимости, но которые когда либо могли понадобиться для справокъ. Предположеніе это очень естественно, но странно, что въ источникахъ ни разу не пришлось встрѣтить даже намека на существованіе полокъ въ приказныхъ учрежденіяхъ того времени. Столы и лавки нерѣдко упоминаются въ описаніяхъ приказныхъ зданій (см. 11 главу), но полки—никогда. Какъ бы то ни было, но только эти три помѣщенія — столы, лавки и полки—можно признать такими приспособленіями для храненія документовъ, которые были общи всѣмъ архивамъ того времени.

Затѣмъ, источники говорятъ о слѣдующихъ помѣщеніяхъ для до-

---

(1) Интересны данныя о стоимости бумаги, веревокъ и др. канцелярскихъ принадлежностей того времени. Примѣры этихъ цыфръ см. въ *приложеніи III*.

кументовъ, существовавшихъ или въ нѣкоторыхъ только архивахъ, или во всѣхъ вообще, но не для всякихъ документовъ:

1) *„Коробьи“*. Деревянныя и лубяныя коробки, называвшіяся въ XVII вѣкѣ *„коробьями“*, были въ большомъ употребленіи какъ въ домашнемъ быту, такъ и въ приказныхъ учрежденіяхъ. Въ домашнемъ быту „коробья“ употреблялись для храненія въ нихъ разныхъ обиходныхъ предметовъ—платья и т. п. Напр., „отписная книга“, дворовъ нѣтчиковъ *Епифани*, 1709 г. (¹),“ говоритъ что почти въ каждомъ отписанномъ на государя дворѣ находились у крестьянъ *„коробьи* со всякою рухледью“ (л. 802 об. и слѣд.). Въ приказныхъ и другихъ казенныхъ зданіяхъ „коробьи“ назначались для храненія всякаго рода предметовъ. Напр., въ приказной избѣ *В. Лукъ*, въ 189 г. въ *„коробьяхъ“* хранились „знамена“ (²). Въ *Усердѣ*, въ 151 г., „въ казенномъ анбарѣ (хранились) *коробья* погрому Костенскихъ черкасъ, а въ коробьи церковного строенья: ризы лазоревой киндякъ, оплечья борхотенная..., да стихарь полотняной..., да подрахель (епитрахиль) борхотенная...“ и проч. (³). Еще чаще коробья служили для храненія разныхъ канцелярскихъ принадлежностей. Такъ, въ приказной избѣ *Торжка*, 1700 г., хранилось, между прочимъ, „въ *коробьи* и въ ящикѣ присланной (гербовой) бумаги подъ большимъ гербомъ 9 дестей, подъ среднимъ $1^1/_2$ стопы, подъ меньшимъ 8 стопъ, и та клейменая бумага... отдана... подьячему П. Постникову“ (⁴).

Эти же „коробьи“ служили помѣщеніемъ и для храненія документовъ. Въ нѣкоторыхъ архивахъ въ коробьяхъ помѣщалась значительная часть документовъ, въ другихъ только нѣкоторые документы. Напр., въ росписномъ спискѣ *Галича*, 181 г., замѣчено, что „грамоты и всякіе дѣла (хранились) въ приказной избѣ у подьячихъ, *въ столпахъ* и *въ коробьяхъ*“ (⁵). Здѣсь повидимому всѣ документы

(¹) «Дѣла разн. город.» кн. № 25, л. 801.

(²) Ibid. кн. № 45, л. 316 об.

(³) Бѣлогор. ст. кн. № 6, л. 293.

(⁴) «Разр. вязка» 23, № 44, л. 23 об.

(⁵) «Дѣла разн. город.» кн. № 2, л. 135.

архива хранились въ двухъ видахъ: одни документы были подклеены въ „столпы", а другіе лежали въ „коробьяхъ". Такъ по крайней мѣрѣ заставляетъ думать выраженіе книги. Какое именно количество документовъ находилось въ томъ и другомъ видѣ рѣшить нельзя. Но можно думать, что количество тѣхъ и другихъ было приблизительно одно и тоже. Еслибы въ коробьяхъ находилось меньшинство документовъ, тогда книга выразилась бы иначе, именно — тогда должно было бы сказать, что грамоты и дѣла хранились въ столпахъ, а „иныя-де" въ „коробьяхъ", или же было бы указано самое количество послѣднихъ. По крайней мѣрѣ, въ тѣхъ архивахъ, гдѣ коробьи были въ небольшомъ употребленіи, всегда точно опредѣляется количество ихъ. Такъ, въ съѣзжей избѣ *Боровска,* въ 191 г., хранилось „*7 коробей* великого государя зъ грамоты и со всякими дѣлами" (¹). Въ съѣзжей избѣ *Бѣжецкаго Верха,* въ 190 г., хранились между прочимъ — „прежнихъ воеводъ и приказныхъ людей *32 коробьи* съ старыми дѣлами, да... *коробка* зъ дѣлы, что принято по росписному списку у губнаго старосты..., да... *2 коробки* (²) съ старыми дѣлами..." (³). Въ 198 г., въ этой же съѣзжей избѣ находилось „*36 коробей* съ старыми дѣлами, да... *2 коробьи* съ старыми губными дѣлами" (⁴). О всѣхъ остальныхъ дѣлахъ какъ Боровскаго, такъ и Бѣжецкаго архивовъ, не сказано, чтобы они хранились въ „коробьяхъ". Очевидно, поэтому, что большинство книгъ, столповъ и пр., находившихся въ этихъ архивахъ, хранилось открыто — на столахъ, полкахъ и т. п., и только часть ихъ была помѣщена въ коробьяхъ. Въ Бѣжецкомъ архивѣ въ коробьяхъ помѣщались именно „*старыя дѣла*". Тоже видно изъ описей и другихъ архивовъ. Такъ, опись архива *Усердской* съѣзжей избы, 151 г.(⁵), показываетъ, что здѣсь всѣ документы, въ томъ числѣ и дѣла „преж-

---

(1) Ibid. кн. № 20, л. 44 об.

(2) Только здѣсь «коробьи» названы «*коробками*»; въ другихъ мѣстахъ не приходилось встрѣчать послѣдняго названія.

(3) «Дѣла разн. город.» кн. № 20, л. 517.

(4) Ibid., л. 725.

(5) Бѣлогор. ст. кн. № 6, л. 293 об.

нихъ воеводъ“ хранились открыто, и только объ одной части старыхъ дѣлъ замѣчено, что они хранились въ коробьяхъ, именно: „да *въ коробьяхъ* судныхъ дѣлъ, по росписямъ Омельяна да Мотѳея Бутурлиныхъ и *прежнихъ воеводъ*, 55 дѣлъ вершеныхъ и невершенныхъ, да...“ и проч.

Коробьи употреблялись деревянныя и лубяныя. Такъ въ *Торопцѣ*, въ 145 г., въ житницѣ хранилось „9 коробей малыхъ *деревеныхъ* и *лубеныхъ*“, съ разными дѣлами (1). Въ описи 150 г. эти „*9 малыхъ* коробей“ названы „*коробейками*“, въ отличіе отъ хранившейся здѣсь же одной „*большой* коробьи“ съ дѣлами (2). Такимъ образомъ, размѣры коробей были различные. Коробьи самыхъ маленькихъ размѣровъ назывались иногда „*коробочками*“. Такъ, въ томъ же Торопецкомъ архивѣ, 145 г., хранились 2 „коробочки“, именно: „въ *воеводцкой коробочкѣ* столпикъ государевыхъ указныхъ обрасцовыхъ розныхъ годовъ 10 грамотъ“ (3), „да *коробочка* съ явками 142 г., да... столпикъ литовскимъ листомъ о всякихъ зарубежныхъ дѣлахъ“ (4). Названіе „столпикъ“ ясно говоритъ о небольшихъ размѣрахъ этихъ коробочекъ. Кромѣ того, видно, что здѣсь хранились дѣла особенной важности, именно: въ 1-й коробочкѣ хранились „государевы *образцовыя* грамоты“, а во второй—„листы“ о „*зарубежныхъ* дѣлахъ“, которыя составляли одну изъ главныхъ заботъ порубежнаго Торопецкаго воеводы.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ дѣла хранились въ коробьяхъ *за печатями* и даже *за замками*. Напр., въ *Усердѣ*, въ 203 г., „въ приказной избѣ, *за печатью* Ѳедора Болотникова *въ коробьяхъ* явилось по осмотру: книга строельная г. *Усерда* воеводы Савы Нарбекова...“ и проч. (5). Дѣло въ томъ, что воевода Ѳ. Болотниковъ уѣхалъ изъ Усерда не дождавшись пріѣзда новаго воеводы и сдачи ему города, а при отъѣздѣ онъ запечаталъ дѣла приказной

(1) «Десятни» кн. № 277, л. 52 об.
(2) Ibid., л. 184.
(3) Ibid., л. 53.
(4) Ibid., л. 56.
(5) «Разрядн. вязка» 18, № 8.

избы, помѣстивши ихъ въ коробьяхъ. Такимъ образомъ, это была временная мѣра, принятая для сохраненія дѣлъ до пріѣзда новаго воеводы. Но вотъ другой примѣръ, гдѣ нахожденіе документовъ за печатями было повидимому постоянною мѣрою. Въ концѣ описи архива *Острогожской* приказной избы, 184 г., замѣчено: „въ приказной избѣ собраны всякіе *дѣла прежнихъ воеводъ, запечатаны въ двуо коробьяхъ*" (1).

Примѣръ коробьи за замками встрѣтился только однажды, именно: въ *Великолуцкой* приказной избѣ, въ 189 г., хранились *„2 коробьи за замками дворцовыхъ подьячихъ* С. Боева да А. Хонева, а въ тѣхъ коробьяхъ *дворцовые* всякіе приказные дѣла, а тѣхъ коробей *ключи* у нихъ подьячихъ, а нынѣ они подьячіе на Москвѣ" (2). Такая забота объ этихъ документахъ объясняется, съ одной стороны, тѣмъ, что это были дѣла дворцовыя, а съ другой — отъѣздомъ въ Москву лицъ, которымъ непосредственно были подчинены эти дѣла.

2) *„Ящики"* и *„ларцы"*. „Ящики", приготовлявшіеся исключительно изъ дерева, служили для сохраненія какъ разныхъ предметовъ, такъ и документовъ, но преимущественно первыхъ. Выше было упомянуто, что въ приказной избѣ *Торжка*, въ 1700 г., „клейменая бумага" хранилась „въ коробьи и *въ ящикѣ*" (3). Въ *Псковской* приказной палатѣ, въ 207 г., хранилась „печать Псковского государства, серебряная золоченая, на ней изображена *рысь*, а во охраненіи та печать устроена *въ двуо ящикахъ*" (4). Въ *Новгородской* приказной палатѣ, въ 1700 г., „въ *ящикѣ*" (помѣщенномъ въ особомъ „ларцѣ" съ документами) хранилась „великаго государя *печать городовая*, чѣмъ печатаютъ объѣзжіе головы" (5). Случаи же употребленія ящиковъ для храненія документовъ встрѣчаются очень рѣдко. Приведу одинъ подобный случай: въ описи архива *Кіевской* приказной палаты, 203 г., сказано между прочимъ, что нѣсколько пере-

(1) Бѣлогород. ст. кн. № 94, л. 3.
(2) «Дѣла разн. город.» кн. № 45, л. 318.
(3) «Разр. вязка» 23, № 44, л. 23 об.
(4) Новгород. ст. кн. № 70, л. 12 об.
(5) Ibid. кн. № 71, л. 37 об.

численныхъ въ описи грамотъ, „извѣтовъ“ и „розысковъ“ хранились въ палатѣ *„въ ящикѣ за печатью* боярина и воеводы кн. П. И. Хованского“ (1). Присутствіе печати указываетъ на исключительность этого способа храненія документовъ.

„Ларцы“, отличавшіеся отъ ящиковъ болѣе тонкою отдѣлкою, еще рѣже употреблялись для архивныхъ цѣлей. Употребленіе ихъ пришлось встрѣтить только въ одномъ архивѣ *Новгородской* приказной палаты. Такъ, въ описи архива 189 г. читаемъ, что *„въ ларцѣ,* гдѣ печать великаго государя“, хранились также 2 документа, именно: „государева грамота о Ягановѣ женѣ Деродеса о крѣпостяхъ и росписка Богд. Неѳлова съ Ѳеклистомъ Муравьевымъ“ (2). Въ 1700 г., въ этомъ же архивѣ встрѣчаемъ 2 ларца, именно: *„въ ларцѣ,* въ комнатѣ, гдѣ лежатъ великого государя Новгородцкіе государевы печати, за печатью бояръ и воеводъ (хранился) столпъ, а въ немъ великого государя грамоты о судныхъ дѣлахъ, которые перемѣнъ (т. е.— при перемѣнѣ воеводъ) бояре и воеводы принимаютъ, имянно...“— далѣе идетъ перечень около 10 грамотъ (3). Другой былъ *„большой ларецъ“* и въ немъ хранилась печать (въ особомъ „ящикѣ“) и 2 документа: 1) великаго государя грамота изъ Приказа Большой Казны, 189 г., о томъ, чтобы кабаки и таможни были „на вѣрѣ“, а не „на откупѣ“ и 2) „статьи о московскихъ выписныхъ стрѣльцахъ“ (4). Какъ видно, въ этихъ ларцахъ хранились болѣе важные документы, назначавшіеся для постояннаго руководства воеводъ при отправленіи ими своихъ обязанностей.

3) *„Сундуки“*. Они служили временными помѣщеніями для храненія документовъ и употреблялись въ тѣхъ преимущественно случаяхъ, когда приходилось переносить документы съ мѣста на мѣсто. Напр., дѣла архива *Торопецкой* съѣзжей избы послѣ пожара 142 г. были вынесены въ „зелейный погребъ“, а оттуда перенесены въ житницу, где мы ихъ находимъ въ 145-мъ и слѣдующихъ годахъ. Во

(1) Кіев. ст. кн. № 50, л. 17 об.
(2) «Доп. Ак. Ист.», IX, № 83, с. 168.
(3) Новгород. ст. кн. № 71, лл. 32—37.
(4) Ibid., лл. 37 об. — 38.

все это время дѣла хранились въ тѣхъ помѣщеніяхъ, въ какихъ были уложены вѣроятно во время пожара, именно — въ 10 коробьяхъ, въ „*большомъ сундукѣ*“ и въ „*невеликомъ сундукѣ*, съ Невельскими дѣлами“ (1). Въ описи 150 г. послѣдній названъ просто „сундукомъ“, безъ прибавки эпитета — „невеликой“ (2).

На такое же назначеніе сундуковъ указываетъ повидимому и слѣдующая замѣтка въ описи архива *Великолуцкой* приказной избы, 189 г.: „а что были письма старые прежнихъ воеводъ *не въ сундукахъ*, (а) въ свяскахъ, и тѣхъ писемъ вынесено, и то на гостинномъ дворѣ, а иные погорѣли“ (пожаръ былъ въ 188 г.) (3). Тоже буквально повторяется и въ книгѣ 193 г., съ тою разницею, что вынесенныя дѣла въ этомъ году хранились уже „на полатяхъ“ приказной избы (4). Выраженіе этой замѣтки, говорящее, что въ описываемый моментъ дѣла находятся „не въ сундукахъ, а въ свяскахъ“ — свидѣтельствуетъ, очевидно, о томъ, что раньше, именно во время пожара и вскорѣ послѣ него эти дѣла хранились въ сундукахъ. Ясно отсюда, что сундуки здѣсь были только временнымъ хранилищемъ документовъ.

Укажу еще на одно оригинальное хранилище документовъ, довольно удобное по своей формѣ именно для храненія „столповъ“: это — „*лукошки*“. Употребленіе ихъ пришлось встрѣтить только однажды — въ описи архива *Боровской* съѣзжей избы, 191 г. Здѣсь сказано, что 7 коробей, съ государевыми грамотами и „со всякими дѣлами, да *два лукошка*“ хранились „въ съѣзжей избѣ, въ казенкѣ прежнихъ воеводъ“ (5). Послѣднее выраженіе указываетъ повидимому на то, что въ данномъ случаѣ „коробья“ и „лукошки“ назначались для храненія именно старыхъ дѣлъ.

Вотъ и всѣ способы храненія документовъ, на какіе пришлось натолкнуться въ матеріалахъ Разряднаго Приказа.

---

(1) «Десятни» кн. № 277, л. 52 об.
(2) Ibid., л. 184.
(3) «Дѣла разн. город.» кн. № 45, л. 316.
(4) Ibid., л. 590.
(5) Ibid. кн. № 20, л. 44 об.

Перехожу къ вопросу о храненіи *„старыхъ дѣлъ“* въ архивахъ XVII в. Что „старыя дѣла“ дѣйствительно хранились въ нихъ, объ этомъ свидѣтельствуетъ большинство архивныхъ описей того времени. Къ сожалѣнію, здѣсь сравнительно рѣдко встрѣчаются прямыя указанія на то, какой именно давности лѣтъ хранились дѣла въ тѣхъ или другихъ архивахъ. Чаще всего описи употребляютъ неопредѣленныя выраженія — „старыя дѣла“, „дѣла прежнихъ воеводъ“ и т. п. Такъ, напр., въ приказной избѣ г. *Олешни* (Алешни), въ 184 г., кромѣ документовъ этого года, хранились еще „всякіе дѣла..., *прежніе* великого государя грамоты и отписки и памяти и всякіе и челобитчиковы дѣла“ (1). Въ пожаръ *Новгородской* съѣзжей избы, въ 143 г., въ „задней избѣ“ сгорѣли „государевы посольскіе и розрядные и иные дѣла, и государевы указные грамоты, и *прежніе* наказы, и нѣмѣтцкіе ссылочные письма, и столпы *прошлыхъ лѣтъ* и нынѣшнего году, и росписные списки...“ и пр. (2).

Но иногда встрѣчаются и опредѣленныя указанія на количество хранившихся старыхъ дѣлъ. Напр., въ описи *Торопецкаго* архива, 145 г., упомянуто „4 дѣла *старыхъ* судныхъ А. Ѳомина да М. Челищева“ (3). Въ архивѣ г. *Вольнаго*, 162 г., хранилось, между прочимъ, „государевыхъ грамотъ о всякихъ государевыхъ дѣлѣхъ указныхъ, (что) прислано къ *прежнимъ воеводамъ*—599 грамотъ..., да *старыхъ* поручныхъ... по стрѣльцахъ 25 поручныхъ, по пушкаряхъ и по воротникахъ 23 поручныхъ...“ (4). Въ послѣднемъ примѣрѣ можно сдѣлать приблизительный разсчетъ—за какое время хранились въ Вольновскомъ архивѣ старыя грамоты. Кромѣ 599 старыхъ грамотъ, здѣсь же хранились *53 грамоты*, присланныя за время воеводства послѣдняго воеводы Вл. Новосильцева, который въ 162 г. сдавалъ городъ новому воеводѣ Л. Камынину. Если признать цифру 50 среднею нормою числа грамотъ, получавшихся Вольновскими воеводами изъ Москвы за все время каждаго воеводства, то 599 грамотъ получи-

(1) Бѣлогород. ст. кн. № 34, л. 63.
(2) Помѣстн. ст. столб. № 35, л. 11.
(3) «Десятни» кн. № 277, л. 54.
(4) Бѣлогород. ст. кн. № 34, лл. 131 об. и 135.

лись за время 12-ти воеводствъ. Каждое же воеводство продолжалось среднимъ числомъ около 2 лѣтъ. Слѣдовательно, въ Вольновскомъ архивѣ грамоты хранились за время около 24 лѣтъ.

Въ другихъ архивныхъ описяхъ встрѣчаемъ прямыя указанія на давность хранившихся дѣлъ. Такъ, въ описи архива *Вяземской* съѣзжей избы, 160 г., описаны дѣла *„прежнихъ годовъ“*, подъ коими разумѣются дѣла *со 158 г.*, а о болѣе старыхъ замѣчено слѣдующее: „а что въ Вязьмѣ, въ съѣзжей избѣ старыхъ дѣлъ *по 158 г.* марта по 3 число, и тѣ дѣла писаны въ прежнихъ росписныхъ спискахъ“ (1). Въ описи *Усердскаго* архива, 151 г., описано значительное количество документовъ „прошлыхъ годовъ“, но всѣ они не восходятъ далѣе *145 г.*, затѣмъ идутъ дѣла 146, 147 и дальнѣйшихъ годовъ (2).

Въ нѣкоторыхъ архивахъ встрѣчаются болѣе старыя дѣла. Такъ, опись *Луховскаго* архива, 156 г., показываетъ, что здѣсь хранились дѣла *за 19 лѣтъ*, именно: *„137 и 138 г.г.* книги платежныя изъ Ямского Приказу, за приписью дьяка Ѳ. Опраксина, живущимъ четямъ Луховского уѣзду вотчиннымъ и помѣснымъ землямъ“ (3). Остальныя дѣла были позднѣйшихъ годовъ — 149 г., 151 г. и проч. (4).

Наиболѣе старыя дѣла встрѣчаемъ въ архивахъ крупныхъ городовъ. Такъ, въ *Сѣвской* приказной избѣ, въ 207 г., старѣйшій документъ сохранился *за 53 года*, именно это былъ „списокъ“ съ „писцовой переписной книги“ *Комарицкихъ* драгунъ, составленной Аф. Зиновьевымъ *въ 154 г.* Хотя „списокъ“ есть только копія съ подлиннаго документа, составленнаго А. Зиновьевымъ, но очевидно, что эта копія сдѣлана въ 154 г., или близко около того времени, такъ какъ подлинная писцовая книга тогда же была отослана въ Помѣстный Приказъ. Кромѣ этой книги, сохранились здѣсь еще слѣдующіе „списки съ писцовыхъ переписныхъ книгъ... Комарицкихъ драгуновъ: стольника и воеводы Замятни Леонтьева, (да) Ивана Кобыльского,

(1) «Десятни» кн. № 286, л. 79 об.

(2) Бѣлогор. ст. кн. № 6, лл. 293 об. — 299.

(3) «Разрядн. вязка» 1, № 37, л. 33 об.

(4) Ibid., лл. 33 об. — 37.

157 г.; третьи (т. е.—третій „списокъ")—окольничаго С. Л. Стрѣшнева, *161 г.;* четвертые—*подлинные*, С. Бутакова, *175 г.;* пятые—выборныхъ полковъ Агѣя Алексѣева Шепелева, да М. Кравкова, *178 г.*" и проч. Далѣе встрѣчаются документы 187 г., 194 г. и болѣе позднѣйшихъ годовъ (¹).

Изъ всѣхъ изученныхъ мною архивовъ самыми древнѣйшими документами обладалъ архивъ *Новгородской* приказной палаты 1700 г.: здѣсь мы встрѣчаемъ документы не только *за весь XVII в.*, но и *за послѣднюю четверть XVI в.* Именно, опись архива (²) показываетъ, что отдѣлъ „*десятней и списковъ*" начинался слѣдующимъ документомъ *7083* (1575) *г.*: „разборная десятня *Обонежской* пятины боярина, Великого Новгорода намѣстника, Никиты Романовича *Юрьева*, да дьяка Третьяка Нарбукова, *7083 г.*" (л. 43 об.). Дальнѣйшіе документы этого отдѣла относятся къ XVII в., именно: „розборная десятня денежные роздачи боярина кн. И. А. Хованского, *126 г.*, за приписью дьяка М. Копнина; розборная десятня дворяномъ и дѣтемъ боярскимъ *Вотцкіе* пятины, за приписью дьяка И. Милославского, *129 г.*; розборная десятня денежные роздачи, *141 г.*, за приписью дьяка Ѳ. Дружинина; розборная десятня дворяномъ и дѣтемъ боярскимъ всѣхъ пятинъ, боярина и воеводы кн. П. А. Репнина, за приписью дьяка Б. Обобурова, *146 г.*" (л.л. 43 об.—44). Далѣе идутъ десятни, списки и т. п. документы за позднѣйшіе года XVII в. — за 157, 159, 165—7, 170, 176—7, 181 г.г. и проч.

Документы *XVI в.*, встрѣчаются и въ другихъ отдѣлахъ описи Новгородскаго архива 1700 г. Именно, въ описи *Помѣстнаго* стола, расположенной по пятинамъ, опись документовъ каждой пятины начинается съ писцовыхъ книгъ послѣдней четверти XVI в. Такъ, къ „*Шелонской* пятинѣ обѣихъ половинъ" относились слѣд. писцовыя и т. п. книги: „книги писцовыя Леонтья Аксакова, *7090 г.*, за ево писца Леонтьевою рукою; книга дозорная Гр. Бундова, *7096 г.*, за ево Григорьевою рукою; книга дозорная... (чернила

(¹) «Дѣла разн. город.» кн. № 89, лл. 632 — 634.
(²) Новгород. ст. кн. № 71, лл. 32 — 494.

выцвѣли)... 7103 г." (л. 265). Далѣе идутъ „переписныя книги" XVII в.—154 и 177 г.г., „списокъ съ писцовой книги" 134—5 г.г. (л. 265 об.) и „даточныя книги" 205 г. и слѣдующихъ годовъ.

Опись документовъ *Деревской* пятины также начинается съ писцовыхъ, дозорныхъ и т. п. книгъ XVI в. — за *7090, 7091 и 7103 г.г.*, далѣе — за 156, 177 и слѣд. г.г. (л. 318). — Между документами *Бѣжецкой* пятины встрѣчаемъ 3 писцовыя книги XVI в.: *7090, 7091 и 7102 г.г.* (л. 342), а въ *Обонежской* пятинѣ только одинъ документъ XVI в. — *7091 г.*, далѣе же идутъ документы XVII в. — *128*, 155 и друг. г.г. (л. 404).

Документы остальныхъ отдѣловъ Новгородскаго архива касаются только XVII в. и немногіе изъ нихъ относятся къ 1-й четверти его. Такъ, послѣдніе встрѣчаются между документами Обонежской пятины, напр.: „книги отказныя: книга въ полдесть, *122* и 123 и 124 и 125 и 126 и 127 и 128 и *129 годовъ*" (л. 405 об.).

Большинство же документовъ относится къ болѣе позднѣйшимъ годамъ XVII в. Въ отдѣлѣ „наказовъ" хранились документы только *за 58 лѣтъ*, именно: „въ столѣ *Розрядныхъ дѣлъ* (хранились) 2 списка съ наказовъ боярина и воеводы Г. И. Морозова, *150 г.*; списокъ съ наказу окольничаго и воеводы кн. Ѳ. А. Хилкова, *156 г.*; списокъ съ наказу боярина и воеводы кн. Г. С. Куракина *о ратномъ строѣ, 167 г.*, за приписью дьяка И. Зиновьева" (л. 39). Далѣе идутъ наказы—169, 173, 176, 178—9, 183, 188 и позднѣйшихъ годовъ. Послѣдній наказъ относится къ 205 г. (л.л. 39 об.—41).

Въ отдѣлѣ *„государевыхъ грамотъ"* древнѣйшій документъ относится къ *170 г.*, затѣмъ идутъ грамоты — 171, 174, 183, 189 и слѣд. г.г. (л.л. 32—37).—Въ отдѣлѣ воеводскихъ *„росписныхъ списковъ"* древнѣйшій документъ относится къ *188 г.*, именно: „росписной списокъ боярина и воеводы кн. Ю. М. Одоевского зъ бояриномъ же и воеводою со кн. П. А. Хованскимъ, 188 года генваря 18 числа, за приписью дьяка Т. Кузминскаго" (л. 41 об.). Далѣе идутъ „росписные списки" 190, 192—4, 196 и слѣд. г.г. (л.л. 42—43).

Во всѣхъ остальныхъ отдѣлахъ богатаго Новгородскаго архива, 1700 г., встрѣчаемъ дѣла только позднѣйшихъ годовъ — съ 205 г. по 208 г. Вообще, относительно храненія старыхъ дѣлъ Новгородскій архивъ представлялъ счастливое исключеніе: если отъ XVI в. и отъ 1-й четверти XVII в. въ немъ сохранилось небольшое количество документовъ, то за остальное время XVII в. уцѣлѣло ихъ очень довольно. Такую заботливость о храненіи старыхъ дѣлъ слѣдуетъ приписать, очевидно, тому обстоятельству, что Новгородъ представлялъ одинъ изъ крупнѣйшихъ провинціальныхъ центровъ, приказныя учрежденія которыхъ болѣе или менѣе приближались своими порядками къ Московскимъ приказамъ.

Интересно сопоставить только что разсмотрѣнную опись Новгородскаго архива, *1700 г.*, съ описью того же архива за *189 г.*, напечатанною въ IX т. „Дополн. къ Акт. Истор.“, подъ № 83 (с.с. 167—8). Эта опись представляетъ, очевидно, только отрывокъ изъ подлинной описи, ибо размѣры ея не могутъ идти въ сравненіе съ описью 1700 г.: тогда какъ послѣдняя помѣщается на 463-хъ листахъ, опись 189 г. напечатана всего на 2 страницахъ. Тѣмъ не менѣе опись 189 г. сообщаетъ нѣкоторыя интересныя данныя въ сопоставленіи съ описью 1700 г.

Оказывается, что изъ отдѣла „государевыхъ грамотъ“ (которымъ начинаются обѣ описи) въ 189 г. упомянута только 1 грамота 170 г., отъ 21 іюня („о мѣдныхъ деньгахъ“), которой нѣтъ въ описи 1700 г. Всѣхъ остальныхъ грамотъ 1700 г. нѣтъ въ описи 189 г. Далѣе въ послѣдней описи указанъ очень древній документъ, именно: „*книга писцовая Вотцкіе* пятины, Дмитрія Китаева да Микиты Губы-Молокова, *7008 (1500) году.*“ Эта книга не дожила до 200-лѣтняго своего юбилея: въ 1700 г. ея уже не было въ Новгородскомъ архивѣ.

Въ слѣдующемъ, затѣмъ, отдѣлѣ воеводскихъ „наказовъ“ — въ описи 189 г. не записаны наказы 183 и 188 г.г., а наказъ 186 г. не сохранился въ архивѣ 1700 г. Далѣе, въ описи 189 г. идутъ 3 „списка съ писцовыхъ книгъ“ г. *Новгорода,* 131 г., о которыхъ не упоминаетъ опись 1700 г. — или потому, что они пропали, или

же вслѣдствіе отсылки ихъ въ Помѣстный Приказъ. Затѣмъ, въ описи 189 г. идетъ отдѣлъ „десятней" и разныхъ „списковъ", изъ котораго приведено только начало, вполнѣ совпадающее съ описью 1700 г., но продолженія и конца этого отдѣла нѣтъ. Опись 189 г. оканчивается нѣсколькими „отписками" 169—70 г.г. и нѣкоторыми другими отдѣльными документами (с.с. 167—8).

Слѣдуетъ пожалѣть, что эта опись не вполнѣ сохранилась (или напечатана), такъ что нельзя провести параллели по всѣмъ отдѣламъ обѣихъ описей, чтобы вывести данныя объ убыли документовъ въ Новгородскомъ архивѣ за періодъ съ 189 г. по 1700 г. (20 лѣтъ). Но, судя по сохранившимся даннымъ, слѣдуетъ признать, что эта убыль была очень невелика и что старыя дѣла хранились здѣсь довольно исправно.

Эта исправность Новгородскаго архива особенно бросается въ глаза, если сравнить его съ другими архивами XVII в., гдѣ вовсе не встрѣчаются старыя дѣла. Во многихъ архивахъ хранились только дѣла текущаго года и нѣсколькихъ ближайшихъ годовъ. Такъ, въ описи *Торопецкаго* архива, 145 г., кромѣ нѣсколькихъ дѣлъ — неопредѣленно названныхъ „старыми", описаны дѣла текущаго года и, затѣмъ, изъ прежнихъ годовъ — дѣла за 142 — 4 г.г. (1). Въ описи *Новоторжскаго* архива, 1700 г. (2) нѣтъ даже глухаго упоминанія о старыхъ дѣлахъ. Здѣсь описываются дѣла только текущаго года и 2-хъ предъидущихъ — 206 и 207 г.г., да 1 документъ 205 г. (л. 11 об.). Болѣе ранніе документы совсѣмъ не встрѣчаются, если не разумѣть подъ ними тѣхъ документовъ, хронологія которыхъ не опредѣлена.

Вообще, чуть-ли не въ большей части архивовъ хранились преимущественно новѣйшія дѣла, а о старыхъ дѣлахъ или упоминается очень глухо, или говорится о незначительномъ количествѣ ихъ, или же вовсе не говорится. Куда же дѣвались эти старыя дѣла? Конечно, значительное количество ихъ гибло отъ вышеуказанныхъ причинъ —

---

(1) «Десятни» кн. № 277, лл. 53—56.
(2) «Разр. вязка» 23, № 44.

отъ пожаровъ, небрежнаго храненія и проч. Но и за всѣмъ тѣмъ дѣла должны были оставаться въ громадномъ количествѣ. Между тѣмъ, такіе богатые архивы, какъ вышеуказанный Новгородскій архивъ 1700 г. — встрѣчаются очень рѣдко. Они существовали только въ крупныхъ центрахъ: въ Кіевѣ, Бѣлгородѣ, Сѣвскѣ, Псковѣ и т. п. Но архивы большинства городовъ были очень бѣдны документами. Да и архивы крупныхъ центровъ не были богаты старыми дѣлами. Малое количество послѣднихъ заставляетъ думать, что старыя дѣла подвергались *уничтоженію.*

Хотя въ источникахъ ни разу не пришлось натолкнуться на какіе либо намеки по этому вопросу, тѣмъ не менѣе такое предположеніе заслуживаетъ полнаго вѣроятія, такъ какъ иначе нельзя будетъ объяснить исчезновенія старыхъ дѣлъ. И это тѣмъ болѣе естественно, что уничтоженіе дѣлъ практикуется у насъ и до сихъ поръ, являясь иногда въ самыхъ безобразныхъ формахъ, свидѣтельствующихъ о варварскомъ отношеніи къ архивнымъ богатствамъ... Тоже и даже въ большихъ размѣрахъ должно было происходить и въ XVII в. Дѣла первостепенной важности — какъ, напр., „государевы грамоты" и т. п. — несомнѣнно хранились долгое время и, быть можетъ, назначались даже для вѣчнаго храненія, и если они гибли, то не по желанію заправителей тогдашнихъ архивовъ, а единственно по несчастнымъ случайностямъ. Обо всѣхъ же остальныхъ дѣлахъ такъ не заботились и съ теченіемъ времени часть ихъ несомнѣнно уничтожалась. Какъ происходило это уничтоженіе — существовали ли для этого какія либо общія и постоянныя правила, установленныя правительствомъ, или все зависѣло отъ случайныхъ взглядовъ и распоряженій приказнаго люда, какія именно дѣла постигала печальная участь уничтоженія, какъ именно они уничтожались?—на всѣ эти любопытные вопросы нельзя дать положительныхъ отвѣтовъ. Но слѣдуетъ предположить, что ни высшее правительство, ни мѣстная администрація много не думали надъ этимъ вопросомъ и не имѣли никакихъ постоянныхъ правилъ на этотъ счетъ. Дѣло уничтоженія документовъ, становившихся съ теченіемъ времени излишними для приказнаго употребленія и казавшихся, поэтому, ни для чего болѣе не годными,

предоставлялось, очевидно, личному произволу приказныхъ людей, подъ нѣкоторымъ надворомъ воеводъ.

Во всякомъ случаѣ слѣдуетъ признать, что уничтоженіе дѣлъ существовало въ XVII в. и, судя по сохранившимся архивнымъ описямъ, практиковалось въ обширныхъ размѣрахъ. Дѣла гибли въ страшномъ количествѣ, подъ невѣжественными руками приказныхъ людей того времени. Только этимъ можно объяснить то обстоятельство, что до нашего времени уцѣлѣло сравнительно очень небольшое количество документовъ XVII в. изъ провинціальныхъ архивовъ. Центральные архивы этого времени, равно какъ провинціальные архивы слѣдующаго столѣтія были счастливѣе въ этомъ отношеніи провинціальныхъ архивовъ XVII в.

Кромѣ прямаго уничтоженія, пожаровъ и т. п., документы провинціальныхъ архивовъ XVII в. исчезали и по многимъ другимъ причинамъ. Такъ нерѣдко, конечно, случалась простая *потеря* документовъ, весьма понятная при тѣхъ условіяхъ, въ какихъ они хранились тогда. На случаи потери документовъ иногда указываютъ архивныя описи, не объясняя причинъ. Напр., въ описи *Луховскаго* архива, 156 г. ([1]), упоминается, между прочимъ, въ числѣ хранившихся тамъ документовъ — „росписной списокъ губнымъ дѣламъ, что прежней воевода кн. П. Вяземской въ Луху въ губной избѣ у губново старосты у М. Пестрикова губные дѣла прiималъ во 155-мъ году, а въ Луху въ съѣзжей избѣ *никакихъ губныхъ дѣлъ* противъ тово росписнова списка *нѣтъ ничево*" (л. 36).

Въ другихъ же случаяхъ объясняются причины исчезновенія дѣлъ. Такъ, въ описи *Новгородскаго* архива, 1700 г., замѣчено, что въ отдѣлѣ воеводскихъ „наказовъ" не хватаетъ 3 „наказовъ," именно—воеводъ П. В. Шереметева, кн. М. А. Черкасскаго и кн. Н. С. Урусова: всѣ они *„не оставили"* своихъ наказовъ въ приказной палатѣ. Года ихъ не указаны, но они помѣщены между наказами 179 и 183 г.г. ([2]). Далѣе замѣчено объ отсутствіи еще 2 наказовъ: „списка съ наказу бояринъ и воевода В. С. Волынской *не оста-*

([1]) «Разр. вязка» 1, № 37.

([2]) Новгор. ст. кн. № 71, л. 40.

вилъ;...... списка съ наказу бояринъ и воевода кн. М. Я. Черкасской съ товарищи *не оставилъ*" (л. 40 об.). Первый наказъ помѣщенъ между наказами 190 и 192 г. г., а второй—между 192 и 196 г.г.

Потеря документовъ нѣсколько ограничивалась тѣмъ обстоятельствомъ, что приказнымъ людямъ было строго запрещено брать дѣла къ себѣ на домъ ([1]). И дѣйствительно, съ фактами нарушенія этого правила мнѣ не приходилось встрѣчаться, исключая одного случая, не совсѣмъ яснаго. Именно, въ одной изъ вышеуказанныхъ (см. 1 главу) „сказокъ" *Великолуцкихъ* подьячихъ, 203 г., замѣчено, что „*два дѣла* вершеныхъ *взялъ къ себѣ* стольникъ и воевода Н. М. Телѣгинъ: челобитье И. Олешина, да дѣло О. Долгошеина на Е. Притчина" ([2]). Но здѣсь не ясно—куда именно взялъ воевода эти 2 дѣла: къ себѣ ли на домъ, или въ свою „судейскую комнату," на свой воеводскій „столъ"? Послѣднее, конечно, не составляло преступленія и часто практиковалось какъ воеводами, такъ и подьячими. Въ архивныхъ описяхъ и другихъ документахъ нерѣдко приходится наталкиваться на замѣтки о подобныхъ *выдачахъ* дѣлъ на руки извѣстнымъ лицамъ. Напр., въ „отпискѣ" *Новгородскихъ* воеводъ царю о пожарѣ съѣзжей избы, въ 143 г., замѣчено, что въ „задней избѣ" сгорѣло много дѣлъ, которые „для, государь, того..... въ тою заднюю избу *были принесены, что выбирали* мы..... изъ нихъ перебѣжитцкіе росписи и для иныхъ твоихъ государевыхъ розныхъ дѣлъ, которые для поспѣшенья были *надобны*...." Очевидно, что эти дѣла хранились въ другомъ мѣстѣ, вѣроятно—въ „средней" и „передней" избахъ, и только на время „для поспѣшенья" были принесены въ „заднюю" избу, „гдѣ сидѣли воеводы" ([3]).

Въ архивныхъ описяхъ всегда приводятся имена лицъ, коимъ были выдаваемы документы. Такъ, въ описи *Новгородскаго* архива, 1700 г. ([4]), встрѣчаемъ слѣдующіе случаи выдачи документовъ: въ

([1]) «Ист. судебн. инстанцій...», *Ѳ. Дмитріева*, с. 339.

([2]) «Дѣла разн. город.» кн. № 45, л. 1060.

([3]) Помѣстн. ст. столб. № 35, лл. 11—12.

([4]) Новгород. ст. кн. № 71, л. 32 и слѣд.

„Разрядномъ столѣ,“ въ описи дѣлъ 206 г., послѣ разныхъ „столповъ“ стоятъ отдѣльныя рубрики документовъ съ такими заголовками: „того жъ году дѣла и выписки *у подьячаго* Макс. Протопопова“ (л. 112) и „*у подьячаго* Вас. Протопопова“ (л. 114). Подъ каждымъ заголовкомъ слѣдуетъ опись ряда дѣлъ, взятыхъ указанными подьячими. Въ концѣ описи столповъ 207 г. (л. 117 об.) снова встрѣчаемъ — „тогожъ году дѣла и выписки у подьячаго М. Протопопова“ и „*у подьячаго* Д. Якимова.“ Первымъ было взято 6 дѣлъ, а вторымъ 58 дѣлъ. Изъ столповъ 208 г. (л. 128 об.) послѣднимъ подьячимъ было взято 13 „дѣлъ и выписокъ.“ Съ этимъ же явленіемъ встрѣчаемся въ описи документовъ „Денежнаго стола.“ Въ концѣ ея стоятъ слѣд. рубрики: 1) „207 г., Денежнаго стола дѣла и выписки у подьячаго Ив. Болотова“ (л. 190 об.), 2) 208 г., дѣла и выписки у того же подьячаго (л. 199 об.) и 3) дѣла и выписки у подьячаго Е. Іевлева, за 205—8 г.г. (л. 204). Такимъ образомъ, всѣмъ этимъ подьячимъ были выданы дѣла за текущій 208 г., или за ближайшіе 3—4 года. Очевидно, эта выдача обусловливалась необходимостію выданныхъ дѣлъ для текущаго дѣлопроизводства Новгородской приказной палаты.

Приведу еще примѣры выдачи документовъ изъ описи архива *Кіевской* приказной палаты, 203 г. (1): 1) о государевой грамотѣ 201 г., отъ 28 декабря (о „гонцахъ“), замѣчено, что та „великихъ государей грамота съ иными грамотами въ столпу 201 г., *у подьячаго* у М. Налетова“ (л. 20); 2) „при бояринѣ и воеводахъ при кн. П. И. Хованскомъ съ товарищи, въ приказной полатѣ всякихъ дѣлъ *у подьячихъ*: у И. Колачникова: челобитье стольника и полковника Аѳонасьева полку Козлова стрѣльца Ивашки Базулина на Кіевскаго пушкаря на Кузьку Смородина, о наемной лавкѣ“ (л. 128 об.). Далѣе идетъ опись еще 12 дѣлъ, находившихся на рукахъ у этого подьячаго. Затѣмъ у подьячихъ — „у М. Налетова“ находилось 12 дѣлъ (л. 131), „у Д. Соловкова“—19 дѣлъ (л. 139). У послѣдняго стоитъ особая рубрика: „дѣла у Дмитрія жъ Соловкова, которые

(1) Кіев. ст. кн. № 50, л. 11 и слѣд.

были у Л. Шагарова“ (л. 138). „У М. Калачникова“ находилось 11 дѣлъ (л. 143), „у Д. Өатѣева“—9 дѣлъ (л. 146) и т. д. (еще у 4 подьячихъ). Изъ хронологіи всѣхъ этихъ документовъ видно, что это были новѣйшія дѣла—за 201—8 г.г., имѣвшія, очевидно, связь съ текущимъ дѣлопроизводствомъ палаты.

Въ той же описи *Кіевскаго* архива, 203 г., встрѣчаемся съ „*тайными дѣлами,*“ которыя хранились здѣсь недоступными для всякаго взора, кромѣ высшихъ лицъ администраціи. Это были „государевы грамоты,“ которыя велѣно было „держать въ тайнѣ.“ Содержаніе большей части ихъ указано въ общихъ неопредѣленныхъ чертахъ, именно: „грамота великихъ государей, какова прислана во 192 г., марта въ 2 день, о пріѣздѣ въ Кіевъ изъ *Волосской* (Валахіи) земли посланного отъ *Степана Петра воеводы* митрополита *Досифея*, а велѣно *тѣ* великихъ государей *грамоты держатъ въ тайнѣ*“ (л. 13). Очевидно, здѣсь рѣчь идетъ не объ одной послѣдней грамотѣ, но о нѣсколькихъ предъидущихъ („тѣ..... грамоты....“). Раньше же описаны 3 грамоты, именно: 1) царская грамота къ бояріну и воеводѣ Петру Вас. Большому-Шереметеву, 177 г., „о польскихъ и о литовскихъ послѣхъ о *Биневскомъ* съ товарищи“ и 2) 2 царскія грамоты къ бояріну и воеводѣ кн. Н. С. Урусову, 187 г., „о *Бѣлоцерковскомъ* камендатѣ (комендантѣ), да о Степанѣ *Куницкомъ*“ (л. 12 об.). Повидимому все это были грамоты по дипломатическимъ дѣламъ. Ниже встрѣчаемъ еще одну тайную грамоту, содержаніе которой, однако, не приведено: это—государева грамота къ бояріну и воеводѣ кн. П. И. Хованскому, отъ 19 іюня 202 г., „а велѣно ее *держатъ тайно*“ (л. 16 об.).—Въ описяхъ другихъ архивовъ не приходилось встрѣчать подобныхъ отмѣтокъ о тайныхъ документахъ.

Кромѣ вышеуказанныхъ причинъ исчезновенія документовъ въ провинціальныхъ архивахъ, послѣдніе теряли часть ихъ вслѣдствіе *отсылки* въ архивы Московскихъ приказовъ. Нѣкоторые документы отсылались въ подлинникахъ, а „списки“ (копіи) съ нихъ оставлялись въ провинціальныхъ архивахъ, другіе же документы передавались въ Москву безъ оставленія у себя „списковъ.“ Примѣры того и другаго нерѣдко встрѣчаемъ въ архивныхъ описяхъ. Напр., въ *Великолуцкомъ*

архивѣ, 193 г., хранились, между прочимъ *„списки“* съ писцовыхъ, межевыхъ и „окладныхъ“ книгъ, *„а таковы жъ* книги (т. е. подлинныя) *посланы* въ Розрядъ, въ нынѣшнемъ во 193 г., съ Луцкимъ казакомъ съ И. Немировымъ“ (¹). Въ *Новгородскомъ* архивѣ, 1700 г., хранился, между прочимъ—*„списокъ* съ розборные десятни денежные роздачи, 167 г., *а подлинные* десятни, за приписью дьяка И. Зиновьева, *посланы къ Москвѣ“* (²). Далѣе идетъ опись еще 2 „списковъ“: 1) „десятня, какова *послана къ Москвѣ* во 176-мъ году, дворяномъ и дѣтемъ боярскимъ и новокрещеномъ и казакомъ новичнымъ окладомъ и съ придачами“ (л. 45); 2) „книга новопостроенныхъ каменныхъ зелейныхъ палатъ строенью, какова *послана* къ великому государю *къ Москвѣ,* въ Новгородскій Приказъ, за приписью дьяка И. Иванова“ (л. 50).

Въ другихъ же случаяхъ прямо говорится объ отсылкѣ документовъ въ Москву, безъ упоминанія объ оставленіи ихъ „списковъ“. Напр., въ описи *Великолуцкаго* архива, 203 г., замѣчено: „а *что была* записная выходная книга выходцомъ, за руками....., и та книга въ прошломъ въ 198 г., по указу великихъ государей и по грамотѣ изъ приказу Холопья Суда, по челобитью М. Т. Челищева, *послана* къ Москвѣ, *въ Приказъ Холопья Суда,* съ Е. Городецкимъ“ (³). Въ приложенныхъ къ этой описи „сказкахъ“ подьячихъ о пріемѣ ими документовъ—замѣчено, что подьячіе приняли „дѣла всѣ въ цѣлости, опричь тѣхъ, которые по указу великихъ государей и по грамотамъ и по подписнымъ челобитнымъ *дѣла посланы* къ великимъ государемъ, къ Москвѣ, *въ розные приказы и въ городы“* (л. 1060). Дѣйствительно, кромѣ Московскихъ приказовъ, дѣла отсылались еще въ учрежденія разныхъ провинціальныхъ городовъ, съ которыми были сношенія у даннаго города, или прямая подчиненность имъ. Особенно частая передача дѣлъ происходила изъ пригородовъ въ ихъ главные города и вообще изъ небольшихъ городовъ въ города центральные, какъ, напр.—въ *Бѣлгородъ,* главный городъ „Бѣлогородскаго Разряда“,

(¹) «Дѣла разп. город.» кн. № 45, лл. 590 об.—591.
(²) Новгород. ст. кн. № 71, л. 44 об.
(³) «Дѣла разп. город.» кн. № 45, л. 1059.

въ *Спасскъ, Новгородъ* и проч. Слѣды подобной передачи можно видѣть въ архивныхъ описяхъ пригородовъ и вообще небольшихъ городовъ. Такимъ образомъ, здѣсь можно находить зародышъ мысли о *центральныхъ архивахъ* въ провинціи, необходимость которыхъ начинаетъ ясно сознаваться только въ послѣднее время.

IV.

Описи документовъ.

Составленіе описей.—Краткія описи.—Подробныя описи: а) описи безъ признаковъ системы.—б) Систематическія описи: 1) дѣленіе документовъ по ихъ видамъ; 2) хронологическое дѣленіе; 3) географическое дѣленіе; 4) дѣленіе документовъ по содержанію.—Опредѣленіе разныхъ видовъ документовъ: 1) «грамотъ» и проч., 2) «столповъ», 3) «книгъ».—Зачатки описанія документовъ.—Отмѣтки о внѣшнемъ состояніи ихъ.—Отсутствіе нумераціи документовъ.—Описи печатныхъ книгъ.—Заключительные выводы.—Историческое, историко-юридическое и бытовое значеніе архивныхъ описей XVII вѣка.

Всѣ вышеизложенныя свѣдѣнія объ архивахъ XVII в. заимствованы преимущественно изъ *архивныхъ описей*, имѣющихъ, кромѣ того и другой интересъ. Именно, описи важны для опредѣленія того порядка, въ какомъ хранились тогда документы, а съ другой стороны—для характеристики самого дѣла составленія описей. Порядокъ храненія документовъ ясно опредѣляется порядкомъ описей, къ разсмотрѣнію которыхъ и переходимъ.

Описи документовъ составлялись и хранились во всѣхъ архивахъ XVII в. Отсутствіе описей встрѣчается такъ рѣдко, что, очевидно, оно зависѣло отъ чисто случайныхъ причинъ. Каждый архивъ считалъ своимъ долгомъ составлять описи возможно чаще. Рѣдкая изъ воеводскихъ „смѣтныхъ книгъ" не заключаетъ въ себѣ хотя краткой описи архива своего приказнаго учрежденія. Еще рѣже отсутствіе ихъ въ „росписныхъ спискахъ". Въ тѣ и другія книги вносились тѣ архивныя описи, которыя составлялись дьяками и подьячими извѣстнаго учрежденія. Очевидно, что составленіе описей подьячими находилось подъ надзоромъ воеводъ, а иногда, вѣроятно, имъ принадлежала и редакція описей. Но прямыхъ указаній на это нѣтъ.

Кромѣ описей, вносившихся въ воеводскія книги, существовали и самостоятельныя описи документовъ, хранившіяся въ самыхъ архивахъ, при дѣлахъ. Источники весьма часто говорятъ объ описяхъ послѣдняго рода, составлявшихся или для документовъ всего архива, или чаще— для нѣкоторыхъ отдѣловъ его. Такъ, въ описи *Торопецкаго* архива, 145 г., читаемъ, что здѣсь хранились, между прочимъ, „государевы грамоты", „отписки" и другіе документы—„и тѣмъ государевымъ грамотамъ, окромѣ образцового столпика грамотъ, и чернымъ отпискамъ, и изъ которыхъ приказовъ и о чемъ государева грамота, и съ кѣмъ именемъ прислана, и изъ Торопца отписки къ государю, къ Москвѣ, и о чемъ писано, и въ которой приказъ, и съ кѣмъ именемъ отписки посыланы, *и тому двѣ книги записные*" (1). Здѣсь интересенъ перечень рубрикъ, изъ которыхъ состояли эти 2 описи „грамотъ" и „отписокъ".

Къ смѣтной книгѣ *Торопца*, 159 года, приложена „*книга записная* суднымъ дѣломъ, при воеводѣ при кн. В. Н. Пріимковѣ-Ростовскомъ, 157 и 158 и 159 г.г.", описывающая эти дѣла довольно подробно (2). Въ *Луховскомъ* архивѣ, 156 г., встрѣчаемъ „*росписной списокъ* губнымъ дѣламъ", принятымъ въ 155 г. воеводою кн. П. Вяземскимъ у губнаго старосты М. Пестрикова (3). Такой же „росписной списокъ" губныхъ дѣлъ упоминается въ описи *Бѣжецкаго* архива, 190 г. (4). Въ „Актахъ Юридическихъ" напечатана „*книга переписная* великаго государя..... грамотамъ и приходнымъ и расходнымъ книгамъ и столпамъ", хранившимся въ архивѣ *Новгородской* съѣзжей избы, за 176—8 г.г. (5).

Вообще, подобные примѣры храненія въ архивахъ описей встрѣчаются нерѣдко. Приведу еще одинъ примѣръ, сообщающій нѣкоторыя данныя о пріемахъ составленія архивныхъ описей въ то время. Въ описи *Новгородскаго* архива, 150 г., упомянуты между прочимъ—

---

(1) «Десятни» кн. № 277, л. 55.
(2) Ibid. кн. № 283, лл. 25—36.
(3) «Разр. вязка» 1, № 37, л. 36.
(4) «Дѣла разн. город.» кн. № 20, л. 517.
(5) «Ак. Юрид.» т. II, № 139, III, с. 207.

„*книги переписные* государевымъ царевымъ и великого князя Михаила Θедоровича всеа Русіи посольскимъ и розряднымъ и всякимъ дѣламъ Розрядново стола, со 125-го году, которые остались *отъ пожару*, какъ *во 143-мъ году* въ Великомъ Новѣгородѣ *съѣзжая изба горѣла, что* какихъ всякихъ государевыхъ дѣлъ *осталось* въ столпѣхъ и въ книгахъ и *въ рознѣ* на лицо. Которые (же) дѣла сгорѣли, а *описаны были* въ *книгахъ* и въ *росписномъ спискѣ*, и то описано въ тѣхъ же книгахъ (т. е.—въ „переписныхъ книгахъ“ 150 г.) съ росписново списка и *памятью*, потому что *переписные книги* розряднымъ и посольскимъ дѣламъ *сгорѣли* и *подлинно описать* тѣхъ дѣлъ, которые сгорѣли—*не умѣть*. А таковы жъ переписные книги по государевѣ грамотѣ посланы къ государю царю и великому князю Михаилу Θедоровичу всеа Русіи, къ Москвѣ, въ Посольской Приказъ, за приписьми дьяковъ Ив. Соθонова да Θед. Дружинина“ (¹).

Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что архивныя описи носили въ то время различныя названія: иногда они назывались „записными“ и „переписными книгами“, но чаще—„росписными списками“. Назывались они также *„росписями“* и *„переписями“*, напр.: *„перепись* государевымъ..... *Новгородцкимъ* дворцовымъ дѣламъ Судного Приказного стола“, 178—9 г.г. (²).

По своему содержанію и по пріемамъ составленія архивныя описи XVII в. можно раздѣлить на два главные типа — на *краткія* и *подробныя* описи. Первыя встрѣчаются сравнительно рѣже. Составленіе ихъ практиковалось преимущественно въ архивахъ небольшихъ городовъ, гдѣ документы хранились въ незначительномъ количествѣ и гдѣ, съ другой стороны, приказные порядки были недостаточно развиты. Архивныя описи небольшихъ городовъ иногда прямо замѣчаютъ, что краткость описи произошла единственно вслѣдствіе малаго количества документовъ. Такъ, въ описи *Островскаго* архива, 207 г., описано всего 2 документа, именно: 1) „великого государя грамота о заставѣхъ и о табачной продажѣ“ и 2) „зъ договорныхъ статей списокъ,

(¹) «Десятни» кн. № 277, л. 213.
(²) «Ак. Юр.», т. II, № 139, II, с. 199.

за приписью дьяка А. Сахарова, *агличанъ* о вывозѣ и о торговлѣ *табаку*". Объ остальныхъ документахъ замѣчено: „судныхъ дѣлъ *нѣтъ;* книгъ записныхъ дѣламъ никакихъ *нѣтъ* же, *потому что большихъ дѣлъ* въ Островѣ *нѣтъ*" ([1]). Хотя нельзя сомнѣваться въ справедливости этого замѣчанія о причинѣ отсутствія въ Островѣ документовъ, тѣмъ не менѣе трудно допустить, чтобы весь Островскій архивъ ограничивался только указанными двумя документами. Воеводская дѣятельность даже въ такомъ незначительномъ городкѣ, какъ Островъ, необходимо выражалась въ гораздо бо́льшемъ количествѣ документовъ. Воеводскія „смѣтныя книги" и „росписные списки", разнаго рода государевы грамоты, наказы, списки ратныхъ и проч.—все это въ большемъ или меньшемъ количествѣ хранилось въ городахъ съ воеводскимъ управленіемъ, а слѣдовательно—все это было и въ Островскомъ архивѣ. Если же опись его, помѣщенная въ „смѣтной книгѣ" 207 г., упоминаетъ только о 2 документахъ, то быть можетъ потому, что она имѣла въ виду описать только послѣдніе по времени полученія документы и, притомъ, документы особенной важности. Могли быть и другія причины молчанія описи объ остальныхъ документахъ. Но во всякомъ случаѣ, характерное замѣчаніе объ отсутствіи въ Островѣ „большихъ дѣлъ" остается въ своей силѣ, какъ свидѣтельство о незначительныхъ размѣрахъ мѣстнаго архива. Вообще, Островъ былъ такимъ незначительнымъ пунктомъ, что, напримѣръ, относительно денежной казны въ той же воеводской книгѣ 207 г. замѣчено, что денежная казна въ Островѣ *не збираетца*" (л. 433 об.).

Характерною чертою *краткихъ* описей служитъ тотъ пріемъ, что въ нихъ описываются, т. е. даются *опредѣленія* только *нѣкоторыхъ документовъ*, а о большинствѣ послѣднихъ говорится глухо, т. е. — или приводятся общіе и неопредѣленные *заголовки* ихъ, или же указывается *количество* ихъ. Причины такого выбора для описи только нѣкоторыхъ документовъ—не всегда бываютъ ясны. Иной разъ видно, что мотивомъ выбора выступаетъ относительная важность описываемыхъ документовъ. Но въ другихъ случаяхъ этотъ мотивъ исчезаетъ и

([1]) Новгород. ст. кн. № 70, л. 434.

истинная причина такого предпочтенія однихъ документовъ другимъ остается неизвѣстною.

Всѣ вообще краткія описи можно раздѣлить на *3 вида:* 1) описи, гдѣ приводятся только *заголовки* большинства документовъ, 2) описи съ указаніемъ *количества* документовъ и 3) описи, гдѣ встрѣчаются какъ *заголовки,* такъ и указанія на *количество* документовъ. Понятно, что характерная черта краткихъ описей—*опредѣленіе* только *нѣкоторыхъ* документовъ—остается неизмѣнною и общею всѣмъ 3 видамъ.

Примѣромъ краткой описи *перваго вида* служитъ опись *Хотмышскаго* архива, 157 г. (1). Здѣсь отдѣльно описано около 10 документовъ. Опредѣленіе ихъ не можетъ быть названо полнымъ. Во первыхъ, ни для одного документа нѣтъ хронологическаго указанія. Нѣкоторыми намеками на хронологію можно признать только указанія на имена воеводъ и другихъ служилыхъ, при которыхъ составлены были извѣстные документы. Напр.: „*порушная запись* по томоженномъ откупщикѣ по *Пронкѣ Гладышевѣ,* въ томоженныхъ въ откупныхъ деньгахъ на 5 лѣтъ, по 30 рублевъ на годъ", „книги" о продажѣ въ Хотмышскѣ „государевыхъ подъемныхъ лошадей", составленныя при воеводѣ *кн. П. Львовѣ.* Понятно, что время служенія указанныхъ лицъ было извѣстно составителямъ описи и, поэтому, вѣроятно, они сочли излишнимъ приводить точныя хронологическія указанія.

Въ опредѣленіяхъ другихъ документовъ нѣтъ даже такихъ глухихъ указаній на хронологію. Затѣмъ, самыя опредѣленія не могутъ похвалиться точностію и опредѣленностію. Напр.: „*книги строенья*" *Знаменскаго* монастыря. О какомъ строеньѣ идетъ здѣсь рѣчь: о строеніи-ли зданій, или о надѣленіи монастыря землею (что̀ въ то время также называлось „строеньемъ")—нельзя сказать. Или, напр.: „*книги* Хотмышского города всякихъ чиновъ служилыхъ людей *дворовымъ мѣстомъ*". Здѣсь также нельзя рѣшить—что составляло содержаніе этихъ книгъ: говорилось-ли въ нихъ о раздачѣ Хотмыша-

(1) Бѣлогород. ст. кн. № 68; лл. 179—182.

камъ „дворовыхъ мѣстъ“, или же это былъ перечень уже розданныхъ мѣстъ?

Только немногіе документы описаны довольно обстоятельно, если не считать отсутствія хронологіи. Напр.: „*книги* Хотмышскимъ *засѣкамъ* и всякимъ крѣпостямъ“. Очевидно, что это была описная книга укрѣпленій по Хотмышскому рубежу. Или: „*роспись* сторожамъ и вѣстямъ“, „*книги строельные* нового *Лосицкого* острогу“ и т. п. Содержаніе этихъ и другихъ документовъ, описанныхъ подобнымъ образомъ, представляется довольно яснымъ и удовлетворительнымъ.

Тѣ и другія опредѣленія даны для очень незначительнаго количества документовъ. О большинствѣ же ихъ упомянуто въ видѣ общихъ *заголовковъ* — или по каждому документу *отдѣльно*, или по *группамъ* ихъ. Напр.: „*книги колодезныя*“, „книги *мельничныя*“ и т. п. Послѣдняя книга была, вѣроятно, сборною книгою „помольныхъ денегъ“ на извѣстной мельницѣ, или описною книгою мельницы (т. е.—описью ея строеній, снастей и проч.), или же „оброчною книгою“ по сбору оброчныхъ денегъ съ мельницъ Хотмышскаго у. Но что такое „колодезныя книги“—сказать не могу: въ архивѣ Разряднаго Приказа мнѣ не приходилось встрѣчать подобныхъ документовъ.

Также неопредѣленны заголовки и цѣлыхъ группъ документовъ. Напр.: „*отписки черные* (черновые), съ которыхъ писано къ государю... Алексѣю Михайловичу... *о всякихъ* государевыхъ *дѣлахъ*, при *прежнихъ* воеводахъ, *въ розныхъ годѣхъ*“. Здѣсь вѣроятно разумѣются тѣ 5 воеводъ, которые поименованы въ заголовкѣ предъидущей группы документовъ — „*указныхъ грамотъ*“. Хронологія послѣднихъ опредѣлена также глухо: грамоты отнесены къ двумъ царствованіямъ — Михаила Ѳедоровича и Алексѣя Михайловича. Во всѣхъ остальныхъ заголовкахъ группъ приведены такія же глухія указанія, какъ въ вышеуказанныхъ „черныхъ отпискахъ“. Кромѣ „отписокъ“ и „грамотъ“, указаны еще слѣдующія группы документовъ: „*списки* именные“, „поручныя *записи*“, „*книги* приходныя и расходныя“, „книги раздаточныя“ и т. п.

Въ разсматриваемой описи наблюдается нѣкоторая общая *система* расположенія документовъ. Опись начинается, какъ всѣ вообще описи

XVII в.—съ „государевыхъ грамотъ". Затѣмъ идутъ „отписки" (черновыя) Хотмышскихъ воеводъ въ Москву и „отписки" (подлинныя) отъ сосѣднихъ воеводъ къ Хотмышскимъ воеводамъ, далѣе — „именные списки" Хотмышскихъ служилыхъ людей, „поручныя записи" по нихъ, „послужные списки" ихъ и другіе документы *административнаго* характера. Затѣмъ, послѣ небольшой группы *финансовыхъ* документовъ („приходныя и расходныя книги" и „раздаточныя книги") и документовъ *ратнаго* содержанія („книги Хотмышскимъ засѣкамъ", „десятни"), идетъ отдѣлъ *хозяйственныхъ* документовъ („книги... дворовымъ мѣстамъ", „книги колодезныя", „книги и поручныя записи" о раздачѣ ржи на сѣмена и проч.). Опись оканчивается снова документами по *ратному* дѣлу („росписи сторожъ", „книги станичникамъ" и проч.). Если бы послѣдніе документы были сгруппированы съ предъидущимъ отдѣломъ военныхъ документовъ и всѣ вмѣстѣ были бы поставлены послѣ документовъ административнаго содержанія, тогда разсматриваемую опись можно было бы признать очень систематичною и, притомъ, основанною на принципѣ дѣленія документовъ *по содержанію*. Въ послѣднемъ отношеніи Хотмышская краткая опись 157 г. представляетъ довольно рѣдкое исключеніе (см. ниже).

Къ краткимъ описямъ *2-го вида* отношу тѣ описи, гдѣ опредѣляются немногіе документы и указывается *количество* остальныхъ. Такова, напр., опись *Луховскаго* архива, 156 г. ([1]). Здѣсь описаны всего 2 документа, именно: 1) „137 и 138 г. *книги платежныя* изъ Ямского Приказу, за приписью дьяка Ѳ. Опраксина, живущимъ четьямъ Луховского уѣзду вотчиннымъ и помѣснымъ землямъ" и 2) „*росписной списокъ* суднымъ дѣламъ, что прежней воевода кн. П. Вяземской въ Луху въ губной избѣ у губново старосты у М. Пестрикова губные дѣла принималъ во 155 г.". Эти опредѣленія на столько точны и обстоятельны, что даютъ полное понятіе о документахъ. Для большей части остальныхъ документовъ сдѣланы только указанія на количество ихъ. Именно, документы разбиты на группы

([1]) «Разр. вязка» 1, № 37, лл. 32—37.

по годамъ и во главѣ каждой группы указано количество „государевыхъ грамотъ", относящихся къ данному году. Остальные же документы такихъ группъ только упомянуты въ болѣе или менѣе глухихъ заголовкахъ. Такихъ группъ описано 6—за 151—6 г.г., въ порядкѣ *хронологическомъ*. Напр.: *„151 года* блаженные памяти государевыхъ царевыхъ и великого князя Михаила Өедоровича всеа Русіи *41 грамота* изъ розныхъ приказовъ, за дьячьими приписьми, во всякихъ государевыхъ въ управныхъ дѣлахъ и въ челобитчиковыхъ, и *черные отписки*, да *отписи платежныя* изъ Ямского Приказу въ ямскихъ деньгахъ, отписи платежныя изъ Володимерскіе Чети въ четвертныхъ доходахъ, отпись платежная изъ Приказу Большаго Приходу въ маломъ яму (?), а тѣ отписи города Луху и всево Луховского уѣзду" (л. 34).

Далѣе подобнымъ же образомъ описана группа изъ *48 „государевыхъ грамотъ* изъ розныхъ приказовъ" и другихъ документовъ (число коихъ не опредѣлено)—„отписокъ," „платежныхъ отписей" и проч., 152 г., касавшихся г. Луха и уѣзда (л. 34). Въ дальнѣйшихъ группахъ, кромѣ неопредѣленнаго количества „отписокъ" и пр., указано слѣдующее количество „государевыхъ грамотъ:" въ группѣ 153 г.—*34 грамоты*, 154 г.—*56 грамотъ*, 155 г.—*57 грамотъ* и въ группѣ 156 г. (когда составлена разсматриваемая опись)—*10 грамотъ* (л.л. 34 об.—36).

Только въ послѣдней 7-й группѣ указано общее количество *всѣхъ* заключавшихся въ ней документовъ. Это была группа преимущественно *судныхъ* и вообще всякаго рода „челобитчиковыхъ" дѣлъ. Она состояла изъ *309* „челобитныхъ," „явокъ," „отписей," „доѣзжихъ памятей" и „записокъ во всякихъ государевыхъ дѣлахъ и въ челобитчиковыхъ," за 149—156 г.г. (л. 37). Документы предъидущихъ 6 группъ были почти исключительно *административнаго* характера. Такимъ образомъ, въ настоящей описи мы находимъ дѣленіе документовъ на 2 рода — на „государевы дѣла" и на „дѣла челобитчиковы." Но это дѣленіе проведено недостаточно строго.

Въ описи Луховскаго архива 158 г. (¹) старыя дѣла по 156 г.

(¹) «Разр. вязка» 1, № 37, лл 92—107.

включительно описаны точно также, какъ въ описи 156 г., съ немногими незначительными разностями. Но опись вновь прибавившихся документовъ — за 156—8 г.г. (л.л. 95—107) — изложена иначе: здѣсь опись идетъ не по группамъ документовъ, съ указаніемъ количества ихъ, но по каждому документу отдѣльно.

Къ *3-му виду* краткихъ описей, представляющему соединеніе характерныхъ признаковъ двухъ первыхъ видовъ, можно отнести, напр., опись *Торопецкаго* архива, 145 г. ([1]). Отдѣльно и болѣе или менѣе обстоятельно описано здѣсь не болѣе 5 документовъ, напр.: *„отпись* въ *Пятницкихъ Бологовскихъ* деньгахъ въ 56 рубляхъ въ 24 алтынахъ.“ Годъ этого документа не указанъ. Кромѣ того, неясно — о какихъ именно деньгахъ идетъ здѣсь рѣчь и съ кого они взимались. Или: „съ писцовыхъ книгъ Дм. Воейкова да подьячаго Ѳ. Протопопова *Торопецкого* и *Холмского* уѣзду *перечневые книги.*“ Годъ также не указанъ, а прибавлено только, что эта книга „отъ пожару уцѣлѣла.“ Очевидно, здѣсь разумѣется пожаръ Торопецкой съѣзжей избы 142 г. Слѣдовательно, „перечневая книга“ составлена до 142 г.

Также неопредѣленны и другія немногія описи отдѣльныхъ документовъ. Большинство же документовъ описано здѣсь въ голыхъ *цифровыхъ данныхъ.* Такъ описаны именно *„государевы* указныя и всякія *грамоты* о всякихъ дѣлахъ,“ *„отписки“* (черновыя) Торопецкихъ воеводъ въ Москву и *„судныя дѣла.“* Первыя двѣ группы документовъ исчислены въ хронологическомъ порядкѣ. Напр., въ группѣ грамотъ показано слѣдующее количество ихъ: отъ 142 г. сохранилось *42 грамоты,* отъ 143 г.—*129 грамотъ,* отъ 144 г.—*127 гр.* („да патріарша одна грамота“) и отъ 145 г.—*50 гр.* Такія же данныя получаемъ и относительно группы воеводскихъ „отписокъ.“ Въ группѣ „судныхъ дѣлъ“ нѣтъ хронологическихъ указаній. Дѣленіе документовъ произведено здѣсь по другимъ основаніямъ, именно дѣла раздѣлены на 3 рубрики: 1) *44 „вершеныхъ* судныхъ дѣлъ,“ съ которыхъ *„взяты* пошлины,“ 2) *23* „вершеныхъ же судныхъ дѣлъ,“ „а пошлины съ нихъ *не взяты,* а иные *безпошлинные“*

([1]) «Десятни» кн. № 277, лл. 53—6.

и 3) *18 „невершеныхъ* судныхъ дѣлъ.“ Въ концѣ подведенъ итогъ: „и всѣхъ судныхъ вершеныхъ и невершеныхъ *дѣлъ 115.*“

Остальные документы описаны въ общихъ и неопредѣленныхъ *заголовкахъ*, по группамъ документовъ и безъ всякихъ хронологическихъ указаній. Напр.: *„поручныя записи* розныхъ дѣлъ и по выходцахъ,“ *„отписи московскія* въ ямскихъ въ четвертныхъ деньгахъ и въ стрѣлецкомъ хлѣбѣ,“ *„десятни дворянскія* денежные роздачи, прежнихъ розныхъ годовъ“ и т. п.

Въ расположеніи документовъ замѣчается нѣкоторая система: сначала идутъ *„грамоты“*, затѣмъ — *„отписки“*, разныя *„книги“* и *„списки“*, наконецъ — *„судныя дѣла“*. Эти 4 группы указываютъ, что въ Торопецкомъ архивѣ практиковалось *дѣленіе* документовъ *по ихъ видамъ*. Но эта группировка проведена не строго. Такъ, въ отдѣлѣ „грамотъ“ встрѣчаемъ вдругъ „поручныя записи“. Тѣже „поручныя записи“ встрѣчаются и въ слѣдующемъ отдѣлѣ — „отписокъ“. Здѣсь же поставлены „4 дѣла старыхъ судныхъ“. Въ концѣ этого отдѣла замѣчено, что въ архивѣ хранились 2 „записныя книги“, именно — „государевыхъ грамотъ“ и „черныхъ отписокъ“. Существованіе *двухъ* „записныхъ книгъ“ ясно говоритъ, что група „грамотъ“ была рѣзко разграничена отъ группы „отписокъ“.

Слѣдующій затѣмъ отдѣлъ „списковъ“ и „книгъ“ сгруппированъ въ одномъ мѣстѣ, кромѣ одного документа, поставленнаго послѣ 4-го отдѣла. Также цѣлостно сгруппированъ и этотъ послѣдній отдѣлъ, кромѣ вышеупомянутыхъ 4 „старыхъ судныхъ дѣлъ“, попавшихъ въ отдѣлъ „отписокъ“. Опись оканчивается „явками“, хранившимися въ особой „коробочкѣ“ и „литовскими листами“ о всякихъ зарубежныхъ дѣлахъ, также хранившимися въ особенномъ „столпикѣ“. Такимъ образомъ, если бы не было только-что указанныхъ уклоненій отъ принятаго общаго порядка, то Торопецкую опись 145 года слѣдовало бы признать на столько же систематичною, какъ и вышеупомянутую Хотмышскую опись 157 г., хотя основанною на другомъ принципѣ дѣленія документовъ

Перехожу къ *подробнымъ* архивнымъ описямъ XVII в. Подробными называю тѣ описи, гдѣ *опредѣленіе каждаго документа въ*

отдѣльности бываетъ не такимъ рѣдкимъ явленіемъ, какъ въ краткихъ описяхъ, но явленіемъ *преобладающимъ*, или, даже, *исключительнымъ.* Подробныя описи съ послѣднимъ признакомъ очень рѣдки. Болѣе употребительны были тѣ описи, гдѣ опредѣленія отдѣльныхъ документовъ только преобладаютъ надъ заголовками документовъ и надъ указаніями ихъ количества. Какъ заголовки, такъ и цыфровыя данныя являются уже здѣсь исключеніями, подобно тому, какъ въ краткихъ описяхъ такими исключеніями бываютъ опредѣленія документовъ. Какъ въ краткихъ, такъ и въ подробныхъ описяхъ опредѣленія документовъ носятъ различный характеръ, смотря по пріемамъ ихъ составленія. Но прежде чѣмъ заняться этимъ вопросомъ, необходимо прослѣдить другой: существовали-ли въ XVII в. какія-либо *системы дѣленія* документовъ въ описяхъ, а слѣдовательно и въ архивахъ?

Вопросъ этотъ рѣшается положительно. Уже въ краткихъ описяхъ мы видѣли, что приведенныя тамъ описи имѣютъ ту или другую систему дѣленія документовъ. Въ подробныхъ описяхъ эта характерная черта описей XVII в. выступаетъ еще яснѣе. Нельзя, правда, сказать, чтобы эта черта была присуща всѣмъ описямъ того времени: какъ между краткими, такъ и между подробными описями встрѣчаются и такія, гдѣ замѣчается полное *отсутствіе* какой бы то ни было *системы* дѣленія. Но нужно сознаться, что подобныя описи сравнительно рѣдки. Для примѣра укажу на опись *Вольновскаго* (г. *Вольнаго* или *Вольнова*) архива, 162 г. (1).

Опись этого архива принадлежитъ къ числу подробныхъ: въ ней преобладаютъ опредѣленія отдѣльныхъ документовъ надъ заголовками и цифровыми указаніями. Опредѣленія документовъ не отличаются полнотою. Главный ихъ недостатокъ—отсутствіе хронологіи, если не считать указаній на имена воеводъ и другихъ служилыхъ, при которыхъ были составлены извѣстные документы. Въ расположеніи документовъ не видно никакой системы. Опись начинается указаніемъ количества „государевыхъ указныхъ грамотъ“, присланныхъ къ „преж-

(1) Бѣлогород. ст. кн. № 34, лл. 131 об.—158.

нимъ“ и къ нынѣшнему (162 г.) воеводамъ. Затѣмъ, послѣ подробной описи 3 грамотъ, между коими попалъ одинъ документъ съ неопредѣленнымъ заголовкомъ („книги записныя въ съѣзжей избѣ“: вѣроятно — книга записная суднымъ дѣламъ), идетъ такая же опись самыхъ разнообразныхъ документовъ, гдѣ вмѣстѣ перепутаны дѣла административнаго, финансоваго и судебнаго характера. Вотъ въ какомъ порядкѣ (т. е.—въ безпорядкѣ) описываются документы: именные „списки“ служилыхъ, „судныя дѣла“ (указано количество ихъ), „списки“ съ „мѣновныхъ записей“, „поручныя записи“, „память“, „книги верстальныя“, „книги строельныя“, снова — „поручныя записи“ (указано количество), снова — „памяти“, затѣмъ — одна „уставная грамота“ (о сборѣ таможенныхъ пошлинъ), разныя „челобитья“, воеводскія „отписки“ (количество ихъ), снова — „книги верстальныя“ и „книги строельныя“ и т. д. (л.л. 131 об.—138).

Въ этомъ хаосѣ трудно найдти хотя намекъ на какую бы то ни было систему. Кромѣ того, эта безалаберная опись, помѣщенная въ „росписномъ спискѣ“ г. Вольнаго, перепутана съ описью укрѣпленій, разныхъ припасовъ, денежной казны и проч. Такъ, послѣ перваго указанія на количество грамотъ (л. 131 об.), идетъ опись разныхъ инструментовъ, хлѣбныхъ и другихъ запасовъ (ibid.), подгородныхъ укрѣпленій (л. 132 об.) и засѣчныхъ укрѣпленій по р. *Ворсклу* (л. 133). На л. 133 об. начинается дальнѣйшая опись архива, которая прерывается въ 3-хъ мѣстахъ (л.л. 135 об., 136 и 137), такими же сторонними замѣчаніями. Подобная путаница въ описяхъ представляется крайне рѣдкимъ явленіемъ. Напротивъ, архивныя описи всегда являются въ воеводскихъ книгахъ отдѣльными, самостоятельными статьями, не смѣшиваясь съ другими статьями книгъ.

Опись того же Вольновскаго архива, 164 г. (1), также не имѣетъ никакой системы и также запутанно изложена, въ перемежку съ другими статьями „росписнаго списка“ (2). Отъ описи 162 г. она отличается нѣкоторыми уклоненіями отъ принятаго тамъ порядка,

(1) Бѣлогород. ст. кн. № 31, лл. 169—177.
(2) См. лл. 169, 172, 174—5, 177.

кромѣ того содержитъ прибавленія о новыхъ документахъ, поступившихъ въ архивъ послѣ 162 г.

Не привожу другихъ примѣровъ подобныхъ безпорядочныхъ описей, такъ какъ они не представляютъ ничего интереснаго и, притомъ, были исключительными явленіями. Бо̀льшаго вниманія заслуживаютъ *систематическія описи*, преобладаніе которыхъ надъ безпорядочными описями является несомнѣннымъ и свѣтлымъ фактомъ въ исторіи архивнаго дѣла XVII в. Въ краткихъ описяхъ мы видѣли три системы дѣленія документовъ: дѣленіе документовъ *по ихъ видамъ*, *хронологическое* дѣленіе и дѣленіе *по содержанію*. Всѣ эти системы наблюдаются и въ подробныхъ описяхъ. Кромѣ того, въ послѣднихъ встрѣчается еще *географическое* дѣленіе документовъ. Обозрѣніе этихъ 4-хъ системъ начну въ восходящемъ порядкѣ—отъ низшихъ къ высшимъ системамъ.

1) *Дѣленіе документовъ по ихъ видамъ.* Это дѣленіе принадлежало къ числу очень распространенныхъ въ XVII в. Ставлю его впереди дѣленій другихъ системъ, потому что оно носитъ характеръ чисто внѣшняго дѣленія. Оно обусловливалось внѣшнею формою документовъ и не касалось существа ихъ, т. е. содержанія. По существу своему документы одного и того же вида могли быть и дѣйствительно бывали разнообразнаго содержанія. Напрім.: „государевы грамоты" бывали и административнаго, и финансоваго, и судебнаго содержанія. Но подьячій, сортировавшій ихъ, не видѣлъ этого разнообразія, или, вѣрнѣе, не хотѣлъ его видѣть, и всѣ грамоты ставилъ въ одну общую группу, благо они такъ похожи были другъ на друга. Также онъ смотрѣлъ и на другіе виды документовъ. Раздѣлить документы по формамъ ихъ—много легче, чѣмъ разбираться въ ихъ содержаніи. Потому-то такъ часто и встрѣчается въ описяхъ дѣленіе разсматриваемаго вида, что оно не представляетъ никакой трудности для своего осуществленія.

Описи разсматриваемаго вида чаще всего представляютъ дѣленіе документовъ на 3 главныя группы: „*грамоты*", „*книги*" и „*дѣла*", (т. е.—„судныя" и вообще „челобитчиковы"). Хотя по внѣшнему своему виду „дѣла" собственно не отличаются отъ „грамотъ"—тѣ и

другія писались одинаково на столбцахъ, — но различіе между ними заключалось въ томъ, что грамоты писались на 1—2—3 листкахъ и рѣдко больше, а дѣла не ограничивались и одпимъ десяткомъ листковъ, но состояли изъ нѣсколькихъ десятковъ, а иногда достигали и до нѣсколькихъ сотъ листковъ. Такимъ образомъ, здѣсь была существенная разница для глаза.

Примѣромъ описи съ такимъ дѣленіемъ документовъ можно представить опись *Великолуцкаго* архива, 193 г. (1). Опись дѣлитъ документы на 3 главныя группы, послѣдовательно описываемыя — на *„грамоты“*, *„дѣла“* и *„книги“*. Первый отдѣлъ, какъ почти всегда, сгруппированъ цѣлостнѣе остальныхъ. Въ немъ собрано 16 однородныхъ документовъ, описанныхъ очень подробно и расположенныхъ въ строгомъ хронологическомъ порядкѣ, причемъ у каждой грамоты опредѣлены не только годъ, но и мѣсяцъ и число ея выхода въ Москвѣ. Большинство грамотъ вышло изъ Разряднаго Приказа, затѣмъ—изъ Посольскаго, Большой Казны и др. Но полной цѣлостности нѣтъ и въ этомъ отдѣлѣ, на который всегда и вездѣ обращалось наибольшее вниманіе. Грамоты, относившіяся до *Спасско-Никольской* и *Вязовской* дворцовыхъ волостей Великолуцкаго у., поставлены отдѣльно отъ остальныхъ грамотъ, именно въ отдѣлѣ „книгъ“, вмѣстѣ съ „записною книгою тѣмъ грамотамъ“. Быть можетъ именно этимъ сосѣдствомъ и объясняется нахожденіе этихъ грамотъ въ отдѣлѣ книгъ.

Второй отдѣлъ не имѣетъ описи документовъ. О немъ только упомянуто, что въ приказной избѣ хранились *„судные* всякіе вершеные и невершеные *дѣла* и *приводы* и *распросы“* (л. 589 об.). Такимъ образомъ, здѣсь нѣтъ даже указаній на количество дѣлъ, обычныхъ большинству описей.

Въ слѣдующемъ затѣмъ отдѣлѣ *„книгъ“* описаны очень разнообразные документы: „переписныя книги“ дворовъ, именные „списки“ служилыхъ, „записныя книги“ Литовскихъ выходцевъ, „списки съ писцовыхъ и межевыхъ книгъ“, „окладныя книги“ (по разнымъ сборамъ хлѣба и денегъ), „книги приходныя и расходныя“ и проч.

(1) «Дѣла разн. город.» кн. № 45, лл. 585—592.

Часть этого отдѣла („списки съ писцовыхъ книгъ") помѣщена въ началѣ описи—впереди отдѣла грамотъ. Самый отдѣлъ „книгъ" разбитъ замѣчаніемъ о храненіи „стараго письма" на палатяхъ приказной избы (см. 11 главу) и описью 2 „знаменъ" и 2 „прапоровъ", хранившихся вмѣстѣ съ документами (л. 590). Опись книгъ довольно подробная, но не на столько, какъ въ отдѣлѣ грамотъ. Хронологія почти вездѣ указана.

Вообще, разсматриваемая опись не строго выдерживаетъ систему расположенія документовъ, принятую ея составителемъ. Кстати нужно замѣтить, что *уклоненія отъ принятой системы* расположенія документовъ представляются самымъ заурядпымъ явленіемъ въ описяхъ XVII в. Я не знаю такихъ описей этого времени, гдѣ разъ принятый планъ былъ бы строго выдержанъ до конца, безъ малѣйшихъ уклоненій въ сторону другихъ системъ, или просто въ сторону такихъ описей, гдѣ не придерживались никакой системы. Вообще, на систематическія описи XVII в. слѣдуетъ смотрѣть только какъ на *зачатки* такихъ описей, не свободные отъ многихъ недостатковъ.

Приведу еще одинъ примѣръ описи разсматриваемаго вида, гдѣ документы раздѣлены не на 3, а на 4 группы. Это—опись *Валуйскаго* архива, 189 г. ([1]), гдѣ встрѣчаемъ слѣдующія группы документовъ: „*грамоты*", „*отписки*", „*книги*" и „*дѣла*". „Отписки" по внѣшнему своему виду ничѣмъ почти не разнились отъ грамотъ, такъ что сосредоточеніе ихъ въ самостоятельную группу слѣдуетъ признать дѣленіемъ по существу, а не по внѣшнимъ признакамъ. Отписки поставлены вполнѣ умѣстно — рядомъ съ грамотами. Оба эти отдѣла не имѣютъ подробной описи. Въ отдѣлѣ „грамотъ" описаны только 2 документа и затѣмъ указано количество остальныхъ. Въ отдѣлѣ „отписокъ" упомянуто только, что онъ состоялъ изъ 2 „столповъ": въ одномъ хранились „*боярскія* отписки" (?), а въ другомъ—отписки „изъ городовъ, отъ воеводъ и отъ приказныхъ людей". Только отдѣлъ „книгъ" описанъ довольно подробно. Въ 4-мъ отдѣлѣ указано количество „судныхъ невершеныхъ дѣлъ и очныхъ ставокъ и распрос-

([1]) «Доп. Ак. Ист.» IX, № 84, с. 175.

ныхъ рѣчей", да приведенъ глухой заголовокъ одного документа („роспросныя рѣчи *Новосильского* уѣзду бѣглыхъ крестьянъ"). Хронологія указана въ первыхъ двухъ отдѣлахъ (кромѣ 2 описанныхъ документовъ перваго отдѣла), а въ остальныхъ ея нѣтъ. Впрочемъ, есть основаніе думать, что во всей описи идетъ рѣчь о документахъ текущаго 189 г.—Послѣ описи денежной казны и „17 зипуновъ суконныхъ", отдѣльно поставлена небольшая группа 7 документовъ *дипломатическаго* содержанія—по сношеніямъ съ Крымомъ (с. 175—6).

Не привожу другихъ примѣровъ подобныхъ описей, потому что они еще встрѣтятся въ описяхъ съ иными системами дѣленія документовъ. Вообще, такое *смѣшеніе разныхъ системъ дѣленія* въ одной описи слѣдуетъ признать явленіемъ нерѣдкимъ въ XVII в. Понятно, что въ подобныхъ случаяхъ нужно обращать преимущественное вниманіе на систему высшаго порядка, или же и на низшую систему, если только она проведена цѣлостнѣе высшей и вообще является болѣе характернымъ признакомъ въ данной описи. Для лучшей характеристики каждой системы нужно выбирать, конечно, такія описи, гдѣ данная система выдержана болѣе цѣлостно.

2) *Хронологическое дѣленіе документовъ*. Это—едва ли не самое распространенное дѣленіе документовъ въ описяхъ XVII в. Объясняется это, прежде всего, простотою пріемовъ и незамысловатостію такого дѣленія документовъ не по существу, а по внѣшнимъ признакамъ. Съ другой стороны, за этимъ дѣленіемъ нужно признать и большую практическую цѣну: хронологическое дѣленіе представляется едва ли не самымъ удобнымъ для разнаго рода канцелярскихъ справокъ по документамъ. Это преимущество, конечно, хорошо было понято приказными людьми XVII в., а потому они такъ часто и прибѣгали къ разсматриваемому дѣленію. Въ виду частаго употребленія описей съ этимъ дѣленіемъ остановлюсь на нѣсколькихъ примѣрахъ.

Начну съ хронологической описи одного изъ отдѣловъ *Воронежскаго* архива, 152 г., именно—отдѣла „государевыхъ указныхъ грамотъ" (¹). Эта опись приложена къ „росписному списку" 152 г.

(¹) «Дѣла разп. город.» кн. № 15, лл. 307—329.

въ видѣ отдѣльной статьи, а потому ее слѣдуетъ разсматривать какъ самостоятельный документъ, тѣмъ болѣе, что другіе отдѣлы архива почему-то не описаны въ воеводской книгѣ.

Въ опись внесены грамоты за 3 послѣдніе года, т. е.—за 150, 151 и 152 гг. Соотвѣтственно этому и опись раздѣлена на 3 отдѣла, каждый съ самостоятельнымъ заголовкомъ: „государевы указныя грамоты 150 году“ (л. 307), затѣмъ 151 г. (л. 315) и 152 г. (л. 323). Въ каждомъ отдѣлѣ описаны только тѣ грамоты, которыя относятся къ стоящему въ заголовкѣ году, такъ что въ этомъ отношеніи опись вполнѣ систематична. Но за то въ самыхъ отдѣлахъ документы описаны безъ всякой системы. Здѣсь вмѣстѣ перепутаны грамоты самаго разнообразнаго содержанія — административныя, финансовыя, хозяйственныя и судныя. Можно было бы ожидать, что будетъ сохраненъ по крайней мѣрѣ хронологическій порядокъ, т. е. что грамоты будутъ расположены по мѣсяцамъ и числамъ извѣстнаго года. Можетъ быть въ дѣйствительности документы и были такъ именно расположены въ архивѣ, но опись умалчиваетъ объ этомъ. Каждая грамота описана болѣе или менѣе обстоятельно. Только въ концѣ отдѣла 152 г. для нѣкоторыхъ грамотъ указано одно количество ихъ, иногда въ очень глухихъ заголовкахъ, безъ опредѣленія каждой въ отдѣльности. Большинство описанныхъ грамотъ было получено воеводами изъ Разряда, затѣмъ изъ Стрѣлецкаго и другихъ приказовъ.

Перехожу къ хронологическимъ описямъ цѣлыхъ архивовъ. Остановлюсь на описи *Усердскаго* архива, 151 г. [1]. Она раздѣлена на 2 главныхъ отдѣла: на дѣла *новыя* и дѣла *старыя.* Опись первыхъ предшествуетъ описи вторыхъ. Въ количественномъ отношеніи второй отдѣлъ преобладаетъ надъ первымъ. Къ 1-му отдѣлу отнесены дѣла за 149—151 гг., а ко второму—за 145—149 гг. Каждый отдѣлъ держится своей системы дѣленія. 1-й отдѣлъ придерживается дѣленія документовъ по содержанію: сначала идутъ документы административнаго характера, затѣмъ — документы финансовые и хозяйственные, нако-

---

[1] Бѣлогор. ст. кн. № 6, лл. 293 об.—299.

нецъ—судные. Но эта система проведена очень слабо. У нѣкоторыхъ документовъ не опредѣлена хронологія, но, очевидно, что и они относятся къ вышеуказаннымъ годамъ этого отдѣла.

Гораздо болѣе выдержаннымъ представляется 2-й отдѣлъ, гдѣ очень опредѣленно проведено хронологическое дѣленіе. Этотъ отдѣлъ начинается такимъ заголовкомъ: „прошлыхъ годовъ въ съѣзжей избѣ всякихъ государевыхъ дѣлъ......“ Весь отдѣлъ, содержащій въ себѣ документы за 145—9 гг., раздѣленъ на *5 группъ:* каждая группа обнимаетъ періодъ одного *воеводства*, т. е. — періодъ времени съ пріѣзда извѣстнаго лица на воеводство въ Усердъ и до его отъѣзда оттуда. Такъ какъ воеводы служили неодинаковое количество лѣтъ, то отсюда каждая изъ указанныхъ 5 группъ документовъ представляетъ различную хронологическую величину: одна группа касается 1 года, другая — $1^1/_2$ года и проч. Точно опредѣлить продолжительность каждаго изъ 5 воеводствъ нельзя, такъ какъ опись не даетъ для этого данныхъ: она только указываетъ года, въ которые воеводствовало въ Усердѣ извѣстное лицо, не опредѣляя точныхъ сроковъ его воеводства. Такъ, къ 1-й группѣ отнесены документы за время воеводства Ив. Бутурлина и Саввы Нарбекова, за 145 — 6 гг.; ко 2-й группѣ — документы воеводы Дм. Толочанова, за 146 — 7 гг.; къ 3-й группѣ — воеводы кн. Ив. Волконскаго, за 147 — 8 гг.; къ 4-й группѣ — воеводы Лопыря Лихорева, 148 г. и къ 5-й группѣ — воеводы Ильи Милославскаго, 148 — 9 гг. Такимъ образомъ, хронологическая послѣдовательность соблюдена здѣсь вполнѣ. Есть, впрочемъ, одно исключеніе, именно: между 4 и 5 группами находится вставочная группа документовъ за 145 — 8 гг., почему-то не распредѣленныхъ по воеводствамъ, хотя несомнѣнно, что и эти документы относятся къ каждому изъ вышеуказанныхъ пяти воеводствъ. Впрочемъ, эта группа не велика: въ нее вошли 2 столпа съ „поручными записями“ и „свертокъ невеликой“ съ государевыми указными грамотами, „что присыланы прежнимъ воеводамъ“, тѣ и другія — за 145 — 8 гг. Можно думать, что въ моментъ описи эти документы еще не были разобраны и распредѣлены по воеводствамъ.

Каждая изъ 5 группъ начинается „государевыми указными

грамотами", причемъ именно здѣсь опредѣляются года извѣстнаго воеводства, напр.: „столпикъ государевыхъ указныхъ грамотъ, что присыланы къ стольнику и воеводѣ къ Дм. Толочанову, въ 146 г. и въ 147 г.". Затѣмъ, въ описи остальныхъ документовъ каждой группы хронологія не всегда указывается, но за то въ этихъ случаяхъ говорится — при какомъ воеводѣ составленъ данный документъ. Послѣ грамотъ, въ каждой группѣ встрѣчаются, затѣмъ — 1) „отписки" („черныя") Усердскихъ воеводъ въ Москву и „отписки" сосѣднихъ воеводъ въ Усердъ и 2) „раздаточныя книги" денегъ, хлѣба, воинскихъ припасовъ и проч. Кромѣ этихъ документовъ, общихъ всѣмъ группамъ, каждая (исключая 3-ю группу, ограничивающуюся только вышеуказанными документами) имѣетъ еще и свои особые документы. Такъ, въ 1-й, 2-й и 5-й группахъ встрѣчаются „строельныя книги" по раздачѣ земель разнымъ Усердскимъ служилымъ людямъ. Въ 4-й группѣ встрѣчаемъ — „въ сверткѣ *розницы* всякой, что дѣлалось при Лапырю Лихоревѣ". Но особенно богата этими дополнительными документами 5-я группа, очевидно сохранившаяся въ лучшемъ видѣ единственно потому, что это была группа документовъ ближайшаго воеводства ко времени составленія описи. Кромѣ всѣхъ вышеуказанныхъ документовъ, здѣсь встрѣчаемъ „скаски", „выборы", „поручныя записи", „приходныя и расходныя книги" и проч.

Какъ во всѣхъ этихъ 5 группахъ 2-го отдѣла, такъ и въ 1-мъ отдѣлѣ документы описаны довольно подробно. Здѣсь преобладаетъ опредѣленіе каждаго документа въ отдѣльности, затѣмъ встрѣчаются заголовки и указанія на количество документовъ по ихъ видамъ (1).

Остановлюсь еще на описи *Новгородскаго* архива, 1700 г. (2). Эта подробная опись раздѣлена на 9 отдѣловъ: во главѣ поставленъ отдѣлъ „государевыхъ указныхъ грамотъ" особенной важности, именно: „великаго государя грамоты *о судныхъ дѣлѣхъ*, которые *перемѣнъ* (т. е.—перемѣняясь) бояря и воеводы принимаютъ....." (л. 32). Остальныя государевы грамоты, а равно многочисленные документы дру-

(1) Полное извлеченіе этой описи см. въ *приложеніи IV*.

(2) Новгород. ст. кн. № 71, лл. 32—494.

тихъ родовъ раздѣлены на 8 отдѣловъ, соотвѣтственно 8 *„столамъ“*, на которые дѣлилась въ то время Новгородская Приказная Палата. Это были слѣдующіе „столы“: *Разрядный* (или „Разрядныхъ дѣлъ“) (л. 39), *Посольскій* (л. 132), *Денежный* (л. 156), *Помѣстный* (л. 234 об.), *Судный* (л. л. 438 и 482), *Ямской* (л. 466), *Хлѣбный Старый* (л. 472) и *Новопріемный Хлѣбный Московскій* (л. 476). Такимъ образомъ, въ общемъ Новгородская *опись представляетъ дѣленіе* документовъ по содержанію. Но въ частности опись каждаго стола, составлявшаго особое отдѣленіе Палаты, можно разсматривать какъ отдѣльную и самостоятельную опись, съ своей системой дѣленія документовъ. Хотя описи всѣхъ отдѣленій архива придерживаются хронологической системы, но въ двухъ изъ нихъ надъ этою системою преобладаютъ другія: въ Разрядномъ столѣ дѣленіе документовъ по содержанію выступаетъ рельефнѣе хронологическаго дѣленія; въ Помѣстномъ столѣ такое же преобладающее значеніе имѣетъ географическое дѣленіе. Первый отдѣлъ (государевы указныя грамоты) не придерживается никакой системы дѣленія документовъ. Во всѣхъ же 6 остальныхъ отдѣлахъ преобладаетъ именно хронологическое дѣленіе. Къ разсмотрѣнію этихъ послѣднихъ описей и перехожу теперь (описи Разряднаго и Помѣстнаго столовъ будутъ разсмотрѣны ниже).

Во главѣ хронологическихъ описей Новгородскаго архива слѣдуетъ поставить опись *Денежнаго* стола, какъ наиболѣе систематичную. Этотъ отдѣлъ (л.л. 156 — 234) раздѣленъ на 4 хронологическія группы: дѣла 205 г. (л. 156), 206 г. (л. 161 об.), 207 г. (л. 175 об.) и 208 г. (л. 197). Въ группѣ каждаго года собраны дѣла, относящіяся только къ этому году. Каждая группа состоитъ изъ нѣсколькихъ „столповъ“. Документы, входящіе въ составъ „столповъ“ (грамоты и проч.) описываются каждый отдѣльно и, притомъ, въ порядкѣ мѣсяцевъ. Группа каждаго года начинается съ *„грамотнаго* столпа“, т. е. собранія государевыхъ грамотъ. Остальные столпы также повторяются въ каждомъ году, за нѣкоторыми исключеніями. Порядокъ столповъ неодинаковъ въ каждой годовой группѣ. Въ 1-й группѣ (205 г.), кромѣ „грамотнаго“, указаны еще слѣдующіе „столпы“: *„Старорусской“* (л. 157), *„Гостина двора“*

(л. 158), *„некоцыянной“* (т. е. — негоціантскій) (л. 159), *„корабельнаго строенья“* (л. 159 об.) и *„кабацкой“* (л. 160). Въ группѣ 206 г. встрѣчаются всѣ 6 столповъ предъидущей группы и одинъ новый — „столпъ *ефимочной*“ (л. 170). Въ группѣ 207 г. встрѣчаются всѣ столпы 206 г., кромѣ „некоцыянскаго“, и прибавленъ одинъ новый — „столпъ *всякихъ дѣлъ*“ (л. 188). Кромѣ того, въ концѣ стоитъ особый отдѣлъ документовъ, какого не было въ предъидущихъ группахъ: „207 г., Денежнаго стола дѣла и выписка (у) подьячаго И. Болотова“ (л. 190 об.). Послѣдняя группа (208 г.) состоитъ всего изъ 2 столповъ — „грамотнаго“ и „ефимочнаго“, а также изъ „дѣлъ и выписокъ у подьячаго И. Болотова“ (л. 199 об.). Послѣ группы 208 г. помѣщены 2 особыя группы документовъ, расположенныхъ въ порядкѣ хронологическомъ за тѣже 205 — 8 гг.: 1) „приходныя и расходныя книги“ (л. 203) и 2) „дѣла и выписки (у) подьячаго Е. Іевлева“ (л. 204).

Такого же хронологическаго дѣленія документовъ придерживаются и описи слѣдующихъ 5 „столовъ“ Новгородскаго архива: *Посольскаго* (л. 132), *Суднаго* (л. 438), *Ямскаго* (л. 466), *Хлѣбнаго Стараго* (л. 472) и *Новопріемнаго Хлѣбнаго Московскаго* (л. 476). Въ *Посольскомъ* столѣ послѣдовательно описаны дѣла за 3 года — 205 — 7 гг. Въ каждой годовой группѣ документы раздѣлены по ихъ видамъ — на „грамоты“ и „столпы“. Въ концѣ помѣщена особая группа „вершеныхъ дѣлъ и выписокъ“ (л. 140), также описанная въ послѣдовательномъ порядкѣ за тѣже 205 — 7 гг.

Опись *Суднаго* стола помѣщена въ 2-хъ мѣстахъ книги, подъ особыми заголовками: 1) послѣ описи Помѣстнаго стола, подъ заглавіемъ: „*Суднаго стола* вершеные и невершеные дѣла“ (л. 438) и 2) послѣ описи Новопріемнаго Хлѣбнаго стола, съ другимъ заглавіемъ: „*Судные Полаты* вершеные дѣла“ (л. 482). Такъ какъ матеріалы Разряда не даютъ свѣдѣній о существованіи въ Новгородѣ особаго судебнаго учрежденія — „Судной Палаты“, независимой отъ Приказной Палаты и отъ ея Суднаго стола, такъ какъ, съ другой стороны, дѣла Судной Палаты помѣщены въ одной описи съ дѣлами Суднаго стола, то полагаю, что здѣсь рѣчь идетъ объ одномъ и томъ же отдѣленіи

Новгородской Приказаной Палаты — о ея „Судномъ столѣ“, носившомъ также названіе и „Судной Палаты“. Подъ первымъ названіемъ описаны дѣла за 205 — 7 гг., подъ вторымъ — за 205 — 6 гг., въ послѣдовательномъ порядкѣ этихъ годовъ.

Дѣла остальныхъ 3 столовъ—*Ямскаго* и 2-хъ *Хлѣбныхъ*—также описаны въ послѣдовательности 4 хронологическихъ группъ — за 205—8 г.г. Въ каждой годовой группѣ дѣла этихъ столовъ описываются въ порядкѣ дѣленія документовъ по ихъ видамъ („книги“, „столпы“ и проч.). Но это послѣднее дѣленіе слабо выдержано и виды документовъ сильно перепутаны. Какъ въ этихъ, такъ и во всѣхъ предъидущихъ столахъ документы описаны очень подробно, т. е. для каждаго документа дано болѣе или менѣе полное опредѣленіе его содержанія; глухіе же заголовки и количественныя опредѣленія документовъ совсѣмъ не встрѣчаются въ Новгородской описи. Эта характерная особенность разсматриваемой описи рѣзко отличаетъ ее отъ большинства описей XVII в.

3) *Географическое дѣленіе документовъ.* Эта система дѣленія чрезвычайно рѣдко встрѣчается въ XVII в. Мнѣ извѣстенъ только одинъ примѣръ подобной описи, именно — опись документовъ *Помѣстнаго* стола *Новгородскаго* архива, 1700 г. [1]). Опись раздѣлена на 5 большихъ отдѣловъ, соотвѣтственно дѣленію Новгородскаго уѣзда на *5 пятинъ*, именно: къ 1-му отдѣлу отнесены документы *Вотской* пятины (л. 234 об.), далѣе идутъ отдѣлы пятинъ — *Шелонской* (л. 262), *Деревской* (л. 318), *Бѣжецкой* (л. 342) и *Обонежской* (л. 404). Въ каждомъ такомъ географическомъ отдѣлѣ документы раздѣлены въ частности на особыя группы, при чемъ основою дѣленія служитъ здѣсь различіе документовъ по ихъ внѣшнему виду. Количество этихъ группъ неодинаково въ разныхъ отдѣлахъ. Наконецъ въ каждой группѣ документы или расположены въ хронологической послѣдовательности (въ дѣлахъ старыхъ годовъ), или (въ новѣйшихъ дѣлахъ) прямо раздѣлены на годовыя группы. Такимъ образомъ, разсматриваемая опись является очень систематичною, не смотря на то, что основана на

(1) Новгород. ст. кн. № 71, лл. 234 об.—437.

трехъ разныхъ принципахъ дѣленія документовъ. Во всякомъ случаѣ, первымъ и основнымъ принципомъ является здѣсь именно географическое дѣленіе.

Первый отдѣлъ (документы *Вотской* пятины) состоитъ изъ 2 группъ: 1) „великого государя *грамоты*“ за 208 г. (л. 234 об.) и 2) „*дѣла* и *выписки*“ за 205 г. (л. 235 об.), 206 г. (л. 241), 207 г. (л. 244 об.) и 208 г. (л. 256 об.). Отдѣлъ *Шелонской* пятины также состоитъ изъ 2 группъ, изъ которыхъ только одна была въ предъидущемъ отдѣлѣ, именно—группа „дѣлъ и выписокъ“ (л. 268), также расположенная въ послѣдовательномъ порядкѣ тѣхъ же 205—8 г.г. Эта группа документовъ и съ такимъ же порядкомъ расположенія, за тѣ же 205—8 г.г., встрѣчается и во всѣхъ остальныхъ отдѣлахъ (л.л. 320 об., 351 и 409). Группы „грамотъ“ нѣтъ въ *Шелонскомъ* отдѣлѣ, равно какъ и въ *Деревскомъ*. Эта группа упомянута, кромѣ 1-го отдѣла, еще въ двухъ — въ *Бѣжецкомъ*, за 206—8 г.г. (л. 346) и въ *Обонежскомъ*, за одинъ только 205 г. (л. 407).

Другую группу *Шелонскаго* отдѣла, какой не было въ *Вотскомъ* отдѣлѣ, представляетъ группа „*книгъ*“. Она начинается (л. 262) „писцовыми“ и „дозорными“ книгами XVI в. (за 7090 и 7096 г.г.), затѣмъ переходитъ къ „дозорнымъ“, „переписнымъ“, „даточнымъ“ и др. книгамъ XVII в. (за 103, 134 — 5, 154, 177 и др. г.г.). Группа оканчивается позднѣйшими книгами — за 205—8 г.г., причемъ книги—подобно „дѣламъ и выпискамъ“ — раздѣлены на годовыя группы. Эта же группа „книгъ“ встрѣчается и въ остальныхъ 3-хъ географическихъ отдѣлахъ (л.л. 318, 342 и 404). Вездѣ она начинается съ древнѣйшихъ документовъ — 2-й половины XVI в. и первой половины XVII в., описываемыхъ въ хронологической послѣдовательности. Книги же позднѣйшихъ годовъ (205 — 8 г.г.) разбиты, какъ вездѣ, на годовыя группы. Почти вездѣ каждый видъ книгъ описывается отдѣльно отъ другихъ, не смѣшиваясь съ ними (см., напр., въ *Бѣжецкомъ* отдѣлѣ группу книгъ „писцовыхъ“, „дозорныхъ“, „переписныхъ“, „даточныхъ“ и „отказныхъ“ (л.л. 342—5).

Наконецъ, въ *Бѣжецкомъ* отдѣлѣ существовала еще одна группа

документовъ, какой не было въ другихъ отдѣлахъ. Это—группа какихъ-то *„спорныхъ дѣлъ“*, расположенная въ преемственномъ попорядкѣ за 196 — 208 г.г. (л.л. 401 об. — 403) и слѣдующая за группою „дѣлъ и выписокъ“ того же Бѣжецкаго отдѣла.

4) *Дѣленіе документовъ по содержанію.* Описи, составленныя по этой системѣ, встрѣчаются довольно рѣдко въ XVII в. Впрочемъ, это слѣдуетъ сказать собственно о такихъ описяхъ, гдѣ разсматриваемая система достигала полнаго выраженія и стройнаго развитія. Но зачатки дѣленія документовъ по содержанію не составляютъ рѣдкаго явленія въ описяхъ XVII в., а напротивъ—замѣчаются въ большинствѣ ихъ. Очевидно, что мысль о цѣлесообразности именно этого дѣленія документовъ сравнительно съ другими системами бродила въ разсматриваемое время, но бродила робко и неувѣренно, какъ бродитъ все новое. Полнаго развитія этой системы нельзя было ждать въ то время, когда и системы низшаго порядка не доразвились окончательно. Дѣленіе же по содержанію представляетъ именно систему высшаго порядка, требующую для своего осуществленія болѣе подвижнаго и болѣе знающаго ума. Къ концу XVII в. несомнѣнно расширились умственные горизонты русскаго человѣка вообще и приказнаго люда въ частности. И дѣйствительно, именно въ это время начинаютъ появляться описи разсматриваемаго вида, притомъ — не въ зародышной ихъ формѣ, какая не была чужда и болѣе раннему времени, но въ болѣе или менѣе стройной систематизаціи. Лучшія описи этого рода принадлежатъ именно послѣднимъ годамъ XVII в. и началу XVIII в. Такимъ образомъ, на этой мелкой и невидной частицѣ русской жизни отразился общій прогрессивный ходъ русской исторіи. Замѣчательно также, что лучшіе типы разсматриваемыхъ описей начинаютъ въ это время появляться не только въ крупныхъ центрахъ, но и въ архивахъ невидныхъ и незначительныхъ городковъ, гдѣ повидимому менѣе всего можно было бы ожидать такого шага впередъ.

Во всѣхъ описяхъ разсматриваемаго вида главною основою дѣленія документовъ является та идея, которая просвѣчивается во всѣхъ сторонахъ и проявленіяхъ русской старой жизни — идея дѣленія всякихъ родовъ дѣятельности, всѣхъ интересовъ и столкновеній на 2 по-

ловины: на „дѣла *государевы*", т. е. государственныя и на „дѣла *челобитчиковы*", т. е. частныя. Первыя „дѣла" обнимаютъ обширную сферу дѣятельности русскаго человѣка—начиная съ царя и кончая послѣднимъ тяглецомъ—дѣятельности, выражающейся служеніемъ государству въ качествѣ-ли служилой силы, или силы податной. Это—сфера высшаго порядка, сфера служенія своей „землѣ", обязательная равно для всѣхъ, хотя и выражающаяся неодинаково для каждаго. Этой сферѣ дѣлъ отдается первое мѣсто: она должна быть у всѣхъ на виду, на первомъ планѣ. Уже за нею слѣдуетъ вторая сфера дѣятельности русскаго человѣка — „дѣла челобитчиковы", обнимающія также обширную область личныхъ, домашнихъ дѣлъ и интересовъ каждаго человѣка, какъ матеріальныхъ, такъ и духовныхъ (поскольку послѣдніе могли пробиваться наружу и пробивались въ то время). Это сфера тѣхъ интересовъ, которые дороги каждому въ частности, которые дороги и „землѣ", заботящейся о всѣхъ своихъ членахъ, но которымъ отведено второе мѣсто послѣ „дѣлъ государевыхъ", что бы они не заглушали послѣднихъ.

Именно эта великая идея проникаетъ всѣ описи, гдѣ принято дѣленіе документовъ по содержанію. „Дѣла государевы", т. е. документы, касающіеся администраціи, ратнаго дѣла, государственныхъ финансовъ и хозяйства и проч. — все это всегда составляетъ первую рубрику описей. Во вторую же рубрику относятся „дѣла судныя" и вообще „всякія челобитчиковы дѣла", затрогивающія прежде всего личныя дѣла отдѣльныхъ лицъ и только косвенно относящіяся къ пользамъ и нуждамъ государства.

Въ описяхъ „дѣлъ государевыхъ" нерѣдко наблюдается (замѣченная и выше) стройная систематизація частныхъ группъ этой рубрики. Дѣла собственно административныя рѣзко отдѣляются отъ дѣлъ ратныхъ, послѣднія — отъ дѣлъ финансовыхъ и проч. Въ рубрикѣ же „челобитчиковыхъ дѣлъ" не замѣчается такой систематизаціи (если не считать дѣленія хронологическаго, или другаго дѣленія низшаго рода). Здѣсь все ставится рядомъ — дѣла уголовныя вмѣстѣ съ гражданскими и т. п. И здѣсь видно, что мысль приказнаго человѣка болѣе работала надъ „государевыми дѣлами", чѣмъ надъ „челобитчиковыми".

Для первыхъ она нашла вполнѣ цѣлесообразную систематизацію, а о систематизаціи послѣднихъ повидимому и не думала. Явленіе это такъ бросается въ глаза въ описяхъ разсматриваемой системы, что его нельзя объяснить какими либо случайностями. Здѣсь также слѣдуетъ видѣть отраженіе той же идеи о бо́льшей важности „дѣлъ государевыхъ“ сравнительно съ „дѣлами челобитчиковыми“.

Для примѣра остановлюсь на описи *Новоторжскаго* архива (приказной избы), 1700 г. (¹). Она представляетъ именно дѣленіе документовъ на 2 рубрики — на „дѣла *государевы*“ (л.л. 5 об.—47) и „дѣла *челобитчиковы*“ (л.л. 48—153). Собственно такихъ заглавій эти рубрики не носятъ, но они вытекаютъ прямо изъ содержанія описываемыхъ дѣлъ. Въ первую рубрику, не имѣющую никакого общаго заголовка, включены дѣла административныя въ собственномъ смыслѣ, дѣла ратныя, финансовыя, хозяйственныя и прочія дѣла, касавшіяся проявленій государственной дѣятельности въ Торжкѣ. Вторая рубрика, подъ особымъ заглавіемъ: „*роспись дѣламъ*“ (л. 48) — содержитъ именно опись „судныхъ дѣлъ“ и отдѣльныхъ документовъ по этимъ и вообще „всякимъ челобитчиковымъ“ дѣламъ, касавшимся интересовъ частныхъ лицъ. Въ описяхъ того времени терминъ — „дѣла“ — преимущественно (если не исключительно) употреблялся именно для означенія послѣдняго рода документовъ. Для документовъ же правительственныхъ если и употреблялось выраженіе „дѣла“, то всегда съ эпитетомъ — „государевы“, и, притомъ, употреблялось преимущественно въ случаяхъ противоположенія „дѣлъ государевыхъ“ — „дѣламъ челобитчиковымъ“. Для частнаго же опредѣленія правительственныхъ документовъ всегда брали названія разныхъ видовъ ихъ — „грамоты“, „книги“ и т. п.

Первый отдѣлъ разсматриваемой описи раздѣленъ на группы правительственныхъ документовъ, соотвѣтственно ихъ содержанію. Общей систематизаціи здѣсь не наблюдается, т. е. здѣсь нѣтъ такого порядка, гдѣ были бы вмѣстѣ сосредоточены группы документовъ собственно административнаго содержанія, затѣмъ — группы финансо-

---

(¹) «Разр. вязка» 23, № 44, лл. 5 об.—153.

выхъ документовъ и т. д. Единицами дѣленія здѣсь служатъ главнымъ образомъ „столпы“, затѣмъ — „книги“ и отчасти собранія отдѣльныхъ документовъ (преимущественно „грамотъ“). Каждая такая группа (особенно „столпы“) представляетъ болѣе или менѣе цѣлостное и однородное собраніе документовъ. Но нѣтъ порядка въ расположенія этихъ группъ. За группою административнаго содержанія идетъ группа съ финансовыми документами, далѣе — группа ратнаго содержанія, хозяйственная группа, снова — административная и т. д. Въ этомъ отношеніи разсматриваемая опись является очень несовершенною. Чтобы видѣть нагляднѣе этотъ недостатокъ, приведу перечень тѣхъ приказовъ, откуда вышли, или куда направлялись описываемые документы и — именно въ томъ порядкѣ, въ какомъ встрѣчаются эти приказы въ описи. Какъ всегда — перечень приходится начать съ Разряда, во всѣхъ описяхъ фигурирующаго на первомъ планѣ и въ самомъ значительномъ количествѣ документовъ. За Разрядомъ слѣдуютъ Приказы — Ямской, Холопья Суда, Помѣстный, Московскій, Судный, Иноземскій, Смоленскаго Княжества, Володимерскій (въ другомъ мѣстѣ — Володимерскій Судный), Большаго Дворца, Стрѣлецкій, Государственный Посольскій (и просто — Посольскій) и пр. и пр. Понятно, что и этотъ порядокъ нарушается на каждомъ шагу: послѣ Ямскаго Приказа снова идетъ Разрядъ и т. п.

Но единицы дѣленія — „столпы“ и проч. — только въ рѣдкихъ случаяхъ представляютъ разнородное содержаніе: большею же частію въ нихъ сгруппированы документы одного и того же содержанія. Ратное дѣло здѣсь не мѣшается съ финансами, послѣдніе выдѣляются отъ хозяйства и т. п. Въ подробное разсмотрѣніе этого предмета не буду здѣсь входить, такъ какъ это относится собственно къ другому вопросу — объ опредѣленіяхъ разныхъ видовъ документовъ (см. ниже).

Весь отдѣлъ правительственныхъ документовъ относится къ 206 — 8 гг., кромѣ того — изрѣдка встрѣчаются документы 205 г. Нерѣдко хронологія документовъ не опредѣляется, такъ что и въ этомъ отношеніи разсматривая опись страдаетъ однимъ изъ крупныхъ недостатковъ описей XVII в. За то она обладаетъ и большимъ достоинствомъ: всѣ документы, входящіе въ составъ „столповъ“, а тѣмъ

болѣе „книги“ и отдѣльные документы — всѣ они описаны болѣе или менѣе подробно. Глухіе заголовки документовъ крайне рѣдки, а количественныя указанія (безъ опредѣленія содержанія) совсѣмъ не встрѣчаются.

Второй отдѣлъ — „роспись дѣламъ“, т. е. „челобитчиковымъ“ (л. 48) — не представляетъ никакой частной систематизаціи. Здѣсь идетъ сплошной рядъ разнаго рода судныхъ и другихъ челобитчиковыхъ дѣлъ, представляющій опись какъ отдѣльныхъ документовъ (преимущественно), такъ и собраній ихъ — „дѣлъ“. Здѣсь рядомъ поставлены дѣла уголовныя и гражданскія, а между ними встрѣчаются иногда и документы, входящіе собственно въ отдѣлъ правительственныхъ бумагъ (какъ въ этой, такъ и въ другихъ описяхъ), какъ-то — общія правительственныя распоряженія по суднымъ дѣламъ (напр.: грамота изъ Приказа Сыскныхъ Дѣлъ о вѣданіи „губныхъ дѣлъ“ воеводою (л. 48) и распоряженія мѣстной администраціи (напр.: къ предъидущей грамотѣ приложенъ „статейной списокъ колодникомъ“). Чаще всего здѣсь встрѣчаются „челобитья“ и другіе отдѣльные документы по челобитчиковымъ дѣламъ, затѣмъ нерѣдки „судныя дѣла“ (или просто „дѣла“), „списки съ дѣлъ“, „вершоныя дѣла“ и т. п. Только „дѣла“ представляютъ въ этомъ отдѣлѣ нѣкоторую группировку документовъ, все же остальное является совершенно отрывочнымъ и случайнымъ рядомъ вмѣстѣ собранныхъ документовъ, связанныхъ только общею идеей всего отдѣла. Хронологія совершенно отсутствуетъ здѣсь. Документы описаны довольно подробно.

Остановлюсь еще на описи архива *Разряднаго* стола *Новгородской* Приказной палаты, 1700 г. (¹). Прежде всего въ этой описи наблюдается дѣленіе 1-го вида: вся опись раздѣлена на 3 отдѣла, соотвѣтственно 3 видамъ документовъ, именно — на „книги“, „грамоты“ и „столпы“. Первый отдѣлъ не носитъ никакого особаго заглавія, вѣроятно потому, что во главѣ его стоитъ общій заголовокъ всего Разряднаго архива: „въ столѣ Разрядныхъ Дѣлъ:.....“ такіе-то документы (л. 39). Остальные отдѣлы носятъ особыя заглавія, именно:

(¹) Новгород. ст. кн. № 71, лл. 39—131.

второй — „въ Розрядномъ же столѣ *грамоты* великаго государя.....“ (л. 51), третій — „въ Розрядномъ же столѣ *столпы* и вершеные *дѣла* и *выписки*.....“ (л. 100). Разсматривая каждый изъ этихъ отдѣловъ какъ самостоятельную рубрику, видимъ, что каждая изъ нихъ придерживается особой системы дѣленія документовъ. Именно: первый отдѣлъ представляетъ очень систематичное и стройное дѣленіе документовъ по содержанію, второй - чисто хронологическое дѣленіе, а третій — также хронологическое дѣленіе, но съ подраздѣленіемъ годовыхъ группъ по содержанію (подобно выше разсмотрѣнной описи Денежнаго стола того же Новгородскаго архива).

Особенный интересъ представляетъ опись перваго отдѣла — *„книгъ“* (л. 39). Онъ раздѣленъ на 3 части, стройно организованныя (исключая послѣднюю): во главѣ поставлена группа *административныхъ* документовъ, за ними идетъ группа *ратныхъ* документовъ и, наконецъ — группа *финансовыхъ* и *хозяйственныхъ*. Во главѣ первой группы (л. 39) поставлены воеводскіе *„наказы“* ([1]), какъ такіе документы, которыми начиналась дѣятельность каждаго Новгородскаго воеводы и которые должны были служить руководствомъ для всѣхъ воеводъ. Такимъ образомъ, постановка ихъ на первомъ мѣстѣ совершенно справедлива и умѣстна. Рядъ „наказовъ“, начинающійся наказомъ 150 г. и оканчивающійся наказомъ 205 г., не прерывается ни однимъ стороннимъ документомъ. Онъ расположенъ въ строгой хронологической послѣдовательности, безъ всякихъ уклоненій. Такая же строгая разборка документовъ и таже строгая хронологическая послѣдовательность наблюдается и въ слѣдующемъ рядѣ документовъ — въ *„росписныхъ спискахъ* бояръ и воеводъ“, начинающихся съ 188 г. (л. 41 об.). „Росписные списки“, т. е. воеводскіе отчеты о пріемѣ города опять совершенно умѣстно поставлены непосредственно послѣ „наказовъ“, такъ какъ и въ дѣйствительности первые непосредственно

(1) По внѣшнему своему виду воеводскіе «наказы» не всегда могли быть отнесены къ отдѣлу «книгъ»: большею частію наказы, особенно 2-й половины XVII в., писались на столбцахъ. Но въ 1-й половинѣ этого вѣка они очень часто излагались и въ тетрадяхъ, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда касались воеводъ крупныхъ городовъ и, вслѣдствіе того, принимали большіе размѣры. См., напр., «наказъ» *Путивльскому* воеводѣ, 134 г. («Десятни» книга № 39, лл. 3—38).

слѣдовали за вторыми и вмѣстѣ съ ними служили главною основою и выраженіемъ (на бумагѣ) воеводской дѣятельности. Очевидно, что мысль неизвѣстнаго составителя этой описи работала совершенно логично и послѣдовательно.

Второю группою поставлены документы, говорящіе о такомъ предметѣ, на которомъ главнымъ образомъ была сосредоточена дѣятельность воеводъ — группа документовъ по *„ратному дѣлу“*. Она носитъ особое заглавіе: *„десятни* и *списки* разныхъ годовъ“ (л. 43 об.). Въ самомъ заглавіи здѣсь указана и группировка документовъ этой группы, также логично мотивированная, какъ и въ 1-й группѣ. Въ началѣ поставлены *„десятни“*, т. е. воинскіе списки высшаго служилаго сословія—дворянъ разныхъ наименованій. За ними идутъ разнаго рода *„списки“*, касавшіеся уже не однихъ только дворянъ, но и всѣхъ вообще служилыхъ людей, отбывавшихъ ратное дѣло. Здѣсь собраны книги — „разборныя“, „верстальныя“, „смотрѣнныя“, разные полковые списки и т. п. Но нужно замѣтить, что это дѣленіе документовъ 2-й группы проведено далеко не такъ строго: „десятни“ попадаются между „списками“ и — обратно. Вся эта группа — подобно предъидущей—расположена въ хронологической послѣдовательности, съ нѣкоторыми, однако, нарушеніями ея. Она начинается документомъ конца XVI в., затѣмъ переходитъ къ XVII в., оканчиваясь документами послѣднихъ годовъ его.

Вообще, мысль составителя этой описи какъ бы постепенно слабѣла: начавши опись въ стройной и логичной систематизаціи, онъ постепенно уклоняется отъ нея и начинаетъ впадать въ безпорядокъ. Это особенно отразилось на 3-й группѣ — документовъ *финансовыхъ* и *хозяйственныхъ*. Она не имѣетъ особаго заглавія и въ описи незамѣтно сливается съ документами предъидущей группы. Въ 3-ю группу вошли разнаго рода „сборныя книги“ денегъ, хлѣба и разныхъ припасовъ, „счетные списки“, „приходныя и расходныя книги“, „строельныя книги“ правительственныхъ зданій (напр., л. 50 — „каменныхъ зелейныхъ палатъ“) и т. п. Отдѣленіе финансовыхъ документовъ отъ хозяйственныхъ не наблюдается. Кромѣ того, въ эту группу включены такіе документы, которые совсѣмъ не относятся ни

къ области финансовъ, ни къ области хозяйства, напр.: „записная книга вершенымъ дѣламъ“, „записная книга“ государевыхъ указовъ и проч. Очевидно, что составитель долженъ былъ включить эти книги въ разсматриваемый отдѣлъ, такъ какъ они по внѣшнему своему виду не принадлежали ни къ грамотамъ, ни къ столпамъ. Но онъ не съумѣлъ найдти для нихъ надлежащее мѣсто между группами отдѣла книгъ. Конечно, правильнѣе всего было бы составить изъ „записныхъ книгъ“ особую группу 1-го отдѣла, или же — распредѣлить ихъ по тѣмъ документамъ, къ которымъ они непосредственно относятся, напр.: „записную книгу“ государевыхъ указовъ можно было бы присоединить къ отдѣлу „грамотъ“. Такъ и было поступлено составителемъ съ одною изъ „записныхъ книгъ“, именно — въ 3-мъ отдѣлѣ читаемъ: „*столпъ казачей*, а въ томъ столпу 14 выписокъ...... о приверсткѣ въ казаки....., и тѣмъ выпискамъ *записная книга*“ (л. 102 об.).— Документы 3-й группы также расположены въ преемственности годовъ. Какъ въ этой группѣ, такъ и въ двухъ предъидущихъ — каждый документъ описанъ болѣе или менѣе подробно.

Второй отдѣлъ архива Разряднаго стола—„*грамоты*“ (л. 51) — придерживается строгаго хронологическаго дѣленія: онъ раздѣленъ на 4 годовыя группы — съ 205 по 208 г. включительно. Въ каждой годовой группѣ документы расположены въ порядкѣ мѣсяцевъ. Иногда, впрочемъ, этотъ порядокъ нарушается и мѣсяцы перепутываются. Другой системы дѣленія документовъ здѣсь не наблюдается. Каждая грамота описана довольно подробно.

Такое же дѣленіе на тѣже 4 годовыя группы встрѣчаемъ и въ 3 отдѣлѣ — „*столповъ*“ (л. 100). Но, кромѣ того, каждая такая группа здѣсь раздѣлена еще по содержанію на болѣе мелкія группы. Такъ, группа документовъ 205 г. раздѣлена на 5 „столповъ“ — „*служилый*“ (л. 100), „*верстальный*“ (л. 100 об.), „*казачій*“ (л. 102 об.), „*стрѣлецкій*“ (л. 103) и „столпъ *всякихъ дѣлъ*“ (л. 103 об.). Въ группѣ 206 г. встрѣчаемъ тѣже „столпы“, кромѣ „служилаго“. Этого же столпа, а равно и „верстальнаго“—нѣтъ въ группѣ 207 г. Зато здѣсь прибавленъ новый столпъ — „*татарскій*“ (л. 118 об.). Въ группѣ 208 г. описанъ только одинъ столпъ — „верстальный“

(л. 128 об.). Кромѣ того, во всѣхъ трехъ послѣднихъ группахъ (206—8 г.г.) находимъ особыя рубрики документовъ, находившихся на рукахъ у подьячихъ (каждый разъ поименованныхъ). Какъ здѣсь, такъ и въ предъидущихъ столпахъ каждый документъ описанъ довольно подробно.

Не привожу полныхъ выписокъ изъ описей разсматриваемаго вида, такъ какъ ихъ можно найдти между напечатанными въ актахъ, напр.: 1) опись дворцовыхъ дѣлъ Суднаго Приказнаго стола *Новгородской* Приказной Палаты, 177 — 8 г.г. (1), 2) опись архива *Чердынской* приказной избы, 188 г. (2) и проч. Первая опись раздѣлена на 2 отдѣла: отдѣлъ административныхъ документовъ въ широкомъ смыслѣ этого слова (преимущественно—документы по финансамъ и хозяйству) и отдѣлъ судныхъ дѣлъ разнаго рода. Группы 1-го отдѣла (финансовая, хозяйственная и чисто-административная) значительно перепутаны и вообще система дѣленія здѣсь плохо выдержана. Напротивъ—очень систематична Чердынская опись, раздѣленная на 3 группы, хорошо организованныя: 1) финансовая группа, 2) административная и 3) судная. Эта опись представляетъ очень рѣдкій примѣръ постановки финансовыхъ документовъ впереди документовъ административныхъ. Не объясняется-ли это тѣмъ, что Чердынь была довольно бойкимъ финансовымъ пунктомъ — по сбору „мягкой рухляди“ и проч.

Разсмотрѣнными 4 видами исчерпываются всѣ извѣстныя мнѣ системы дѣленія документовъ въ архивныхъ описяхъ XVII в. Спеціальное изученіе послѣднихъ вѣроятно откроетъ и другія системы.

Перехожу ко второму существенному вопросу въ дѣлѣ составленія описей: *какимъ образомъ описывались* въ XVII в. тѣ или иные *документы?* на сколько были кратки, или подробны ихъ опредѣленія? чѣмъ отличались опредѣленія однихъ документовъ отъ другихъ? вообще—какими достоинствами, или недостатками отличались опредѣленія документовъ въ описяхъ того времени и что считалось существенными признаками въ этихъ опредѣленіяхъ?—Соотвѣтственно глав-

---

(1) «Ак. Юр.» II, № 139, 11.

(2) «Доп. Ак. Ист.» IX, № 57, 11, с. 136.

нымъ видамъ документовъ, настоящій вопросъ будетъ разсмотрѣнъ въ 3-хъ рубрикахъ: 1) описи *„грамотъ“ и другихъ* отдѣльныхъ документовъ, писавшихся на столбцахъ, 2) описи *„столповъ“*, какъ собраній разныхъ документовъ того же внѣшняго вида (столбцовъ) и 3) описи *„книгъ“*.

1) *Описи „грамотъ“ и проч.* Въ ряду различныхъ документовъ описи XVII в. чаще всего занимаются опредѣленіемъ *„грамотъ“*. Имъ оказывается предпочтительное вниманіе предъ другими документами: рѣдкая опись обходитъ ихъ молчаніемъ. Описи ихъ почти всегда составлялись болѣе или менѣе обстоятельно и подробно. Такое вниманіе объясняется, съ одной стороны, происхожденіемъ этихъ документовъ, выходившихъ отъ царя, или по крайней мѣрѣ — отъ имени царя, чрезъ разныя центральныя учрежденія, а съ другой стороны — самымъ содержаніемъ грамотъ: каждая изъ нихъ касалась болѣе или менѣе существенныхъ вопросовъ какъ въ области дѣлъ правительственныхъ, такъ и въ области разнообразныхъ интересовъ частныхъ лицъ. Ни воевода, ни приказные люди не могли игнорировать такіе важные документы, а потому и отдавали имъ всегда первое мѣсто въ своихъ описяхъ.

Описи грамотъ очень разнообразны. Главнымъ образомъ ихъ можно подраздѣлить на *краткія* и *подробныя*. Первыя не даютъ надлежащаго понятія о содержаніи грамотъ, но сообщаютъ о немъ одни намеки. Такія опредѣленія грамотъ, однако, нельзя признать преобладающимъ явленіемъ въ описяхъ XVII в., напротивъ, они встрѣчаются довольно рѣдко. Для примѣра укажу на подобныя опредѣленія грамотъ въ *Кіевской* описи, 203 г. ([1]). Въ числѣ разныхъ документовъ здѣсь описаны, между прочимъ, царскія грамоты къ боярину и воеводѣ кн. М. Г. Ромодановскому, за 198—9 г.г. (л.л. 13—14). Въ перечнѣ этихъ грамотъ опредѣляется время ихъ выхода и очень кратко передается содержаніе, напр.: грамота „о скаскѣ боярина кн. М. Г. Ромодановского, 199 г. октября въ 10 день, *Чюдова* монастыря о дьяконѣ Стеѳанѣ“ (л. 14). Опредѣленіе — чрезвычайно не-

(1) Кіевск. ст. кн. № 50, л. 12 об.

полное: что это было за дѣло о дьяконѣ Стефанѣ? какую и куда воевода подавалъ „скаску“ объ этомъ лицѣ? что такое сообщала грамота по поводу этой „скаски“? откуда шла эта грамота? — на всѣ эти вопросы опись не даетъ отвѣтовъ. Такою же неполнотою въ передачѣ содержанія страдаютъ и другія описи грамотъ, полученныхъ кн. Ромодановскимъ, напр. (выбрасываю мѣсяцы и числа, коими помѣчены всѣ эти грамоты): грамоты — „о пріѣзжемъ исъ Польши о Вас. Искрицкомъ“, „о пріѣзжемъ исъ Польши о старцѣ Гедеонѣ Одорскомъ“, „о подметномъ письмѣ, которое поднято въ *Печерскомъ* мѣстечкѣ“ (л. 13). Все это слишкомъ неопредѣленно. Или, напр., ниже — въ отдѣлѣ грамотъ, полученныхъ стольникомъ и воеводою кн. Л. Ѳ. Долгорукимъ: „списокъ съ грамоты“ 201 г. „о посылкѣ для провѣдыванія вѣстей“ (л. 15). Кого и куда именно посылали, т. е.—идетъ-ли здѣсь рѣчь о наблюденіи за непріятельскими движеніями, или о развѣдкѣ дипломатическихъ „вѣстей“ — опись не разъясняетъ. Въ отдѣлѣ грамотъ, присланныхъ къ боярину и воеводѣ кн. П. И. Хованскому встрѣчаемъ, напр., такое опредѣленіе: грамота 201 г. „о переписке лѣсныхъ припасовъ“ (ib.). Здѣсь также непонятно: о какихъ именно припасахъ говорится тутъ — для Кіевской ли крѣпости, или для мостовъ на Днѣпрѣ, или же для сооруженія какихъ либо правительственныхъ зданій?

Приведенныхъ примѣровъ достаточно, чтобы видѣть—какими недостатками страдаютъ краткія опредѣленія грамотъ. Но, повторяю, подобныя опредѣленія рѣдки. Гораздо чаще встрѣчаются подробныя опредѣленія, гдѣ болѣе или менѣе обстоятельно и точно передается содержаніе грамотъ. Напр., въ описи „государевыхъ грамотъ“ *Воронежскаго* архива, 152 г. (1), подъ рубрикою грамотъ 150 г. читаемъ, между прочимъ, такое опредѣленіе одной изъ нихъ: „государева указная грамота, что велѣно на Воронежѣ у острога и у башень худыя мѣста и обламы и мосты и катки подѣлать и рвы почистить“ (л. 309). Содержаніе документа передано такимъ образомъ вполнѣ ясно и опредѣленно. Годъ документа указанъ въ общемъ за-

(1) «Дѣла разк. город.» кн. № 15, л. 307.

головкѣ; единственные недостатки описи—отсутствіе указаній на мѣсяцъ и число выхода грамоты и на Приказъ, который ее выпустилъ. Также обстоятельно передано содержаніе другой указной грамоты, того же 150 г., о выборѣ *губнаго старосты* „изъ дворянъ и изъ дѣтей боярскихъ *изъ большихъ статей*" (л. 313).

Такою же обстоятельностію и особенною подробностію въ передачѣ содержанія отличается слѣдующее опредѣленіе грамоты въ описи *Вольновскаго* архива, 162 г. (1): „государева указная грамота прислана о Вольновскихъ дѣтяхъ боярскихъ, по письму стрѣлецкого и казачья головы Ильи Омерева, о Нехорошемъ Васинѣ съ товарищи, и велѣно было ихъ дѣтей боярскихъ взять по его головину письму въ казаки и въ стрѣльцы, и по той государевѣ грамотѣ, по ихъ дѣтей боярскихъ челобитью, въ стрѣльцы и въ казаки имать (ихъ) не велѣно" (л. 133 об.). Правда, при чтеніи этого опредѣленія могутъ возникнуть нѣкоторые вопросы, на которые опись не даетъ отвѣта, напр.: по какимъ основаніямъ голова Омеревъ требовалъ записи боярскихъ дѣтей въ казаки и стрѣльцы? почему его требованіе не было уважено? и т. п. Но думается, что на эти вопросы собственно *опись* не можетъ и не должна давать отвѣтовъ: ихъ можно ожидать только отъ *описанія* документовъ. Единственный недостатокъ указаннаго опредѣленія грамоты — полное отсутствіе какого бы то ни было хронологическаго указанія. Но этотъ недостатокъ — общій всей описи Вольновскаго архива.

Въ другихъ описяхъ подробная передача содержанія грамотъ всегда сопровождается и подробными хронологическими указаніями. Напр., въ *Кіевской* описи, 203 г. (2), въ отдѣлѣ грамотъ, присланныхъ въ 202 г. къ боярину и воеводѣ кн. П. И. Хованскому, находимъ слѣдующія опредѣленія: „грамота *ноября 10 числа:* московскимъ и кіевскимъ жилого полку солдатомъ и стрѣльцомъ плотникомъ, которые у плотничной работы на воеводцкомъ дворѣ и у житныхъ анбаровъ и у городовые починки будутъ — работныхъ денегъ ничего давать не велѣно" (л. 16). И содержаніе, и хронологія этой грамоты вполнѣ

(1) Бѣлогород. ст. кн. № 34, л. 131 об.

(2) Кіев. ст. кн. № 50, л. 12 об.

опредѣлены, и недостаетъ только указанія на Приказъ, откуда вышла грамота. Содержаніе слѣдующей грамоты передано уже не такъ ясно, именно; „грамота *января 2 числа*, что по письму святѣйшаго Іерусалимскаго *Досиѳья* патріарха объявился въ *Мултянской* (магометанской?) землѣ *русской породы* человѣкъ — церкви Божіи *росколщикъ*“ (sic) (л. 16). Но, очевидно, что неясность этого опредѣленія зависѣла единственно отъ замысловатости самого предмета, о которомъ шла рѣчь въ описываемомъ документѣ.

Самыми полными опредѣленіями грамотъ слѣдуетъ признать тѣ, гдѣ кромѣ обстоятельной передачи содержанія и точной хронологической даты — опредѣляется еще учрежденіе, откуда вышла грамота и приводится имя дьяка, „за приписью“ коего выдана она. Напр., въ описи *Великолуцкаго* архива, 193 г. (¹): „187 году, октября въ 24 день, грамота изъ *Посольского Приказу, за приписью* дьяка Емельяна Украинцова, а подъ тою грамотою обросцовые (образцовые) письма и какъ писать въ сторону королевского величества о всякихъ росправныхъ дѣлѣхъ“ (л. 587). Или, напр.: „188 г., генваря во 2 день, грамота изъ *Розряду, за приписью* дьяка....., чтобъ съ посаду пищальныхъ и полоняничныхъ денегъ, опричь стрѣлецкихъ, не имать“ (л. 587 об.). Другія грамоты этой же описи опредѣляются не такъ полно, напр.: „188 г., мая въ 11 день, грамота изъ Розряду, а велѣно держать *на чернила* и на свѣчи и на иные *мелкіе росходы* исъ судныхъ дѣлъ исъ пошлинныхъ и изъ иныхъ неокладныхъ доходовъ“ (ibid).

Описи не всегда даютъ опредѣленія для каждой отдѣльной грамоты, но нерѣдко соединяютъ въ одномъ опредѣленіи нѣсколько грамотъ однороднаго содержанія. Напр., въ описи *Воронежскаго* архива, 152 г.: „*7 государевыхъ указныхъ грамотъ*, что велѣно дѣтей боярскихъ въ драгунской службѣ устроить въ Воронежскомъ уѣздѣ въ *измѣнничьей черкасской* слободѣ въ с. *Костенкахъ*“ (²). Выше подобнымъ же образомъ описаны „*3* государевы указныя *грамоты*“ о построеніи въ Воронежѣ „для посольского отпуску Ильи Милослав-

---

(¹) «Дѣла разн. город.» кн. № 45, л. 585 об.

(²) Ibid., кн. № 15, л. 320 об.

ского съ товарищи, къ веснѣ, восьми струговъ" (л. 317). Въ описи *Новоторжскаго* архива, 1700 г., читаемъ: „великого государя *2 грамоты* изъ Иноземского Приказу, за приписью дьяковъ А. Яцково да С. Алексѣева, о высылкѣ исъ Торжку великого государя на службу въ Бѣлгородъ московскихъ выборныхъ полковъ начальныхъ людей Новоторжскихъ помѣщиковъ и вотчинниковъ въ полкъ боярина и воеводы кн. Я. Ѳ. Долгорукова, на указной срокъ марта 25 числа 206 г."; „великого государя *2 грамоты* изъ Розряду....., о доиночныхъ деньгахъ вмѣсто служебъ на прошлые годы московского чину людей....." ([1]). Вообще, подобные примѣры не рѣдки.

Нерѣдко опись извѣстной грамоты (или нѣсколькихъ грамотъ) соединяется въ одномъ опредѣленіи съ описью другихъ документовъ, по однороднаго съ грамотою содержанія. Напр., въ той же Новоторжской описи, 1700 г., въ одномъ опредѣленіи встрѣчаемъ собраніе 9-ти документовъ по одному судному дѣлу, именно: 1 „великаго государя грамоту", 5 воеводскихъ „отписокъ", 1 „челобитную", 1 „допросъ" и 1 „росписку". Вотъ эта опись: „великого государя *грамота* исъ Приказу Сыскныхъ Дѣлъ, за дьячьею приписью, по челобитью вдовы жонки Ириницы Михайлова дочери Меркульевской жены Сапожникова, о высылкѣ исъ Торжку въ Тверь А. Реткина, да казаковъ ево Панкрашки Исаева да Никитки, да Соѳейского дому сына боярского Максимова человѣка Литвинова Ивашки Глѣбова, для розыску въ смертномъ убивствѣ М. Сапожникова, и изо Твери *3 отписки* отъ воеводъ, и во Тверь черные *2 отписки*, да *челобитная* жонки Иришки Сапожниковой на А. Реткина зъ братомъ, о поставкѣ казака Никитки и объ отсылкѣ Панкрашки во Тверь, и *допросъ* ево Панкрашки, и *росписка* въ немъ Панкрашкѣ" (л. 48).

Далѣе идетъ такое же опредѣленіе *3 документовъ* однороднаго содержанія — по вопросу о подчиненіи „губныхъ дѣлъ" воеводѣ, именно: „великого государя *грамота* изъ Приказу Сыскныхъ Дѣлъ, а по той великого государя грамотѣ велѣно стольнику и воеводѣ Я. И. Внукову въ Торжку и въ Новоторжскомъ уѣздѣ татиные и розбой-

([1]) «Разр. вязка» 23, № 44, лл. 8 об. и 10 об.

ные и всякіе губные дѣла вѣдать, и подъ тою грамотою черная *отписка* къ Москвѣ, и колодникомъ *статейной списокъ*" (ibid) и т. п.

Описи другихъ правительственныхъ документовъ не отличаются такою обстоятельностію и точностію, какъ описи грамотъ. Очевидно, что только послѣднимъ придавали особое значеніе, какое, дѣйствительно, и нельзя у нихъ отнять, а на другіе документы обращалось меньшее вниманіе при составленіи описей. Всѣ вообще описи послѣднихъ очень кратки, напр.: 1) „129 г. октября въ 15, день, *память*, за приписью дьяка Богд. Поздѣева, о томоженныхъ пошлинныхъ деньгахъ" ([1]). Здѣсь, во первыхъ, пропущено указаніе Приказа, откуда вышла эта „память", а затѣмъ — самое содержаніе ея передано очень глухо. 2) „*Память*, за дьячьею рукою Ив. Сѣверова, объ верстаньи Вольновскаго сына боярского Род. Замошина" ([2]). Передача содержанія здѣсь вполнѣ удовлетворительная, но нѣтъ (подобно предъидущей описи) указанія на Приказъ, выпустившій этотъ документъ и нѣтъ хронологической даты. 3) „Съ *отписки* списокъ, за Володимеровою (т. е. — воеводы Вл. М. Новосильцева) рукою, въ розбойномъ дѣлѣ и въ убойствѣ литовскихъ людей Ѳедки Семенова съ товарищи" ([3]). Опредѣленіе довольно обстоятельное и въ немъ недостаетъ только хронологической даты, да указанія на Приказъ, куда шла „отписка".

Какъ подобныя, такъ и болѣе краткія опредѣленія „отписокъ" и другихъ документовъ административнаго содержанія встрѣчаются вообще очень рѣдко въ описяхъ разсматриваемаго времени. Большею частію описи ограничиваются глухимъ упоминаніемъ о существованіи въ извѣстномъ архивѣ „черныхъ отписокъ" мѣстныхъ воеводъ въ Московскіе Приказы, „отписокъ" сосѣднихъ воеводъ въ извѣстный городъ, „памятей", „доѣздовъ", „досмотровъ", различныхъ „списковъ" (писавшихся часто и на столбцахъ) и т. п. документовъ. Иногда, какъ мы выше видѣли, эти глухія упоминанія замѣнялись указаніями на количество подобныхъ документовъ въ извѣстномъ архивѣ. Но опредѣленія ихъ такъ рѣдки, что нѣкоторыхъ документовъ разсматри-

---

([1]) «Дѣла разн. гор.» кн. № 45, л. 586 об. (въ описи *Великолуцкаго* архива).
([2]) Бѣлогор. ст. кн. № 34, л. 136 (въ описи *Вольновскаго* архива).
([3]) Ibid., л. 138.

ваемаго времени совсѣмъ не пришлось встрѣтить въ изслѣдованныхъ описяхъ.

Болѣе счастливы въ этомъ отношеніи различные *„судные“* документы. Приведу нѣсколько примѣровъ: а) изъ *Кіевской* описи, 203 г.: 1) *„челобитье* стольника и полковника Аөонасьева полку Козлова стрѣльца Ивашки Базулина па Кіевского пушкаря на Кузьку Смородина, о наемной лавкѣ“ ([1]). Годъ не показанъ, вѣроятно потому, что этотъ документъ стоитъ въ ряду „всякихъ дѣлъ“, производившихся во время воеводства кн. П. И. Хованскаго и находившихся на рукахъ у разныхъ подьячихъ (поименованныхъ здѣсь). 2) Изъ того же отдѣла „всякихъ дѣлъ“: *„извѣтъ* рейтарского строю стольника и полковника Як. Иванпцкого полку своего на ротмистра на Кир. Голохвастова, что съ ево Кирилова двора *летѣла пистольная пулка* на ево Яковлевъ огородъ“ (л. 133). б) Изъ описи *Новоторжскаго* архива, 1700 г. ([2]): 1) *„приводъ* Новоторжскихъ стрѣльцовъ М. Жо..... съ товарищи, что они привели жонку Маврицу съ А. Быковымъ, да *Борисоглѣбского* монастыря попа Андрея сына ево Аөоньку“ (л. 48). Содержаніе документа передано здѣсь не ясно, именно — неизвѣстно, по какому дѣлу состоялся „приводъ“ означенныхъ лицъ въ приказную избу. Съ другой стороны — нѣтъ хронологическаго указанія, какъ вообще во всей „росписи дѣламъ“ Новоторжскаго архива. 2) *„Челобитье* С. И, сына Львова на Я. К. сына Гармонова, въ брани и въ безчестьѣ, и ево Якушкинъ *допросъ*, за рукою“ (л. 48). 3) *„Словесное челобитье* ([3]) А. Проскурякова, въ бою и въ увѣчьѣ сына ево, на посацкого человѣка А. Дренева на сына ево, и подъ тѣмъ челобитьемъ *досмотръ* (т. е. — осмотръ потерпѣвшаго), за рукою“ (ib.). Содержаніе этихъ документовъ передано довольно обстоятельно, но съ тѣмъ упущеніемъ, что въ первомъ „челобитьѣ“ не указано званіе ни истца, ни отвѣтчика, а во второмъ нѣтъ этого указанія относительно одного истца.

([1]) Кіев. ст. кн. № 50, л. 128 об.

([2]) «Разр. Вязка» 23, № 44.

([3]) Т. е. — этотъ документъ былъ составленъ въ приказной избѣ по словесному заявленію истца. Большею же частію челобитья составлялись внѣ приказныхъ избъ — или «площадными подьячими», или самыми истцами.

Въ этихъ послѣднихъ случаяхъ въ одномъ опредѣленіи встрѣчаемъ описи двухъ документовъ по одному и тому же судному дѣлу. Въ дальнѣйшей Новоторжской „росписи дѣламъ" (лл. 48—153) встрѣчаются опредѣленія какъ отдѣльныхъ документовъ, такъ и двухъ и болѣе однородныхъ документовъ вмѣстѣ. Чаще всего здѣсь встрѣчаются „челобитья", иногда—„словесныя". Затѣмъ идутъ— „грамоты", „скаски", „приводы", „допросныя рѣчи", „розыски" и т. п., наконецъ—„судныя дѣла", „вершеныя дѣла" и проч. Всѣ эти документы, или собранія ихъ (какъ „дѣла") описаны подобно вышеприведеннымъ примѣрамъ. „Роспись дѣламъ" расположена безъ всякой системы.

2) *Описи „столповъ"*. Въ описяхъ XVII в. „столпы" встрѣчаются очень часто, такъ что очевидно, что это была любимая форма храненія документовъ. Она интересна особенно потому, что представляетъ первые зачатки систематизаціи документовъ. Извѣстно, что столпы составлялись изъ собранія отдѣльныхъ документовъ однороднаго содержанія. Столпы съ собраніемъ разнородныхъ документовъ встрѣчаются довольно рѣдко, такъ что на эти случаи слѣдуетъ смотрѣть какъ на исключенія. Но однородность содержанія столповъ имѣла разныя степени. Иногда документы такъ стройно подобраны въ нихъ, что лучше не сдѣлаетъ и современный архивистъ. Въ другихъ случаяхъ не замѣчается такой точности и однородности: иногда въ столпѣ съ извѣстнымъ содержаніемъ попадаются 2—3 документа совершенно стороннихъ, а иногда и все собраніе документовъ въ извѣстномъ столпѣ имѣетъ между собою довольно отдаленную связь, которую можно открыть только при помощи болѣе или менѣе усиленныхъ натяжекъ. Но къ чести составителей описей XVII в. слѣдуетъ замѣтить, что послѣдній недостатокъ систематизаціи столповъ встрѣчается сравнительно рѣдко и напротивъ — гораздо чаще попадаются описи перваго рода. Приведу примѣры тѣхъ и другихъ.

Примѣромъ описи „столпа", гдѣ собраны хотя и однородные документы, но находящіеся въ довольно отдаленной между собою связи — можетъ служить опись *„приказнаго столпа"* въ *Новоторжскомъ* архивѣ, 1700 г. ([1]). Заглавіе его такое: „столпъ при-

[1] «Разр. вязка» 23, № 41, лл. 5 об.—8.

казной 206 и 207 и 208 гг., а въ немъ: великого государя грамота....“ и проч. Судя по названію, въ этомъ столпѣ должны заключаться дѣла административнаго характера. Дѣйствительно, послѣднее содержаніе здѣсь преобладаетъ. Но, кромѣ административныхъ документовъ въ собственномъ смыслѣ, здѣсь содержатся еще документы финансоваго и хозяйственнаго содержанія. Правда, въ широкомъ смыслѣ и послѣдніе документы можно назвать административными, такъ какъ каждый изъ нихъ выходилъ изъ извѣстнаго приказнаго учрежденія и назначался для выполненія Новоторжской администраціи. Но по существу правильнѣе было бы выдѣлить финансовые и хозяйственные документы въ особые столпы, какъ это сдѣлано было въ томъ же Новоторжскомъ архивѣ съ другими группами подобныхъ документовъ (см. ниже).

Во главѣ разсматриваемаго столпа поставлена „грамота“ изъ Разряда о назначеніи новаго воеводы въ Торжокъ и „черная отписка“ послѣдняго о пріемѣ имъ города. Вообще слѣдуетъ замѣтить, что большинство столповъ почти всегда начинается грамотами, относящимися къ извѣстной собранной въ столпѣ группѣ документовъ. За „отпискою“ идутъ другіе документы также административнаго характера, именно: 1) „грамота“, „распросы“, „поручныя записи“ и „черныя отписки“ по поводу пожара Новоторжской приказной избы; 2) „грамота“ о временномъ помѣщеніи для воеводы, до постройки новой избы; 3) „поручная запись“ по „тюремныхъ сторожахъ“; 4) „челобитная“ одного лица „о поверсткѣ въ стрѣльцы“, съ „поручною записью“ по немъ; 5) 3 „указныя грамоты“ о бѣглыхъ людяхъ, о новой чеканкѣ монетъ и т. д.

Всѣ эти документы болѣе или менѣе правильно отнесены къ „приказнымъ“ дѣламъ. Далѣе, послѣ ряда подобныхъ документовъ, начинаютъ встрѣчаться документы чисто финансоваго и хозяйственнаго содержанія, напр.: 1) „грамота“ о сборѣ недоимочныхъ „ямскихъ и полоняничныхъ денегъ“, 2) „грамота“ о высылкѣ 50 человѣкъ посадскихъ людей въ *Вяземскій* уѣздъ—„къ известному зженію“ и проч. Въ перемежку съ послѣдними документами идутъ и документы собственно административнаго содержанія. Такимъ образомъ, и въ содер-

жанія и въ расположеніи документовъ этого столпа не видно строгой систематизаціи. Здѣсь описано около 30 документовъ, не считая „черныхъ отписокъ“ и „подорожныхъ въ пріемѣ отписокъ“, такъ какъ о тѣхъ и другихъ только глухо упомянуто, даже не приведено количество ихъ (1).

Въ другихъ „столпахъ“ того же Новоторжскаго архива встрѣчаемъ болѣе цѣлесообразный подборъ документов по содержанію. Таковъ, напр. — *„столпъ о корабельныхъ деньгахъ“* (л. 11 об.—12). Онъ состоитъ изъ ряда документовъ, относящихся къ одному предмету, именно—къ сбору „корабельныхъ денегъ“ въ 205 г. Во главѣ столпа поставлены 3 „грамоты великаго государя“ и „указъ изъ Володимерскаго Суднаго Приказа“ о сборѣ этихъ денегъ. Затѣмъ идутъ „списки съ московскихъ и съ городовыхъ платежныхъ отписей“ и другіе документы по тому же сбору. Опись столпа оканчивается „грамотою“ и другими документами по сбору „доимочныхъ корабельныхъ денегъ“ съ Новоторжскаго уѣзда.

Также хорошо подобраны и слѣдующіе „столпы“: 1) „столпъ“, содержащій 3 „грамоты“ и другіе документы „о зборѣ Новгороцкого полку съ Новоторжскихъ помѣщиковъ и вотчинниковъ полутораблевыхъ денегъ вмѣсто служебъ, на 207 г., за кѣмъ по 10 дворовъ и меньше....“ (л. 12 об.); 2) „столпъ“, содержащій 2 „грамоты великаго государя“ изъ Государственнаго Посольскаго Приказа и другіе документы о сборѣ съ Новоторжскаго посада и уѣзда 800 подводъ „подъ подрядныя пушки и подъ провожатыхъ....“ (годъ не опредѣленъ) (л. 13 об.) и т. п.

Вообще, большинство „столповъ“ Новоторжскаго архива представляетъ гораздо меньшія группы сравнительно съ первымъ — „приказнымъ столпомъ“. Именно небольшими размѣрами этихъ столповъ и слѣдуетъ объяснить то обстоятельство, что они подобраны систематичнѣе „приказнаго столпа“. Крупный недостатокъ въ описи первыхъ — рѣдкость хронологическихъ указаній. Содержаніе документовъ, стоящихъ во главѣ „столповъ“ (это — преимущественно „гра-

---

(1) См. подлинную опись этого столпа въ *приложеніи-V*.

моты") передается болѣе или менѣе подробно и обстоятельно. Остальные же документы описываются значительно короче, а нерѣдко они только перечисляются въ глухихъ заголовкахъ. Иногда эти перечни бываютъ такъ глухи, что является сомнѣніе въ принадлежности перечисляемыхъ документовъ къ данному столпу. Но нерѣдко и весь рядъ документовъ извѣстнаго столпа описывается одинаково подробно и обстоятельно (особенно въ небольшихъ столпахъ).

Такіе же хорошо подобранные „столпы" встрѣчаются и въ другихъ архивахъ, напр.—въ *Новгородскомъ* архивѣ, 1700 г. (¹): „205 году *столпъ служилой*, а въ немъ: выписка по челобитью М. И. сына Базанина, для его болѣзни на службу великого государя высылать не велѣно, пока онъ отъ тое болѣзни исцѣлѣетъ, и о томъ ему, Максиму, дана память" (л. 100). Далѣе идетъ „выписка" „объ осмотрѣ и объ отставкѣ" П. А. Бутурлина (л. 100 об.). Этими двумя документами и ограничивается все содержаніе „служилаго столпа". Также невелики и также систематичны и остальные „столпы" 205 г. Разряднаго стола, именно: „*верстальный*" (л. 100 об.), „*казачій*" (л. 102 об.), „*стрѣлецкій*" (л. 103) и „столпъ *всякихъ дѣлъ*" (л. 103 об.). Въ тѣхъ же и другихъ столпахъ слѣдующихъ годовъ (206—8 г.г.) наблюдаются тѣже явленія.

Укажу еще нѣсколько подобныхъ, т. е. очень систематичныхъ описей „столповъ" въ *Новгородскомъ* же архивѣ, 178—9 г.г. (²). Здѣсь особенно выдаются описи „столповъ" — „*полоняничнаго*" (с. 190—1), „*рыбнаго*" (с. 191) и „*записнаго* и *явочнаго*" по разнымъ суднымъ дѣламъ (с. 192).

Содержаніе „столповъ" очень точно опредѣляется ихъ заголовками. Кромѣ вышеуказанныхъ, перечислю еще нѣсколько заголовковъ, какіе встрѣчаются въ тѣхъ же описяхъ: а) въ Новоторжской описи, 1700 г. — столпъ „*холопій*" (л. 9 об. и др.); б) въ Новгородской описи того же года—столпъ „*татарскій*" (л. 118 об.), „*Старорусскій*" (л. 157 и др.), „столпъ *Гостина двора*" (л. 158 и др.), „*некоцыянскій*" (л. 159 и др.), „столпъ *корабельнаго строенья*"

(¹) Новгород. ст. кн. № 71, л. 100.
(²) «Ак. Юр.» 11, № 139, 11.

(л. 159 об. и др.), *„кабацкій“* (л. 160 и др.), *„грамотный“* (л. 161 об. и др.), *„ециночный“* (л. 170 и др.), *„почтовый“* (л. 466 об.); в) въ Новгородской описи, 178 — 9 г.г. — столпъ *„управный“* (с. 187), *„подводный“* (с. 190), „столпъ *садовъ*“ (с. 192) и проч. Всѣ эти названія очень понятны, за исключеніемъ двухъ: 1) „столпъ управный“ содержалъ въ себѣ „изъ пятинъ въ Великій Новгородъ отписки и зазывныя и управныя памяти“, т. е.—документы административнаго характера; 2) „столпъ садовъ“ содержалъ всего одну грамоту о Новгородскихъ „государевыхъ садахъ“.

Заголовки столповъ встрѣчаются сравнительно рѣдко. Гораздо чаще они замѣняются простымъ указаніемъ предмета, о которомъ идетъ рѣчь въ документахъ, собранныхъ въ извѣстномъ столпу. Напр., въ Новоторжской описи, 1700 г.: 1) *„столпъ о строеніи* въ Торжку внутри города новой приказной избы....“ (л. 9), 2) *„столпъ* о корабельныхъ деньгахъ“ (л. 11 об.), 3) *„столпъ о* тюремныхъ утеклецахъ“ (л. 15 об.) и т. п. Въ Новгородской описи, 178—9 г.г.: 1) *„столпикъ о* прикащикѣ о М. Прокофьевѣ, что велѣно ему быть....“ и проч. (с. 192), 2) *„столпъ о* Ив. Якушкинѣ....“ (с. 193) и т. п.

Иногда заголовкомъ столпа служило указаніе *года*, къ которому относились собранные въ немъ документы, напр. въ той же Новоторжской описи: *„столпъ 207 г.“*, содержавшій грамоты изъ Иноземскаго Приказа „о выборѣ изъ недорослей въ начальные люди“ и др. документы (л. 10); въ описи Денежнаго стола Новгородскаго архива, 1700 г.: „столпъ великаго государя грамотъ *205 г.*“ (л. 156) и т. п.

Но всего чаще столпы не носили никакихъ заголовковъ, и тогда употреблялось такое выраженіе: *„столпъ а въ немъ....“* такіе-то документы, напр. (въ Новоторжской описи): „столпъ, а въ немъ — съ отписей списки въ платежу стрѣлецкого хлѣба.....“ и проч. (л. 9); (въ Новгородской описи, 1700 г.): „столпъ, а въ немъ — великого государя грамоты о судныхъ дѣлѣхъ.....“ и проч. (л. 32).

Наконецъ, во многихъ случаяхъ не встрѣчаются даже послѣднія выраженія о столпахъ и описи часто умалчиваютъ о томъ, что извѣстныя группы документовъ были собраны въ столпы. Это особенно замѣчается въ описяхъ „судныхъ дѣлъ“. Каждое такое дѣло несом-

нѣнно состояло изъ нѣсколькихъ документовъ, достигавшихъ иногда до сотни и болѣе листковъ, всегда склеивавшихся въ „столпы". Но описи почти всегда умалчиваютъ объ этомъ и тогда называютъ такія группы судныхъ актовъ какими либо техническими судными терминами: „дѣло спорное", „дѣло судное" и т. п., напр. (въ Новгородской описи, 178—9 г.г.): 1) *„дѣло спорное* Михайловского *Сковородцкого* монастыря строителя старца Пахомія, хлѣбного стола съ подьячимъ съ Ив. Микитинымъ, о хлѣбной передачи" (с. 194); 2) *„дѣло убойственное* дер. *Лешина* крестьянина Мишки Иванова, что онъ зарѣзалъ дер. *Харамзина* крестьянина Сенку Яковлева" (с. 195); 3) *„дѣло Аркажского* монастыря *Новинскіе* слободы съ охотники, о пожни" (с. 196) и т. п. Во всей „переписи суднымъ дѣламъ" этого архива (с.с. 194—9) ни разу не встрѣчается названіе „столпа", а между тѣмъ очевидно, что всѣ болѣе или менѣе крупныя „дѣла" состояли изъ многихъ документовъ и были собраны въ „столпы". Тоже наблюдается и въ „росписи дѣламъ" Новоторжскаго архива, 1700 г. (л.л. 48—153), гдѣ только однажды встрѣтилось выраженіе: „столпъ, а въ немъ....." такіе-то документы (л. 73 об.).

Въ нѣкоторыхъ описяхъ опредѣленіе извѣстнаго „столпа" иногда соединяется съ опредѣленіемъ „книгъ", относящихся по содержанію къ документамъ, собраннымъ въ томъ „столпѣ". Это наблюдается, напр., въ Новоторжской описи, 1700 г.: *„столпъ* холопей *и книги* записные холопьи кабальные, 206 г." (л. 9 об.); „столпъ холопей и книги записные кабальные, 207 г." (л. 11); *„столпъ* явочнымъ челобитнымъ и тѣмъ челобитнымъ *записная книга*, 206 г." (л. 13), далѣе — такіе же 2 „столпа" съ „записными книгами", за 207 и 208 г.г. (ibid.).

3) *Описи „книгъ"*. Въ описяхъ разсматриваемаго времени „книги" описывались короче всѣхъ другихъ документовъ. Большею частію описи ограничиваются самыми общими и глухими заголовками книгъ и рѣдко возвышаются до болѣе или менѣе подробныхъ опредѣленій. Обыкновенно — описи книгъ состоятъ изъ указаній ихъ общаго заголовка и годовъ, къ которымъ относится составленіе книгъ. Напр.: *„книги* приходные и расходные неокладныхъ денежныхъ доходовъ,

206 и 307 и 208 годовъ“; „*книги* записные кабальные, 208 г.....; *книга* записная мировымъ челобитнымъ, 206 и 207 и 208 годовъ“ (1) и т. п. Такимъ образомъ, только 2-я книга описана самостоятельно, а въ 1-мъ и 3-мъ примѣрахъ находимъ соединеніе 3 книгъ въ одномъ опредѣленіи. Это—самое обычное явленіе въ описяхъ XVII в., гдѣ самостоятельная опись каждой книги является довольно рѣдкимъ исключеніемъ. Не смотря на свою краткость, приведенныя и т. п. описи книгъ должно признать удовлетворительными, такъ какъ онѣ точно передаютъ содержаніе документовъ. Для приказнаго люда XVII в. подобныя опредѣленія были вполнѣ понятны и достаточны. Главнымъ недостаткомъ ихъ слѣдуетъ признать то, что въ нихъ иногда отсутствуютъ хронологическія указанія. Но вообще эти важные пробѣлы рѣже замѣчаются въ описяхъ книгъ сравнительно съ описями другаго рода документовъ.

Иногда краткія описи книгъ переходятъ въ еще болѣе краткіе перечни цѣлаго собранія книгъ въ извѣстномъ архивѣ. Въ такихъ случаяхъ все собраніе книгъ перечисляется въ одномъ опредѣленіи, куда берутся самые общіе заголовки книгъ, съ такими же общими хронологическими указаніями. Напр.: въ описи *Сѣвскаго* архива, 207 г. (2), помѣщена краткая опись „списковъ съ писцовыхъ книгъ“, но обо всѣхъ остальныхъ книгахъ архива сказано въ слѣдующемъ глухомъ перечнѣ: „*книги прошлыхъ лѣтъ* и нынѣшнего 207 г. *приходные и росходные* великого государя денежные и соболиные и зелейные и свинцовые и фитильные казны, и полковыхъ припасовъ, и хлѣбныхъ запасовъ, и соли, и полковыхъ подъемныхъ лошедей, и (*книги записныя*) великого государя грамотамъ, и къ Москвѣ отпискамъ, и почтовымъ письмамъ (sic), и челобитчиковымъ всякимъ дѣламъ, и явочнымъ челобитнымъ“ (л. 633). Такимъ образомъ, здѣсь сгруппированы 2 рода книгъ—приходо-расходныя и записныя. Въ каждомъ изъ этихъ двухъ отдѣловъ существовало по нѣсколько видовъ книгъ. Наконецъ — книги каждаго вида касались цѣлаго ряда годовъ и, нужно полагать — довольно длиннаго ряда. По крайней мѣрѣ, опись

(1) «Разр. связка» 23, № 44, лл. 14 и 17 об.
(2) «Дѣла разн. город.» кн. № 89, лл. 632 об.—634.

писцовыхъ книгъ, предшествующая разсматриваемому перечню, начинается съ книги 154 г. (далѣе идутъ книги 157, 161 и слѣд. г.г.), что свидѣтельствуетъ о томъ, что въ Сѣвскомъ архивѣ хранились довольно старинные документы. Слѣдовательно, вышеприведенный перечень приходо-расходныхъ и записныхъ книгъ говоритъ о довольно значительномъ собраніи книгъ — въ нѣсколько десятковъ. Въ этомъ же утверждаетъ и слѣдующее любопытное замѣчаніе составителя описи, помѣщенное непосредственно послѣ перечня: „*а порознь не росписано* (т. е. — книги не описаны) для того, *что ихъ многое число*" (л. 633)..... Съ такимъ наивнымъ и простодушнымъ объясненіемъ не приходилось встрѣчаться въ другихъ описяхъ того времени.

Но кромѣ перечней и краткихъ описей, встрѣчаются и довольно подробныя описи книгъ, дающія болѣе обстоятельное понятіе о документахъ. Напр.: „137 и 138 г. *книги платежныя* изъ Ямского Приказу, за приписью дьяка Ѳ. Опраксина, живущимъ четямъ Луховского уѣзду вотчиннымъ и помѣснымъ землямъ" (1). Въ краткой описи этихъ книгъ было бы сказано только слѣдующее: „137 и 138 г. книги платежныя," — а все остальное, точнѣе опредѣляющее содержаніе книгъ, было бы выброшено.

Въ подробныхъ описяхъ, также какъ и въ краткихъ большею частію соединяются въ одномъ опредѣленіи по нѣсколько однородныхъ книгъ. Напр.: „*книги* приходныя и росходныя деньгамъ, и хлѣбу, и зелью, и свинцу, и ядрамъ, 149 г. и 150 г. и нынѣшнево 151 г., за Омельяновою рукою Бутурлина (воеводы); *книги* роздаточныя государеву денежному годовому жалованью, 150 и 151 г., Усердскихъ дѣтей боярскихъ, станичниковъ и козаковъ и черкасъ и стрѣльцовъ и пушкорей, за Омельяновою рукою и за Розряднова Приказу подьячева Ив. Власьева рукою" (2) и т. п. Въ первомъ опредѣленіи соединены 3 книги (за 3 года), во второмъ — 2 книги. Если же подобное опредѣленіе касается одной книги, тогда оно становится еще болѣе подробнымъ, напр.: „*книги строельные*, какъ по государеву

---

(1) «Разр. вязка» 1, № 37, л. 33 об.

(2) Бѣлогород. ст. кн. № 6, л. 293 об.

указу и по грамотѣ велѣно отдѣлить Усердскимъ дѣтемъ боярскимъ луга, и сколько луговъ, и какъ стрѣльцамъ дано по полудесятинѣ земли изъ животинного выгону, за Омельяновою рукою“ (л. 294). Такимъ образомъ, въ этомъ обстоятельномъ опредѣленіи передана вся сущность содержанія книги. Впрочемъ, здѣсь наблюдается нѣкоторая неравномѣрность въ опредѣленіи: относительно стрѣльцовъ замѣчено — сколько именно каждому изъ нихъ дано земли, а для боярскихъ дѣтей не сдѣлано такого точнаго указанія. Не объясняется-ли это тѣмъ, что боярскіе дѣти получили луга въ общее пользованіе, а не каждый отдѣльно?—Во всякомъ случаѣ, эта неясность является довольно крупнымъ недостаткомъ разсматриваемаго опредѣленія. Такимъ же недостаткомъ слѣдуетъ признать и отсутствіе указанія на время составленія книги.

Разсматривая разнаго рода архивныя описи XVII в. какъ со стороны ихъ общаго порядка и расположенія, такъ и со стороны содержанія, слѣдуетъ придти къ заключенію, что дѣло составленія описей значительно развилось въ это время. Доказательствомъ развитія служитъ и то обстоятельство, что въ это же время начинаютъ появляться въ нѣкоторыхъ архивныхъ описяхъ и *зачатки описанія* документовъ, т. е. болѣе подробныя сравнительно съ описями опредѣленія какъ содержанія документовъ, такъ и внѣшней ихъ стороны. Хотя эти зачатки описанія встрѣчаются очень рѣдко и носятъ характеръ случайности и отрывочности, тѣмъ не менѣе они заслуживаютъ вниманія.

Встрѣчающіяся въ XVII в. описанія документовъ касаются исключительно однихъ „грамотъ“ и, преимущественно, *„указныхъ грамотъ“*, т. е.—документовъ первостепенной важности, носившихъ характеръ дополненій и поясненій къ закону. Такою важностію ихъ объясняется, конечно, внимательное отношеніе къ нимъ описей XVII в., замѣченное и выше — въ обозрѣніи описей, и особенно ярко обнаруживающееся въ описаніяхъ. Существеннымъ признакомъ въ описаніяхъ грамотъ является болѣе подробное изложеніе содержанія и нерѣдко въ подлинныхъ выраженіяхъ описываемаго документа. Затѣмъ, всегда опредѣляется источникъ происхожденія грамоты, т. е. указывается Приказъ, откуда она вышла и приводится имя дьяка, „за приписью“ кого

выпущена грамота. Хронологическія данныя всегда приводятся въ описаніи и, притомъ, самыя обстоятельныя: указывается годъ, мѣсяцъ и число. Иногда отмѣчается также время полученія грамоты въ извѣстномъ провинціальномъ учрежденіи. Нерѣдко также приводится имя воеводы, которому адресована грамота. Словомъ, такое описаніе документа передаетъ всю сущность его, такъ что вполнѣ можетъ замѣнить самый документъ. Въ описаніяхъ остаются неуказанными только второстепенныя стороны содержанія документовъ, т. е. — тѣ стороны, на которыя менѣе всего, или даже совсѣмъ не обращается вниманіе и въ самомъ документѣ. Растянутость изложенія, повторенія, внѣшняя формула передачи содержанія (титулъ и т. п.) и проч. — все это отбрасывается въ описаніи въ сторону и все вниманіе сосредоточивается на передачѣ сущности содержанія документа.

Примѣромъ такого описанія можетъ служить описаніе 2-хъ „указныхъ грамотъ“ и 1-й простой „грамоты“ въ *Сѣвской* описи, 207 г. (¹). Двѣ первыя грамоты помѣщены подъ однимъ общимъ заголовкомъ, именно: „великого государя *указные грамоты*, присланы въ Сѣвескъ въ 205 г., іюня въ 15 числѣ, за приписью дьяка Ѳед. Замятнина: *первая*—въ 205 г., ѳевраля въ 21 день, указалъ онъ, великій государь, въ которыхъ дѣлахъ всякихъ чиновъ людей бываютъ въ Приказѣхъ *суды и очные ставки—отставить*, а вмѣсто судовъ и очныхъ ставокъ, по челобитью всякихъ чиновъ людей въ обидахъ и въ разореньяхъ — чинить *розыскъ*. — *Другая* (указная грамота) — марта въ 16 день, указалъ онъ, великій государь, въ нынѣшнихъ розыскныхъ дѣлѣхъ хто всякихъ чиновъ людей на кого учнутъ ему, великому государю, бить челомъ въ какихъ обидахъ и въ разореньяхъ, принимать о томъ у *исцовъ челобитные за руками*, и по тѣмъ челобитнымъ *отвѣтчиковъ допрашивать въ Приказѣхъ передъ судьями*, и *къ допросу* исцу и отвѣтчику въ тожъ время *приложить руки*, и собрать по отвѣтчикѣ *поручную запись*“.

Далѣе идетъ описаніе „грамоты“ изъ Разряда, служащей дополненіемъ къ первой „указной грамотѣ“: „да въ нынѣшнемъ во

(¹) «Дѣла разн. город.» кн. № 89, л. 632 об.

207 г., октября въ 26 числѣ, прислана великого государя грамота изъ Розряду, за приписью дьяка Ѳед. Замятнина: августа въ 20 день прошлого 206 г., указалъ онъ, великій государь, по суднымъ дѣламъ чинить *розыскъ* съ того его, великого государя, указу, каковъ состоялся въ 205 г., ѳевраля въ 21 числѣ, а не съ того, какъ въ Сѣвскъ его великого государя грамота прислана" (л. 634).

Описанія грамотъ въ *Новгородской* описи, 1700 г. (¹), хотя изложены короче предъидущихъ примѣровъ, но передаютъ всю сущность содержанія документовъ. Именно: „великого государя *грамота* прислана въ Великій Новгородъ въ 171 г., іюня въ 21 день, къ боярину и воеводѣ ко кн. И. Б. Репнину: велѣно *мѣдные деньги отставить* и торговать по прежнему *серебряными*; а та великого государя грамота за приписью дьяка Андрея Немирова. — Великого государя *грамота*, за приписью дьяка В. Бобинина, прислана въ Великій Новгородъ во 183 г., апрѣля въ 15 день, къ стольнику и воеводѣ ко кн. М. А. Черкасскому, чтобъ дворяне и дѣти боярскіе и всякихъ чиновъ люди пріѣзжимъ изъ-за Свейского рубежа *иноземцомъ хлѣбныхъ запасовъ не продавали и* за рубежъ, въ Свейскую сторону *не провозили*. — Великого государя *грамота новоуказная*, прислана въ Великій Новгородъ въ прошломъ въ 209 г., генваря въ 17 день, изъ Новгородцкого Приказу, за приписью дьяка И. Волкова, къ ближнему боярину и воеводѣ ко кн. Б. И. Прозоровскому, а велѣно по той великого государя грамотѣ — *исцу и отвѣтчику къ суду ставитца въ 30 день*" (л.л. 33—34). — Далѣе идетъ такое же подробное описаніе еще нѣсколькихъ грамотъ (л.л. 34—37).

Укажу еще нѣсколько подробныхъ описаній грамотъ въ нѣкоторыхъ архивахъ. Такъ, въ *Бѣжецкой* описи, 190 г., встрѣчаются описанія 3-хъ „указныхъ грамотъ", присланныхъ изъ Приказовъ — Разбойнаго (о передачѣ „губныхъ дѣлъ" въ вѣдѣніе воеводъ), Холопья Суда и Большой Казны (²). Такія же описанія грамотъ см. въ *Новгородской* описи, 178—9 гг. (³) и проч. Недостаткомъ Нов-

(¹) Новгород. ст. кн. № 71, л. 32 и слѣд.
(²) «Дѣла разн. город.» кн. № 20, лл. 510—11.
(³) «Ак. Юр.» 11, № 139, 11, сс. 188—193.

городскихъ описаній является полное отсутствіе хронологическихъ указаній. Кромѣ того, эти описанія отличаются тѣмъ, что они иногда соединяются съ опредѣленіемъ другихъ документовъ, связанныхъ съ извѣстною грамотою. Такъ, въ „столпѣ о Ив. Якушкинѣ" (с. 193) помѣщены описанія 2-хъ грамотъ: описаніе 1-й грамоты соединено съ описью „памяти", явившейся результатомъ грамоты; въ описаніе 2-й грамоты включены описи 2-хъ „памятей" и, кромѣ того, перечислены 3 документа по тому же дѣлу („отписка", „сыскъ" и „перечневая выписка"). Вообще, эти описанія не изъ лучшихъ.

Какъ видно изъ приведенныхъ примѣровъ описаніе передаетъ содержаніе грамотъ преимущественно подлинными выраженіями документа. Въ нѣкоторыхъ описаніяхъ это обстоятельство прямо указывается, напр.: „великого государя грамота, прислана въ прошломъ во 170-мъ году, августа въ 1 день, въ Великій Новгородъ, къ боярину и воеводамъ ко кн. И. Б. Репнину съ товарищи, *а въ той* великого государя *грамотѣ написано:* пожаловалъ великій государь Великого Новгорода посадцкихъ людей, за ихъ службу и радѣніе и для хлѣбные скудости — даточныхъ людей съ нихъ (*не иматъ?*) и ни въ какіе служилые посылки *посылать ихъ не велѣно*, опричь подводъ" ([1]). Выраженіе „написано" — прямо говоритъ, что содержаніе этой грамоты передано въ буквальной выпискѣ изъ текста.

Самое подробное описаніе пришлось встрѣтить въ *Кіевской* описи, 203 г. ([2]). Всѣ грамоты этого архива изложены или въ краткихъ, или въ болѣе или менѣе подробныхъ описяхъ, и только для одной грамоты сдѣлано очень подробное описаніе. Собственно говоря — это даже и не описаніе, а полная *выписка* грамоты, за исключеніемъ титула государей (грамота 201 г.) и нѣкоторыхъ другихъ второстепенныхъ частей документа. Эта грамота, сообщавшая новыя постановленія *Боярской Думы* о *„гонцахъ"* (л.л. 18 — 20), примыкала къ такъ называемымъ „новоуказнымъ статьямъ", т. е. имѣла характеръ новаго закона и, благодаря именно этой новизнѣ своей, попала въ

([1]) Новгород. ст. кн. № 71, л. 32.
([2]) Кіев. ст. кн. № 50, л. 12 об.

архивную опись. Въ концѣ выписки изъ грамоты замѣчено, что *„въ росписномъ списку* съ новыми воеводы *написать* тое *грамоту велѣно имянно*“ (л. 20). Грамота помѣщена въ архивной описи Кіевскаго „росписнаго списка“ 203 г.—Въ виду очень интереснаго содержанія этой грамоты помѣщаю ее въ *приложеніи VI.*

Вторая существенная часть подробныхъ описаній — *описаніе внѣшней стороны* документовъ, крайне рѣдко встрѣчается въ разсматриваемое время. Мнѣ извѣстенъ только одинъ подобный случай начала XVIII в., именно—въ описи грамотъ, помѣщенной въ „росписномъ спискѣ“ *Ахтырскаго* полка, 1704 г. ([1]). Въ этой описи полковаго архива очень подробно описаны съ внѣшней стороны 2 грамоты (и отчасти третья), тогда какъ содержаніе ихъ передано очень кратко и глухо. Внѣшнее описаніе подробно говоритъ о *бумагѣ* документа, о способѣ *начертанія* буквъ, объ *украшеніяхъ*, о *печати* и проч. Во главѣ грамотъ стоитъ такой заголовокъ: „великаго государя *жалованныя грамоты*“ (л. 111). Первая грамота—177 г., изъ Разряда, поставленная въ описи подъ буквою *а*, съ внѣшней стороны описана очень мало: упомянуто только, что грамота писана „за охворчастою *печатью*“ (ib.). Подробно же описана внѣшность собственно двухъ слѣдующихъ грамотъ, именно:

1) Подъ буквою *в*—„1700-го году, изъ Розряду, о компанѣи и о всякой лготѣ, на *Александрейской бумагѣ, маринесы* писаны *золотомъ* и *серебромъ*, съ розными красками и цвѣтами, и *титла* великого государя писана *золотомъ*, а въ серединѣ (т. е. — весь *текстъ?*) *черниломъ* писана, за охворчастою вислою *печатью*, печать въ *ящику серебреномъ* золоченомъ гладкомъ, отъ ящика *шнурокъ* золотой пополамъ зъ серебрянымъ, на томъ шнуркѣ *кустодія* зъ кистями золотыми“ (л. 111 об.).

2) Вторая грамота подъ буквою *г* — „1702-го году, изъ Розряду жъ, на полковничество Данилу Перехрестову, на *пергаменѣ* ([2]), маринесы писаны золотомъ и серебромъ, съ розными красками и цвѣ-

---

([1]) «Дѣла равн. город.» кн. № 91, л. 111.
([2]) Курсивомъ обозначаю измѣненія и дополненія противъ 1-й грамоты.

тами, и титла великого государя писана золотомъ, а въ серединѣ черниломъ писана, за охворчастою вислою *большою Маестатовою* (¹) печатью, печать въ ящику серебреномъ золоченомъ *чеканеномъ*, отъ ящика шнурокъ золотой, *въ трохъ мѣстахъ женчюгомъ саженый*, на томъ шнуркѣ кустодія, зъ кистями золотыми жъ" (л. 111 об.—112).

Четвертая грамота—203 г., изъ Приказа Великія Россіи, не имѣетъ внѣшняго описанія; содержаніе же ея передано подробнѣе предъидущихъ грамотъ (л. 112). Опись Ахтырскаго полковаго архива оканчивается перечнемъ 3 рубрикъ, на которыя были разбиты остальные документы архива (л. 112 об.). Такимъ образомъ очевидно, что старательное описаніе документовъ перваго отдѣла этого архива — „жалованныхъ грамотъ", объясняется именно особенною важностію этихъ документовъ.

Другихъ описаній документовъ съ внѣшней стороны не знаю. Вообще, очевидно, что эта сторона документовъ не обращала на себя вниманіе составителей архивныхъ описей. Но все же изрѣдка попадаются въ нихъ *отмѣтки о внѣшнемъ состояніи* документовъ, носящія случайный и отрывочный характеръ. Они касаются исключительно только одннхъ книгъ. Болѣе всего попадаются отмѣтки о *переплетѣ* книгъ, напр. въ *Курской* описи, 207 г.: „списокъ съ новоуказныхъ статей, *въ переплетѣ*, за приписью дьяка Ѳед. Еоимьева" (²). Чаще всего упоминаются въ переплетѣ именно „новоуказныя статьи". Такъ, въ *Сѣвскомъ* архивѣ, 207 г. (³), „новоуказныя статьи" были переплетены въ одну книгу съ „*Уложеніемъ*": „книга Уложенья печатная, съ нею *вмѣстѣ въ переплетѣ* новоуказные статьи о татиныхъ и о розбойныхъ дѣлѣхъ, писменые; *ветха* и *вся избилась*" (л. 632 об.). Въ этомъ же архивѣ хранилось еще 7 „списковъ съ писцовыхъ переписныхъ книгъ, *въ переплетѣ*" (ib).

Иногда прямо опредѣляется—какой именно переплетъ былъ сдѣланъ для извѣстныхъ книгъ. Напр., въ *Новгородской* описи, 1700 г.,

---

(¹) Т. е.—его величества, государева печать (maestas).
(²) «Дѣла разн. город.» кн. № 89, л. 40 об.
(³) Ibid., л. 632 об.

въ отдѣлѣ „отказныхъ“ и т. п. книгъ: „книга *въ доскахъ*“, за 186—197 г.; „книга отдѣльная, *въ доскахъ*“, за 193—204 гг. (1).

Вообще, переплетъ книгъ не былъ рѣдкостію въ то время и, если свѣдѣнія о немъ рѣдки въ архивныхъ описяхъ, то они попадаются въ другихъ источникахъ. Напр., въ расходной книгѣ, помѣщенной въ „смѣтной книгѣ“ *Кіева*, 189 г., встрѣчаемъ между прочимъ такую запись расхода: „кіевскому жителю *переплетчику*, за работу отъ *переплетки* приходныхъ и росходныхъ книгъ и счетныхъ списковъ денежные и соболиные и всякіе казны и хлѣбныхъ запасовъ и соли, и за *козлины*, что взяты у него тѣхъ книгъ *на покрышку*—рубль 12 алтынъ“ (2).

Кромѣ отмѣтокъ о переплетѣ, въ архивныхъ описяхъ встрѣчаются отмѣтки и о другихъ внѣшнихъ сторонахъ документовъ. Такъ, выше приведена отмѣтка Сѣвской описи о *ветхости* „новоуказныхъ статей“. Въ *Великолуцкой* описи, 189 г., приведены подробныя отмѣтки о нѣкоторыхъ книгахъ: точно опредѣленъ *родъ переплета*, указана *ветхость* книгъ и *отсутствіе* въ нихъ нѣкоторыхъ статей. Именно, объ одномъ „спискѣ съ писцовой книги“ замѣчено, что эта книга—„*въ кожѣ*, съ стороны *порозодралась* и *началу* и *предисловія нѣтъ*“ (3). О другой книгѣ—„записной книгѣ“ литовскихъ „выходцовъ“—замѣчено, что и въ ней нѣтъ „*предисловія* и *начала*“ (л. 316).

Отмѣтки о *форматѣ* книгъ встрѣчаются очень рѣдко. Напр., въ *Новгородской* описи, 1700 г.: „книги отказные: книга *въ полдесть*“, за 122—9 гг.; „книга *въ полдесть*“ за 135—44 гг. (4).

Нумерація отдѣльныхъ документовъ или группъ ихъ не употреблялась въ провинціальныхъ архивахъ XVII в. По крайней мѣрѣ, во всѣхъ разсмотрѣнныхъ мною описяхъ не приходилось встрѣчать этой нумераціи, за исключеніемъ единственнаго вышеупомянутаго примѣра—въ описи *Ахтырскаго* полковаго архива, 1704 г. (5). Здѣсь

---

(1) Новгород. ст. кн. № 71, л. 406 об.

(2) Кіев. ст. кн. № 3, л. 151.

(3) «Дѣла разн. город.» кн. № 45, л. 313.

(4) Новгород. ст. кн. № 71, л 405 об.

(5) «Дѣла разн. гор.» кн. № 91, лл. 111—12.

первыя три жалованныя грамоты, подробно описанныя съ внѣшней стороны (см. выше), помѣщены въ описи подъ первыми тремя *славянскими цыфрами,* т. е. — подъ буквами *а, в* и *г* (л. 111). Другихъ подобныхъ примѣровъ не приходилось встрѣчать въ провинціальныхъ архивахъ. Между тѣмъ, въ столичныхъ архивахъ XVII в. нумерація документовъ уже употреблялась. Такъ, въ „описи столбцамъ Патріаршаго Разряда", 1697 г., „столпы" были обозначены №№-ми (1). Даже раньше — въ XVI в. встрѣчаемъ нумерацію документовъ въ столичныхъ архивахъ, именно: „опись царскаго архива", 1575—84 гг., говоритъ о дѣленіи описаннаго здѣсь собранія документовъ на 231 „*ящикъ*", причемъ всѣ ящики были обозначены №№-ми (2).

Кромѣ документовъ, въ архивныхъ описяхъ XVII в. нерѣдко описывались и *печатныя книги,* именно — законодательныя книги, служившія руководствомъ для административно-судебныхъ учрежденій того времени. Во главѣ почти каждой описи стоитъ обыкновенно „*Уложеніе*" или „Уложенная книга" Алексѣя Михайловича. Напр. — въ *Бѣжецкой* описи, 196 г.: „въ съѣзжей избѣ на столѣ книга *Соборное уложеніе,* печатная" (3) и т. п. Иногда дѣлаются отмѣтки о внѣшнемъ состояніи Уложенныхъ книгъ. Такъ, въ *Великолуцкой* описи, 193 г., замѣчено, что книга „Соборное Уложеніе" — „*побита* по краямъ *издавна*" (4). Въ описи 194 г. замѣчено объ этой книгѣ, что она „вновь *въ переплетъ* положена при стольникѣ и воеводѣ при кн. Е. В. Мещерскомъ" (5).

Кромѣ Уложенія, встрѣчаются и другія книги, напр.—въ *Вольновской* описи, 164 г.: „въ съѣзжей избѣ *2 книги:* государево Соборное Уложенье, книга печатная, да (другая) книга печатная — *по чему* Вольновскихъ всякихъ чиновъ служилыхъ людей *приводятъ къ* Евангельской *заповѣди*", т. е. — книга крестоприводная (6).

---

(1) «Ак. Ист.» V, № 263.
(2) «А. А. Эксп.» 1, № 289.
(3) «Дѣла разн. гор.» кн. № 20, л. 628.
(4) Ibid. кн. № 45, л. 585 об.
(5) Ibid., л. 717 об.
(6) Бѣлогор. ст. кн. № 34, л. 169.

Изрѣдка встрѣчаются, наконецъ, *печатныя „грамоты“*. Напр., въ *Каменовской* описи, 193 г.: „.....печатная *Чиновная* книга, да *государева печатная грамота*, за красною вислою *печатью*“ ([1]). Къ сожалѣнію, содержаніе этой грамоты не опредѣлено, но, вѣроятно, она принадлежала къ числу такъ называемыхъ „указныхъ грамотъ“. По крайней мѣрѣ слѣдующіе за нею документы говорятъ именно о „новоуказныхъ статьяхъ“: „......да государева жъ грамота, что прислана о указныхъ статьяхъ, да указные статьи о таможенномъ и кружечномъ дѣлѣ“ (ibid). Очевидно, что это были письменные документы, иначе непремѣнно былъ бы приведенъ эпитетъ—„печатная“ грамота и проч.

Подведемъ *итоги* всему сказанному *о провинціальныхъ архивахъ XVII в.*:

1) *Управленіе архивами* въ XVII в. было слабо организовано. Надзоръ былъ раздѣленъ между многими лицами (*дьяками* и *подьячими*), наблюденіе коихъ за архивами не составляло главной ихъ обязанности (послѣдняя заключалась собственно въ письмоводствѣ). И хотя во главѣ ихъ стояло одно лице (*воевода*, иногда съ „товарищами“), но оно имѣло такія многосложныя обязанности по управленію городомъ и уѣздомъ, что архивамъ могло отдавать ничтожную долю своего времени и вниманія. Какъ въ провинціи, такъ и въ самой столицѣ, гдѣ были сосредоточены центральные архивы, мы не замѣчаемъ даже намековъ на то, чтобы въ это время зарождалась мысль о необходимости поручать управленіе архивами особымъ лицамъ, спеціалистамъ этого дѣла. Вездѣ во главѣ архивовъ стоятъ „приказные люди“, или же другія лица, не имѣвшія прямаго отношенія къ архивному дѣлу. Это явленіе вполнѣ понятно: вѣдь даже въ наше время мысль о спеціалистахъ архивнаго дѣла едва пробивается наружу среди безразличныхъ и даже прямо невѣжественныхъ взглядовъ на это дѣло. Если нашимъ архивамъ приходится страдать отъ подобнаго отношенія къ нимъ, то XVII вѣку и подавно простительно, что въ

([1]) «Дѣла разп. гор.» кн. № 80, л. 136 об.

немъ слабо обнаруживалось сознаніе важности архивовъ и необходимости болѣе внимательнаго отношенія къ нимъ. Но зачатки такого отношенія къ архивамъ пробиваются и въ XVII в.: доказательствомъ этого служитъ, напр., довольно удовлетворительно поставленное дѣло внутренней и внѣшней *охраны* архивовъ. Другія доказательства этой мысли увидимъ ниже.

2) *Помѣщенія архивовъ* XVII вѣка не удовлетворяли своей задачѣ. Въ это время мы не видимъ даже зародыша мысли о необходимости для архивовъ особыхъ помѣщеній, совершенно выдѣленныхъ отъ другихъ помѣщеній извѣстнаго учрежденія, приспособленныхъ для храненія документовъ и вполнѣ безопасныхъ отъ огня. Архивы помѣщались тогда *совмѣстно съ канцеляріями и присутствіями* приказныхъ учрежденій, гдѣ страдали какъ отъ тѣсноты помѣщеній, такъ и отъ сосѣдства съ людьми. Только самая крайняя тѣснота и разные чрезвычайные случаи заставляли искать для архивовъ другихъ помѣщеній — *въ казенныхъ анбарахъ, житницахъ* и т. п. зданіяхъ, гдѣ вмѣстѣ съ документами хранились разные казенные припасы. Такимъ образомъ и здѣсь архивы не были безопасны отъ разныхъ случайностей, гибельно отзывавшихся на цѣлости документовъ. Какъ здѣсь, такъ и въ приказныхъ зданіяхъ главными врагами архивовъ являлись *пожары*—губительные особенно потому, что каменныя зданія въ то время были еще довольно рѣдки.

Вообще, судя по архивнымъ помѣщеніямъ, можно сказать, что XVII в. мало дорожилъ своими архивными богатствами и довольно равнодушно смотрѣлъ, какъ они гибли вслѣдствіе крайне неудобныхъ условій ихъ помѣщеній. Если иногда замѣчается заботливость о лучшемъ помѣщеніи архивовъ, то нужно сознаться, что это бывало въ крайнихъ случаяхъ, когда безобразіе помѣщеній доходило до невозможныхъ предѣловъ.

3) Источники, съ которыми мнѣ пришлось имѣть дѣло, сообщаютъ очень скудныя данныя о *способахъ храненія* въ архивахъ разнообразныхъ *документовъ* XVII в. О постоянныхъ и общихъ приспособленіяхъ для храненія документовъ (полки и проч.) приходится дѣлать одни догадки. Положительныя же свѣдѣнія источники даютъ

только *о временныхъ и случайныхъ хранилищахъ* документовъ („коробьи“, „ящики“ и проч.), изъ которыхъ одни лишь *„коробьи“* можно признать довольно распространенными. Всѣ они довольно удовлетворительно служили своей задачѣ сохраненія документовъ.

Въ архивахъ исправно хранились собственно новѣйшія дѣла. *Старыя же дѣла,* хотя встрѣчаются во многихъ архивахъ, но въ небольшомъ количествѣ и не особенно большой давности лѣтъ. Старѣйшія дѣла встрѣчаются преимущественно въ архивахъ крупныхъ городовъ. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ хранились дѣла даже XVI вѣка (Новгородскій архивъ, 1700 г.). Очевидно, что кромѣ простой потери документовъ, значительную часть старыхъ дѣлъ постигала печальная участь *уничтоженія,* которое практиковалось повидимому въ обширныхъ размѣрахъ. Количество документовъ умалялось и по той причинѣ, что часть дѣлъ *передавалась* въ архивы московскихъ приказовъ и въ архивы приказныхъ учрежденій центральныхъ провинціальныхъ городовъ. Временная *выдача* документовъ (исключительно приказнымъ людямъ) производилась правильно: записывались выданные документы и имена лицъ, взявшихъ ихъ.

Кромѣ послѣдняго, нѣтъ другихъ фактовъ, которые свидѣтельствовали бы, что вопросъ о способахъ храненія документовъ не былъ чуждъ лицамъ, завѣдывавшимъ въ то время архивами. Надъ этимъ вопросомъ не задумывались и хранили документы такъ, какъ позволяли обстоятельства и условія архивныхъ помѣщеній.

4) Что касается составленія *архивныхъ описей* въ XVII в., то оказывается, что оно было самымъ *свѣтлымъ и положительнымъ явленіемъ* въ области архивнаго дѣла того времени. Правда, оно находилось тогда еще въ зародышномъ состояніи, но эти зародыши такъ основательно были поставлены, что обѣщали въ дальнѣйшемъ совершенно правильное развитіе. Составленіе описей было, очевидно, признано дѣломъ первостепенной важности, дѣломъ несомнѣнно полезнымъ и положительно необходимымъ. Одно уже это признаніе искупляетъ другіе грѣхи архивнаго дѣла въ XVII в. А что такое сознаніе дѣйствительно было въ то время, въ этомъ убѣждаетъ фактъ

существованія описей во всѣхъ тогдашнихъ архивахъ, за весьма рѣдкими и, очевидно, случайными исключеніями.

Архивныя описи, встрѣчающіяся какъ въ воеводскихъ книгахъ („смѣтныхъ книгахъ“ и „росписныхъ спискахъ“), такъ и въ видѣ самостоятельныхъ документовъ, составлялись дьяками и подьячими разныхъ приказныхъ учрежденій, подъ наблюденіемъ (или редакціей) воеводъ. Всѣ вообще описи можно подраздѣлить на *краткія* и *подробныя*. Первыя встрѣчаются сравнительно рѣдко и преимущественно — въ архивахъ маленькихъ центровъ. Характернымъ признакомъ краткихъ описей (которыя можно подраздѣлить на 3 вида) является преобладаніе краткихъ заголовковъ и количественныхъ указаній документовъ надъ опредѣленіями документовъ. Преобладаніе же опредѣленій представляетъ существенный признакъ подробныхъ описей.

Какъ краткія, такъ и подробныя описи въ большинствѣ случаевъ представляютъ зачатки *систематическихъ дѣленій* документовъ на извѣстные отдѣлы и группы. Полное отсутствіе какой бы то ни было системы встрѣчается такъ рѣдко, что на подобные случаи слѣдуетъ смотрѣть только какъ на исключенія. Это — очень характерная черта въ архивномъ дѣлѣ XVII в. Главныхъ системъ дѣленія документовъ — четыре: 1) дѣленіе по видамъ документовъ, встрѣчающееся довольно часто, 2) хронологическое дѣленіе — самое распространенное, 3) географическое дѣленіе — очень рѣдкое и 4) дѣленіе по содержанію — рѣдкое въ своемъ полномъ развитіи, но довольно часто встрѣчающееся въ зародышномъ состояніи. Всѣ вообще эти системы слабо выдерживаются въ описяхъ: вполнѣ цѣльныя и строго выдержанныя до конца системы — чрезвычайно рѣдки. Уклоненія отъ принятой системы и смѣшенія разныхъ системъ встрѣчаются сплошь и рядомъ. Впрочемъ, и въ этихъ случаяхъ всегда можно замѣтить преобладаніе какой либо одной системы. Такимъ образомъ, на систематическія описи XVII в. слѣдуетъ смотрѣть собственно какъ на *зачатки* систематизаціи документовъ.

Гораздо лучше было поставлено дѣло *опредѣленія* документовъ. Главные виды ихъ — „грамоты“ (и другіе отдѣльные документы), „столпы“ (какъ собранія отдѣльныхъ документовъ) и „книги“ — опи-

сывались болѣе или менѣе подробно и обстоятельно, причемъ — подробнѣе всѣхъ описывались „грамоты", а наиболѣе кратко — „книги". Описи „столповъ" интересны какъ первые и очень стройные зачатки систематизаціи документовъ.

Вообще, дѣло составленія описей велось довольно толково, такъ что архивныя описи могли удовлетворять своему назначенію. Признакомъ развитія этого дѣла слѣдуетъ признать также существованіе въ то время зачатковъ *описанія* документовъ, гдѣ существеннымъ признакомъ является болѣе подробное (сравнительно съ описями) изложеніе содержанія документовъ и большею частію — въ подлинныхъ выпискахъ изъ нихъ. Описанія встрѣчаются исключительно только для однихъ „грамотъ". Описанія внѣшней стороны „грамотъ" очень рѣдки. Но *отмѣтки о внѣшнемъ состояніи* документовъ (именно — „книгъ") встрѣчаются сравнительно чаще. *Нумерація* документовъ повидимому не употреблялась въ провинціальныхъ архивахъ XVII в.

Полагаю, что всѣ эти данныя довольно ясно и вѣрно рисуютъ положеніе провинціальныхъ архивовъ въ XVII в. Но повторяю, что на настоящій очеркъ слѣдуетъ смотрѣть только какъ на *опытъ* изученія исторіи архивнаго дѣла въ Россіи, не чуждый многихъ пробѣловъ и недостатковъ. Несомнѣнно, что только полная разработка многочисленныхъ матеріаловъ по данному вопросу, лежащихъ нетронутыми въ нашихъ архивахъ, можетъ восполнить тѣ пробѣлы, какіе замѣчаются въ моемъ опытѣ. Возможно также, что нѣкоторыя стороны моихъ выводовъ окажутся тогда поспѣшно сдѣланными и, потому, неправильными, но сущность ихъ врядъ-ли можетъ подвергнуться измѣненіямъ.

Въ заключеніе остановлюсь еще на одной сторонѣ *архивныхъ описей* XVII в. Являясь главнымъ матеріаломъ преимущественно для исторіи архивнаго дѣла въ Россіи, описи имѣютъ и другое первостепенное значеніе, именно — какъ *матеріалъ для исторіи* вообще, для исторіи быта, права и проч. Правда, сообщаемые ими факты носятъ характеръ случайныхъ и отрывочныхъ замѣтокъ, иногда очень

глухихъ и неполныхъ по содержанію. Но тѣмъ не менѣе, эти замѣтки имѣютъ большое значеніе, когда говорятъ о такихъ фактахъ, о которыхъ не сохранилось никакихъ другихъ данныхъ. Они не теряютъ своего значенія и въ тѣхъ случаяхъ, когда представляютъ новыя разъясненія и дополненія къ фактамъ общеизвѣстнымъ. Тѣ и другія замѣтки встрѣчаются преимущественно въ подробныхъ описяхъ и описаніяхъ документовъ. Примѣры такихъ замѣтокъ не разъ были приведены выше. Приведу еще нѣсколько, чтобы лучше судить объ этой важной сторонѣ архивныхъ описей XVII в.

Данныя о разныхъ *историческихъ* фактахъ большей или меньшей важности, встрѣчаются въ описяхъ сравнительно рѣдко, притомъ — они не всегда излагаются достаточно ясно. Напр., въ *Великолуцкой* описи, 193 г., находимъ опись такого документа: „191 г., генваря въ 20 день, грамота изъ Розряду, за приписью..., о заказѣ у кого объявятца *списки зъ грамотъ о смутномъ времени*, и тѣ списки *прислать* къ Москвѣ“ (1). О какомъ „смутномъ времени“ идетъ здѣсь рѣчь: о томъ-ли, что было въ началѣ XVII в., или о позднѣйшихъ смутахъ (напр. — при Софьѣ Алексѣевнѣ), или о мѣстныхъ Великолуцкихъ смутахъ?—это не ясно. Не ясно также—какая цѣль была у правительства, когда оно собирало эти документы. Во всякомъ случаѣ—здѣсь заключается намекъ на одно интересное распоряженіе правительства въ 191 г., намекъ, который можетъ быть разъясненъ другими данными.

Такою неясностію вообще отличаются описи документовъ съ политическимъ содержаніемъ. Такъ, въ *Кіевской* описи, 203 г. (2), нерѣдко встрѣчаются описи „извѣтовъ“, и всегда они излагаются очень туманно. Напр.: „извѣтъ“ стрѣльцовъ Ушакова полка на стрѣльца того же полка В. Петрова „*въ непристойныхъ словахъ*“, 199 г. (л. 14); „извѣтъ Кіевского жилого полку“ стрѣльца Пронки Тиханова на стрѣльца того же полка А. Васильева, „что онъ, Андрюшка, въ *Орлѣ-городкѣ*, *къ шатостямъ* говорилъ *непристойныя слова*.....“,

(1) «Дѣла разн. гор.» кн. № 45, л. 589.

(2) Кіев. ст. кн. № 50, л. 12 об.

200 г. (л. 15). Часто встрѣчающіеся въ этой описи „извѣты“, распространенные преимущественно между ратными людьми, свидѣтельствуютъ о какомъ то неспокойномъ состояніи духа въ Кіевскихъ войскахъ того времени.

Но эта же Кіевская опись говоритъ яснѣе и опредѣленнѣе, когда касается фактовъ меньшей важности. Такъ, въ числѣ грамотъ, присланныхъ къ стольнику и воеводѣ кн. Л. Ѳ. Долгорукову, значится между прочимъ грамота, полученная „въ 200 г., іюня въ 10 день: преосвященному *Варлааму*, митрополиту Кіевскому, велѣно *вѣдать Выдубецкой монастырь*“ (л. 14 об.). Это — интересный фактъ и для исторіи монастыря, и для исторіи Кіевской митрополіи.

Въ *Новоторжской* описи, 1700 г. ([1]), описано нѣсколько документовъ, относящихся къ исторіи *стрѣлецкихъ смутъ* начала Петровскаго царствованія. Напр.: „грамота великаго государя“ изъ Разряда о высылкѣ Новоторжскихъ „помѣщиковъ и вотчинниковъ“ въ „большой полкъ“ боярина и воеводы *А. С. Шеина* подъ Москву, „по *Волоцкой* дорогѣ, на рч. на *Ходынкѣ, противъ Московскихъ стрѣльцовъ*, что они идутъ изъ указныхъ мѣстъ къ Москвѣ, и великого государя указу учинились ослушны.....“ Подъ тою грамотою помѣщены: „отписки“ въ Новгородъ (вѣроятно—по этому же дѣлу); „доѣзды“ подьячихъ и другихъ служилыхъ людей о высылкѣ къ Москвѣ вышеуказанныхъ ратныхъ людей; грамота изъ Разряда о томъ, чтобы не высылать къ Москвѣ тѣхъ ратныхъ, которые еще не высланы изъ Торжка; „черная отписка“ въ Разрядъ и проч. (л. 11). Ниже приведена еще группа документовъ по тому же дѣлу: „великого государя грамоты изъ разныхъ приказовъ и великого государя указъ изъ большого полку *исъ-подъ Воскресенского*, отъ боярина и воеводы отъ А. С. Шеина съ товарищи“ и др. документы объ отправленіи въ Торжокъ *„ссылочныхъ московскихъ стрѣльцовъ“* и о строеніи для нихъ *„новой тюрьмы“*, на „старомъ тюремномъ мѣстѣ“ (л. 14 об.).

Кромѣ описей съ историческими данными, цѣнны и тѣ описи, гдѣ

([1]) «Разр. вязка» 23, № 44.

встрѣчаются разнаго рода *географическія* свѣдѣнія. Напр., въ той же Новоторжской описи, 1700 г.: 1) 2 грамоты изъ Приказа Большаго Дворца и грамота изъ Разряда, 206 г., о посылкѣ изъ Торжка стрѣльцовъ къ „*межевщику*“ Н. С. Данилову, „для разсылки“ ихъ по „межевому земляному дѣлу“, производившемуся въ *Новгородскомъ* у., въ дворцовой *Сеченской* волости, въ *Никольскомъ Заборовскомъ* погостѣ (л. 10). Кромѣ указанія географическихъ названій, здѣсь важно свѣдѣніе о самомъ фактѣ межеванія. 2) „Грамота великого государя исъ Помѣсного Приказу, за приписью дьяка И. Козлова, по челобитью И. Я. сына Шишкова, отца ево Иванова Якова Шишкова помѣстье — треть его жеребья въ дер. *Утролеси*, зъ деревнями и съ пустошми, объ *отказѣ* ему И. Шишкову *въ помѣстье*“ (л. 24).

Названія селъ и другихъ уѣздныхъ населенныхъ пунктовъ вообще очень часто встрѣчаются въ архивныхъ описяхъ, напр. — въ *Бѣжецкой* описи, 185 г.: „челобитье Мины Лаптева, села *Кощева* на дьячка на Сенку Андрѣева, въ безчестьѣ ево“ (1) и т. п. (см. л.л. 474, 476 и др.).

Особенно цѣнны географическія свѣдѣнія о *городахъ*. Напр., въ описи грамотъ *Воронежскаго* архива. 152 г. (2), въ числѣ грамотъ 151 г. упомянуты слѣдующія: 1) указная грамота изъ Разряда, „что велѣно воронежцомъ всякимъ служилымъ и жилецкимъ людемъ съ своимъ *продажнымъ хлѣбомъ* ѣхать въ *новые городы* — въ *Яблоновъ*, и на *Усердъ*, и на *Чюгуевъ*, и на *Хотмыжской*, и на *Вольной*“ (л. 317 об.). Это свѣдѣніе важно, съ одной стороны, потому, что даетъ приблизительное указаніе на время построенія перечисленныхъ городовъ, а съ другой стороны — говоритъ о разумномъ экономическомъ распоряженіи правительства для благоустройства тѣхъ городовъ. 2) Указная грамота изъ Стрѣлецкаго Приказа о посылкѣ изъ Воронежа стрѣльцовъ въ с. *Бѣлъ-Колодезь*, *Данковскаго* у., для поимки бѣглыхъ полковыхъ казаковъ (л. 321). Это свѣдѣніе также важно, потому что

(1) «Дѣла разн. город.» кн. № 20, л. 471.
(2) Ibid. кн. № 15, л. 307.

говоритъ о мѣстонахожденіи пункта, сдѣлавшагося въ концѣ XVII в. острогомъ и городкомъ ([1]).

Такую же цѣну имѣетъ опись одной грамоты въ *Вольновскомъ* архивѣ, 162 г., сообщающая о подчиненіи *Городнаго* острога (въ послѣдствіи—г. *Городной*?) г. Вольному. Именно, опись говоритъ, что „по государеву указу велѣно *къ Вольному вѣдать Городной острогъ*, а въ томъ острогѣ стоятъ служилые люди зъ розныхъ городовъ, а каковъ острогъ строеньемъ, и съ которыхъ городовъ въ немъ и по скольку человѣкъ исъ которого города стоятъ, и тому всему *книги*......“ ([2]).

Приведу еще слѣдующія интересныя географическія свѣдѣнія изъ *Новгородской* описи, 178—9 г.г. ([3]): 1) первое говоритъ о произведеніяхъ Новгородскихъ *„государевыхъ садовъ“*: „великого государя грамота, за приписью дьяка Як. Петелина, а велѣно въ государевыхъ Новгородцкихъ садѣхъ всякое *слвсье*, которое въ нынѣшнемъ во 178 г. родилось — *яблока, груши, дули, вишни*, строить въ бочки и налить патокою, а *сливы* осолить, а на покупку меду и соли и бочки велѣно имать изъ дворцовыхъ доходовъ“ (с. 192). Важно здѣсь указаніе на то, что во 2-й половинѣ XVII в. въ Новгородской области произрастали и дозрѣвали такіе плоды (груши и сливы), какіе не встрѣчаются теперь въ тамошнихъ садахъ. 2) Второе свѣдѣніе даетъ указаніе на появленіе *цыганъ* въ Новгородской области, во 2-й половинѣ XVII в.: „сказка подьячего И. Микитина въ непослушаньѣ Дворцового приказу на приставовъ, какъ ѣздили *для поимки цыгановъ*“ (ibid).

Богаты архивныя описи данными и по исторіи *права*. Вся совокупность разнаго рода документовъ, описанныхъ въ архивныхъ описяхъ, даетъ вѣрныя данныя для опредѣленія предметовъ вѣдомства какъ московскихъ центральныхъ Приказовъ (дѣлопроизводство большинства которыхъ совершенно исчезло), такъ и разныхъ провинці-

---

([1]) См. «Обозр. ист.—геогр. матер. XVII в.....» (въ «Опис. докум. и бум. Моск. А. М. Юст.», т. IV), сс. 221, 223, 225 и др.

([2]) Бѣло-род. ст. кн. № 34, л. 137.

([3]) «Ак. Юр.» 11, № 139, 11.

альныхъ административныхъ и судебныхъ учрежденій данныя для изученія ихъ дѣлопроизводства, для уясненія ихъ сношеній между собою и съ высшими центральными учрежденіями, вообще для опредѣленія размѣровъ и предѣловъ ихъ правъ и обязанностей. Для уясненія разныхъ вопросовъ по исторіи „суднаго дѣла“ въ Россіи чрезвычайно важны особенно архивныя „росписи суднымъ дѣламъ“. При сравнительно ничтожномъ количествѣ сохранившихся до нашего времени подлинныхъ судебныхъ дѣлъ и разныхъ судныхъ актовъ XVII в., одни только архивныя описи могутъ восполнить замѣчаемые пробѣлы въ этой области и могутъ разрѣшить массу набѣгающихъ недоразумѣній при изученіи исторіи русскаго права.

Многочисленные примѣры историко-юридическаго значенія архивныхъ описей встрѣчались на каждомъ шагу въ настоящемъ очеркѣ, такъ что считаю излишнимъ снова останавливаться здѣсь надъ ними.

Не менѣе цѣнны архивныя описи и какъ матеріалы для *бытовой* исторіи XVII в. Приведу нѣсколько подобныхъ замѣтокъ: 1) въ *Усердской* описи, 151 г.: „поручная запись по *черкашенинѣ* по Ивашкѣ Ермоловѣ въ томъ, *што дочь* своя Оксиница *выдать ему за рускова человѣка*, а за черкашенина не выдавать“ (¹). 2) Въ *Воронежской* описи, 152 г.: „государева указная грамота, что велѣно измѣнничи *черкаскіе жены и дѣти* отдать воронежцомъ разнымъ людемъ *въ работу на вѣки*“ (²). 3) Въ *Великолуцкой* описи, 193 г.: „191 г., іюня въ 21 день, грамота исъ Приказу Большіе Казны, за приписью....., а велѣно заказъ учинить, чтобъ всякихъ чиновъ торговые люди *воскресной день не торговали*“ (³). 4) Въ *Новгородской* описи, 1700 г.: грамота, 206 г., „о пропускѣ изъ-за моря иноземца Андрея Кревета вещей и потребъ къ *пилоуальной мельницѣ*, которую строятъ на *Москвѣ* рѣкѣ“ (⁴) и т. п. Особенно богаты бытовыми подробностями „росписи судныхъ дѣлъ“.

Приведенные примѣры наглядно показываютъ всю цѣнность архив-

---

(1) Бѣлогор. ст. кн. № 6, л. 294 об.

(2) «Дѣла разн. гор.» кн. № 15, л. 307 об.

(3) Ibid. кн. № 45, л. 589 об.

(4) Новгород. ст. кн. № 71, л. 161 об.

ныхъ описей, какъ матеріаловъ для изученія разныхъ сторонъ русской исторіи XVII в. Понятно, что этими матеріалами ни въ какомъ случаѣ нельзя пренебрегать, а напротивъ слѣдуетъ подвергать ихъ спеціальному изученію, которое всегда дастъ немаловажные плоды.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I. Описаніе Сѣвской приказной избы, 207 г. („Дѣла разн. город." кн. № 89, л.л. 631 об.—632).

„Приказная изба на подклѣтѣ, лѣсъ *дубовой*, построена во 185 г. *По мѣрѣ* стѣны по 4 сажени, крыта *тесомъ*, *окончины стекляные* (1). А противъ той приказной избы *изба* жъ *старая*, съ *комнатою*, что былъ прежней приказъ. Промежъ тѣхъ избъ *сѣни*, ветхи, у тѣхъ сѣней крыльцо и рундукъ розвалились.—Да въ прошломъ 204 г., по указу великого государя *и по розсмотрѣнью* окольничаго и воеводы кн. Петра Львова съ товарищи, придѣлано вновь къ той приказной избѣ *комната*, *сосновогo* лѣсу, *по мѣрѣ* 3 саж., да къ той же комнатѣ придѣланы *сѣни*, забраны въ столбы досками въ косякъ, да къ тѣмъ же сѣнямъ придѣлано крыльцо, и то все строенье крыто *тесомъ*. — А въ той комнатѣ *печь кавляная, зеленая*. — А въ тѣхъ въ старой и въ новой приказныхъ избахъ *иконы*: въ старой избѣ Спасовъ образъ, въ новой комнатѣ — на одной цкѣ Деісусъ, Спасовъ образъ, а посторонь образы: съ правой стороны—Пресв. Богородицы, архистратига Михайла, съ лѣвой стороны—Іоанна Предтечи, архангела Гаврила. Деісусъ напередъ сего былъ въ старой избѣ. — Въ старой избѣ у *воеводцкого мѣста*, гдѣ напередъ сего сидѣли судьи, *стѣна побита сукномъ* краснымъ, старымъ, которое и напе-

---

(1) «Стекляныя окончины» стоили въ то время не дешево. Такъ, въ «расходной книгѣ» г. *Усерди*, 150 г. (Бѣлогород. ст. кн. № 6, л. 25), «окончинамъ» показана слѣд. цѣна: «генваря въ 31 день куплено на воеводской дворъ, въ красное окно въ избѣ, большая *окончина—13 алтынъ 2 деньги* дано» (л. 31).

редъ сего было.—Да въ новой комнатѣ *у воеводцкого мѣста и гдѣ сидятъ товарыщи* (т. е.—„товарищи“ воеводъ), *стѣны обиты* и *столъ* покрытъ *шиптуховымъ* краснымъ *сукномъ.—Шанданъ* (т. е.—шандалъ) мѣдной, худой, тройной, которой ставятъ передъ воеводой.—А на *лавкахъ* два *тюшека* коженыхъ, ветхихъ, третей тюшакъ красной кормазинной, четвертый тюшакъ зеленого шиптухового сукна, подложенъ крашениною“.

II. Воеводская „отписка“ и „распросныя рѣчи“ о пожарѣ Новгородской съѣзжей избы, 143 г. (Помѣстн. стола столбецъ № 35, лл. 11—21).

а) Воеводская „*отписка*“: „государю царю и великому князю Михаилу Өеодоровичу всеа Русіи холопи твои Ивашко Катыревъ-Ростовскій, Павликъ Волынской, Ивашко Сөөоновъ, Өедка Дружининъ челомъ бьютъ: декабря, государь, противъ 4 числа на послѣднемъ часу почи *загорѣлася*, государь, *съѣзжая задняя изба* и мы, государь, холопи твои прибѣжали къ съѣзжей избѣ и исъ *передніе* и исъ *середніе* избы и исъ *задней старой комнатки* твои государевы *всякіе дѣла* розныхъ столовъ велѣли *носити тотчасъ* вонъ, и что, государь, въ передней и въ середней избѣ и въ задней въ старой комнаткѣ твоихъ государевыхъ дѣлъ розрядныхъ и посольскихъ и четвертныхъ и помѣстныхъ и ямскихъ и губныхъ, прошлыхъ лѣтъ и нынѣшнего году, выносили, а все-ли, государь, исъ тѣхъ избъ выносили, или будетъ чево за *невѣды* (sic) не успѣли ухватить, и въ томъ, государь, вскорѣ *смѣтитца не успѣли.* А которые, государь, твои государевы посольскіе и розрядные и иные дѣла и твои государевы указные грамоты и прежніе наказы и нѣметцкіе ссылочные письма и столпы, прошлыхъ лѣтъ и нынѣшнего году, и росписные списки были въ задней избѣ, которая *сперва загорѣлася*, и исъ той, государь, (избы) *нельзя было вынести ничево*, что та изба загорѣлася *изнутри*, а въ избу огонь не пустилъ. А потому, государь, въ той избѣ тѣ дѣла были, что *посольской* и *розрядной столы* были въ той избѣ, да и для, государь, того столпы и иные дѣла въ тою

заднюю избу были *принесены*, что выбирали мы, холопи твои, по нынѣшнему твоему государеву указу изъ нихъ перебѣжитцкіе росписи и для иныхъ твоихъ государевыхъ розныхъ дѣлъ, которые для поспѣшенья были надобны, и тѣ, государь, перебѣжитцкіе и о задержанныхъ людехъ росписи *всѣ сгорѣли.* Да въ задней же, государь, избѣ, которая сперва загорѣлася, было у подьячево у Ивана Карпова твоихъ государевыхъ неокладныхъ розныхъ зборовъ денегъ 85 рублевъ, и тѣхъ, государь, послѣ пожару сыскано въ слиткахъ 9½ фунтовъ и 28 золотниковъ, зъ грязью. Да въ тѣ поры же, государь, у подьячево у Дружины Харитонова пропало исъ *коробьи* четвертныхъ денегъ, безвѣстно, 100 рублевъ, какъ въ пожаръ коробьи носили вонъ, *а носили*, государь, *коробьи и дѣла всякіе люди*, и про тѣ, государь, деньги мы, холопи твои, сыскиваемъ. А какимъ, государь, обычаемъ съѣзжая задняя изба загорѣлась, и про то, государь, мы, холопи твои, сторожей и подъячихъ и стрѣлецкихъ деньщиковъ роспрашивали и сыскивали, и что, государь, намъ холопемъ твоимъ въ роспросѣ и въ сыску сказали, и тѣ роспросные рѣчи послали мы, холопи твои, къ тебѣ, государь, подъ сею отпискою. А пушечной дворъ, государь, и *зелейную казну* и *дворцовую избу* и иные дворы, которые *блиско съѣзжей избы — уберегли.* А *сторожей*, государь, *избныхъ* и *розсыльщика* и *стрѣлецкихъ денщиковъ*, которые *тое ночи въ избѣ ночевали* и въ то время были, какъ та изба загорѣлась, роспрося, дали *за приставы*, до твоего государева указу, а чаемъ мы, холопи твои, что *загорѣлося отъ трубы*" (л.л. 11—13).

д) *„Распросныя рѣчи"*:

„*143 году*, декабря въ 4 день, воеводы кн. Ив. Мих-чъ Катыревъ-Ростовскій, да Пав. Ив-чъ Волынской, да дьяки Ив. Ѳоѳоновъ, да Ѳед. Дружининъ, роспрашивали съѣзжіе избы сторожей и подьячихъ и денщиковъ, которые тое ночи ночевали и въ то время были, какъ изба загорѣлась: какимъ обычаемъ изба загорѣлась?

И въ роспросѣ сторожъ *Лаврентейко* сказалъ: ночевали-де въ съѣзжей избѣ противъ четвертого числа сторожей—онъ, Лаврентейко, да Якушъ, да стрѣлецкихъ денщиковъ—Ивашко Помяловъ, да Исачко, да Мишка, да розсыльщикъ Мартемьянко Исаковъ, да подьячей Смир-

ной Сухлянской. А избы-де они *топили*: переднюю избу топилъ онъ Лаврентейко, въ 6 часу, а *заднюю избу, гдѣ сидѣли воеводы*, топилъ сторожъ Якушко въ томъ же часу, и какъ топили, и въ тѣ поры были тутъ подьячіе Ив. Карповъ да Конашко Даниловъ. И истопивъ они избы, *ночевали въ середней избѣ*, и ходили они въ ту заднюю избу оба за два часу до свѣта, и въ тѣ поры было все цѣло, и дыму не было, и оттолѣ вышли въ большую избу, а въ той задней избѣ никто не остался, а того утра въ передней и въ середней избѣ *сидѣли по своимъ столамъ подьячіе* Дружина Харитоновъ, Вас. Степановъ, Ондрей Васильевъ, Степ. Ерофѣевъ, Ив. Панѳиловъ, Смирной Сухлянской" (л. 14—15).

Остальныя „распросныя рѣчи" выписываю въ извлеченіи:

Сторожъ *Якушка* показалъ: топилъ онъ ту избу, гдѣ сидятъ воеводы, въ 6 часу ночи, когда тамъ было 2 подьячихъ, ушедшихъ затѣмъ домой. Ночевалъ онъ въ той же избѣ. За два часа до разсвѣта пришелъ Лаврентейко, ночевавшій въ передней избѣ, и они, осмотрѣвъ „тое избы" (т. е.—заднюю), вышли въ переднюю избу. „Немногое время спустя прибѣжалъ съ площади" стрѣлецъ Ивашко, ночевавшій передъ тѣмъ въ передней избѣ, и сказалъ, что изъ задней избы идетъ дымъ. Якушко побѣжалъ, отворилъ дверь—„и его изъ избы зашибло пламянемъ и въ избу не пустило". Отчего загорѣлось—не знаетъ. Въ задней избѣ подьячихъ утромъ не было (л. 15).

Стрѣлецъ *Ивашко Кузминъ*: избу топили въ 6 часу сторожа, а гдѣ ночевали они—не знаетъ, но только не съ ними—стрѣльцами, т. е.—не въ передней избѣ. „Въ послѣднемъ часу ночи" пошелъ *за рѣку*—купить рыбы, и *съ площади у пушечнаго двора* увидѣлъ дымъ, выходившій „въ углы и по щелямъ" задней избы. Онъ побѣжалъ назадъ и объявилъ товарищамъ. Всѣ бросились въ заднюю избу и видятъ: „*горитъ розрядной столъ*, гдѣ сидѣли (т. е.—въ часы занятій) подьячіе Ив. Карповъ съ товарищи". Затворивъ двери, побѣжали за водою. Отчего загорѣлось—не знаетъ. Когда загорѣлась задняя изба, въ передней и середней избахъ было 7 подьячихъ (л. 15—16).

Стрѣлецъ *Исачко* ничего не показалъ, потому что передъ пожаромъ онъ былъ посланъ товарищами „по завтрокъ“ (л. 16).

Стрѣлецъ *Мишка Васильевъ* показалъ: топили переднюю и заднюю избы въ 6 часу. Послѣ топки въ задней избѣ ночевалъ сторожъ Якушъ. Въ послѣднемъ часу ночи Мишка пошелъ на площадь и оттуда увидѣлъ дымъ. Отчего загорѣлось—не знаетъ (такъ и остальные показываютъ) (л. 17).

Разсыльщикъ *М. Исаковъ:* ночевалъ съ стрѣльцами и съ подьячимъ Сухлянскимъ. Сторожа топили избу въ 6 часу ночи (такъ и остальные показываютъ). Якушъ спалъ въ задней избѣ, а Лаврентій —въ середней. Утромъ Исаковъ пошелъ за рѣку и съ площади увидѣлъ дымъ (л. 17—18).

Подьячій *См. Сухлянской:* ночевалъ онъ „*въ помѣстномъ своемъ столѣ*, въ передней избѣ“, а съ нимъ—3 стрѣльца. Сторожа топили переднюю избу въ 6 часу ночи, а когда топили заднюю и гдѣ они ночевали—не знаетъ. Въ послѣднемъ часу ночи прибѣжали съ площади стрѣльцы и сказали о пожарѣ. „И они-де учали *изъ своего стола* хватать дѣла и *носить на площадь*“ (л. 18).

Подьячіе *Друж. Харитоновъ*, *В. Степановъ*, *И. Панѳиловъ*, *А. Васильевъ* и *Ст. Ерофѣевъ* показали: пришли они въ съѣзжую избу въ послѣднемъ часу ночи, когда все было цѣло, а спустя немного времени прибѣжали съ площади стрѣльцы и сказали о пожарѣ. „И они-де учали *изъ своихъ столовъ* дѣла хватать и выносить на площадь“ (л. 19).

„Молодой подьячій“ *К. Даниловъ:* сидѣлъ онъ съ подьячимъ И. Карповымъ въ задней избѣ до 6 часу ночи. Когда сторожъ Якушко Ивановъ затопилъ заднюю избу, „и мы немного посидя, пошли по домомъ“, а Якушка остался въ избѣ. „А изъ-утра мы у мѣста не бывали и не сидѣли“ (л. 19).

Стрѣлецъ *Вас. Ивановъ:* вечеромъ пошелъ онъ изъ съѣзжей избы „въ земляной городъ, къ себѣ—ужинать, а въ тѣ поры-де *ворота заперли*, и онъ *ночевалъ дома*“. Это было 3 числа, а 4 числа пришелъ онъ въ съѣзжую избу въ послѣднемъ часу ночи, когда вскорѣ прибѣжали стрѣльцы съ площади. Онъ и Якушка побѣжали въ зад-

нюю избу, отворили дверь: *„горитъ розрядной столъ*, гдѣ сидѣлъ И. Карповъ съ товарищи". Якушка не пошелъ въ избу, но заперевъ двери, побѣжалъ за водою (л. 20).

Разсыльщикъ Март. Исаковъ на „очной ставкѣ" съ стрѣльцомъ Вас. Ивановымъ показалъ: прибѣжалъ онъ съ нимъ и съ сторожемъ Якушемъ къ задней избѣ и отворили двери: „*ажно* горитъ розрядной столъ, гдѣ сидѣли подьячіе И. Карповъ съ товарищи, и затворя-де двери, побѣжалъ по воду, *а въ избѣ нихто не бывалъ*", т. е. — никто не былъ въ этотъ моментъ (л. 20).

Сторожъ Якушка на „очной ставкѣ" съ стрѣльцомъ Вас. Ивановымъ сказалъ „тѣ же рѣчи" (л. 21).

Сторожъ Лаврентейко на „очной ставкѣ" съ стрѣльцомъ Ваською и съ сторожемъ Якушкою, сказалъ: когда побѣжали къ задней избѣ, онъ, Лаврентейко, былъ тогда въ передней избѣ, а къ задней избѣ „съ ними не ходилъ" (л. 21).

Этимъ показаніемъ оканчиваются „распросныя рѣчи".—На оборотѣ перваго листа „отписки" написано: „государю царю и великому князю Михаилу Ѳедоровичу всеа Русіи". Тутъ же Разрядная помѣта: „143 г., декабря въ ..... день (доставилъ) *Новгородцкой* [1] розсыльщикъ Климъ Селетцкой". — Скрѣпа дьяка на оборотѣ склеекъ „распросныхъ рѣчей": „діякъ Иванъ Сооооновъ".

III. Стоимость канцелярскихъ принадлежностей въ XVII в.

а) Въ „расходной книгѣ" г. *Усерда*, 150 г. [2], записаны, между прочимъ, такіе расходы: 1 сентября „куплено въ съѣзжую избу *сальныхъ свѣчь* 100 малыхъ, да 50 свѣчь большихъ, денегъ 20 алтынъ дано" (л. 25 об.) — „Октября въ 30 день куплено въ Бѣлегородѣ 2 стопы да 12 дестей *бумаги*, за бумагу 3 рубли 2 алт. дано" (л. 27 об.).

---

[1] Это — единственное мѣсто во всемъ документѣ, гдѣ упомянуто имя города, откуда пришла «отписка».

[2] Бѣлогород. ст. кн. № 6, л. 25.

б) Въ расходной книгѣ денегъ, выданныхъ изъ Разряда на „струговое дѣло“ въ *Воронежѣ*, 206 г. ([1]), находимъ слѣдующія записи: за стопу *бумаги* платили (гдѣ—неизвѣстно) по 36 алт. 4 деньги; за „2 *короба* на поклажу бумаги и свѣчь, да на *обвяску* варовиныхъ *веревокъ*“—дано 5 алт. 4 ден.; за *воскъ* для печатей дано 5 алт.; за *сальныя свѣчи*: за 2 пуда „двойныхъ“ дано 36 алт. 4 ден., а за 3 пуда „одинокихъ“ 25 алт.; въ другой разъ было куплено 300 свѣчей, по 7 алт. 4 ден. за сотню; въ третій разъ купили 100 свѣчей, за 7 алт. 2 ден.; за *чернила* однажды заплочено 6 ден., въ другой разъ—2 алт. (количество чернилъ не указано) (л.л. 409—413).

в) Въ расходной книгѣ денегъ, отпущенныхъ стольникамъ С. Ѳ. и Ѳ. И. Грибоѣдовымъ, посланнымъ въ *Воронежскій* и *Усманскій* уѣзды, для заготовки лѣсныхъ припасовъ, въ 206 г. ([2]), встрѣчаемъ слѣдующій расходъ на *бумагу*: „марта въ 7 день куплено *на Москвѣ*, къ готовости (т. е.—къ изготовленію) лѣсныхъ припасовъ на Воронежъ, бумаги: 2 стопы *доброй*, 6 стопъ *середней*, 7 стопъ *росхожей*, всего 15 стопъ, а по уговору за ту бумагу дано денегъ *овошного ряду* торговому человѣку А. Яковлеву: за добрую по рублю по 5 алт., за середнюю по рублю, за росхожую по 20 по 3 алт. по 2 деньги *за стопу*, всего за 15 стопъ—13 р. 6 алт. 4 ден. дано. Указъ закрѣпилъ дьякъ А. Невѣжинъ“. Ниже помѣщена росписка А. Яковлева въ полученіи денегъ: „за бумагу тринадцать рублевъ шесть алтынъ (а 4 деньги почему-то пропущены.....) Андрей Яковлевъ взялъ и росписался“ (л. 761 об.).

IV. Опись архива Усердской съѣзжей избы, 151 г. (Бѣлогород. ст. кн. № 6, л.л. 293 об.—299).

„Въ съѣзжей избѣ государевы указныя грамоты 150 и нынѣшняго 151 г., которыя присланы къ Омельяну Бутурлину, о всякихъ

([1]) Москов. ст. кн. № 168, л. 409.

([2]) Ibid. кн. № 169, л.761.

дѣлахъ. — Книги приходныя и росходныя деньгамъ и хлѣбу и зелью и свинцу и ядрамъ, 149 г. и 150 г. и нынѣшнево 151 г., за Омельяновою рукою Бутурлина. Да къ тѣмъ же книгамъ *привязана* отдача бѣлогородцовъ дѣтей боярскихъ Ив. Маслова зъ братьеми, какъ имъ по государеву указу отданы съ Усерда бѣглые ихъ крестьяне.—Книги роздаточныя государеву денежному годовому жалованью, 150 г. и 151 г., Усердскихъ дѣтей боярскихъ, станичниковъ и козаковъ и черкасъ и стрѣльцовъ и пушкорей, за Омельяновою рукою и за Разряднова Приказу подьячева Ив. Власьева рукою.—Книги роздаточныя государеву денежному жалованью и скаски—почему роздадоно Усердскимъ дѣтемъ боярскимъ и стоничникомъ и козакомъ и черкасомъ, за черкаской погромъ.—Книга городу Усерду и стоялымъ острошкамъ, и росписаны по р. по *Соснѣ* всякіе крѣпости, за Омельяновою рукою.—Книги роздаточныя, 149 г. и 150 г. и нынѣшнего 151 г., какъ давано московскимъ стрѣльцомъ на поденной кормъ отъ валового дѣла.—Книги строельные, какъ по государеву указу и по грамотѣ велѣно отдѣлить Усердскимъ дѣтемъ боярскимъ луга и сколько луговъ, и какъ стрѣльцомъ дано по полудесятинѣ земли изъ животинного выгону, за Омельяновою рукою.—Поручные записи и скаски на петдесятниковъ и на цѣловальниковъ и на стоничниковъ, выборы 149 г. и 150 г. и нынѣшнего 151 г. Да тутъ же *вклеена* челобитная, за по(но)выми руками всего города, какъ они поладили межъ собою въ пашни—хто кому поступился своеи розпашп.—Роспись всякимъ крѣпостемъ, что здѣлана на Усердѣ всякихъ крѣпостей при Омельяну и при прежнихъ воеводѣхъ.—И отписки черныя къ государю о всякихъ дѣлахъ.—Да списки имянныя Усердскихъ дѣтей боярскихъ и стоничныхъ головъ и отомановъ и ѣздоковъ и вожей и черкасъ и полковыхъ козаковъ и стрѣльцовъ и пушкарей.—Да въ *коробьяхъ* судныхъ дѣлъ, по росписямъ Омельяна да Мотѳея Бутурлиныхъ и прежнихъ воеводъ, 55 дѣлъ вершеныхъ и невершенныхъ. —Да поручная запись по черкашенинѣ по Ивашкѣ Ермоловѣ въ томъ, што дочь своя Оксинница выдать ему за рускова человѣка, а за черкашенина не выдовать“.

„Да *прошлыхъ годовъ* въ съѣзжей избѣ всякихъ государевыхъ

дѣлъ: въ *столпикѣ* государевы указные грамоты, 145 г. и 146 г. что присыланы къ стольнику и воеводамъ къ *Ив. Бутурлину* да къ *Савѣ Нарбекову.*—Да въ *столпикѣ* жъ отписки отъ воеводъ, къ нимъ же (т. е.—къ Усердскимъ воеводамъ) присыланы.—Книга строельная города Усерда, за рукою Савы Нарбекова, а въ ней *2 тетрати.*—Книги роздаточныя денежныя и зелейныя (казны) и свинцу и государевымъ пищалемъ и хлѣбному жалованью роздача, всѣхъ *30 тетратей,* за руками стольника и воеводы Ив. Бутурлина да С. Нарбекова, да *Никольского* попа Ѳедора, да *соборнова* попа Ивана, да подьячева Ульяна Иванова, да шатцъкова (sic) (т. е. Шацкаго) козака Томилка Черемисинова".

„*Столпикъ* государевыхъ указныхъ грамотъ, что присыланы къ стольнику и воеводѣ къ *Дм. Толочанову,* въ 146 г. и въ 147 г.—Въ *столпикѣ* жъ ево Дмитреевы черные отписки къ государю.—Книги роздаточныя деньгамъ и хлѣбу и зелью и свинцу и всякіе мелкіе росходы, 146 г. и 147 г., роздача всякимъ Усердскимъ служилымъ людемъ и черкасомъ, *связоны,* а въ нихъ *18 тетратей,* за рукою Дм. Толочанова.—Книга всего города Усердскимъ землямъ, 147 г., *1 тетрать,* за Дмитреевою рукою."

„Въ *столпикѣ* государевы указныя грамоты и подписныя челобитныя, что присыланы стольнику и воеводѣ ко кн. *Ив. Волконскому,* во 147 и во 148 г.—Въ *столпикѣ* отписки черные, что посылалъ къ государю къ Москвѣ кн. И. Волконской.—Въ *столпикѣ* отписки зъ городовъ отъ воеводъ, что присыланы кн. И. Волконскому.—Книги роздаточныя деньгамъ и хлѣбу и всякимъ росходамъ, и что дано за пахоту отъ государевы десятинные пашни служилымъ людемъ, за князь Ивановою рукою Волконского, а въ нихъ *15 тетратей связоно.*"

„Да въ *столпикѣ* жъ *невеликомъ* государевы грамоты, что присыланы къ *Лопырю Лихореву,* во 148-мъ году.—Да въ *столпикѣ* жъ отписки ево Лопыревы къ государю.—Да въ *столпикѣ* жъ отписки, что писали къ Лопырю воеводы зъ городовъ.—Да въ *свертке* *розницы* всякой, что дѣлалось при Л. Лихоревѣ.—Книги роздаточныя деньгамъ и хлѣбу и зелью и свинцу и всякимъ мелкимъ росхо-

дамъ, за рукою Лопырева отца духовного Никольского попа Өедора, въ *11 тетратѣхъ*, да 2 *листика* лишнія.“

„Да въ 2 *столпахъ* поручныя записи прошлыхъ 145 г. и 146 г. и 147 г. и 148 г.—*Свертокъ невеликой* государевыхъ указныхъ грамотъ, что присыланы прежнимъ воеводамъ въ прошлыхъ во 145 и во 146 и во 147 и во 148 годѣхъ.“

„*Свертокъ невеликой* государевыхъ указныхъ грамотъ, что присыланы къ стольнику и воеводѣ къ *Ильѣ Милославскому*, во 148 г. и во 149 г. Да въ томъ же *столпу* зъ государевыхъ грамотъ 4 списка. Да въ томъ же *столпу вклесны* 2 отписки курченина Кузьмы Диденева да Новогородка-Сѣверского Ив. Люшина, взяты у нихъ тѣ отписки во крестьянѣхъ въ Гришки да въ Потапки да въ Өетки Теплыхъ, да въ крестьянкѣ въ Өеклицы, да въ Степанковѣ сынѣ Борискѣ, и въ животахъ.—Въ *столпикѣ* черные отписки, что посыланы къ государю во прошлыхъ въ 148 и во 149 г., при Ильѣжъ Милославскомъ.—*Столпикъ* воеводцкихъ отписокъ зъ городовъ, что присыланы къ нему жъ И. Милославскому.—Въ *столпикѣ* отписки черные, (что) посыланы по городомъ къ воеводамъ, при И. Милославскомъ.—*Столпикъ*, а въ немъ скаски и выборы станичныхъ головъ и отамановъ и ѣздоковъ и вожей С. Захарова, Ө. Сонина, В. Стародубцова, В. Горохова, Н. Лопатина, П. Коволева, и на цѣловальниковъ выборы, и записи поручные по Усердскихъ дѣтей боярскихъ и по стрѣльцѣхъ и по казакѣхъ и по пушкарѣхъ и по черкасѣхъ, и сыскъ Васки Жюлева, и приводъ и розспросныя рѣчи, и *иная рознь*. Да тутъ же отдача Өилки Огаркова, Короченскова козака, 148 и 149 г.—Книга строельная Усердскимъ землямъ всякихъ чиновъ служилымъ людемъ, 149 г., *въ тетратѣхъ*, да 2 *листика* лишнихъ, за рукою И. Милославского.—Книги приходныя и росходныя государевой денежной казнѣ и ручнымъ пищалемъ и зелью и свинцу и всякимъ росходамъ, *30 тетратей связоны*, за ево жъ Ильиною рукою.—Книги приходныя и росходныя хлѣбныя (дачи) Усердскимъ всякихъ чиновъ служилымъ жилецкимъ людемъ и Волуйскимъ черкасомъ и Московскимъ стрѣльцомъ, которыя были на государевѣ службѣ на Усердѣ, и соборному попу, и *Черкаскіе* сло-

боды попу Трофиму, апрѣля съ 16 числа 148 г. генваря по 18 число 149 г., въ *12 тетратьхъ.*—Книги роздаточныя, какъ роздавали государева денежная жалованья Усердскимъ всякимъ служилымъ людемъ, 149 г., за рукою стольника и воеводы И. Милославского да Розряднова подьячева М. Бакунина, въ *8 тетратьхъ.*— Запись крестоцѣловальная, за приписью дьяка Григ. Лоріонова.— Роспись государевымъ лошедямъ."

V. Опись „приказнаго столпа" Новоторжскаго архива, 1700 г. („Разр. вязка" 23, № 44, л.л. 5 об.—8).

„*Столпъ приказной* 206 и 207 и 208 г.г., *а въ немъ*: великого государя *грамота* изъ Розряду, за приписью дьяка С. Ступина, къ прежнему воеводѣ хъ князь Т. Шаховскому, а по той великого государя грамотѣ велѣно въ Торжку стольнику и воеводѣ Я. И. Внукову быть воеводою на ево князь Тимоѳѣево мѣсто княжъ Иванова сына Шаховского, а съ нимъ кн. Тимоѳѣемъ росписаться, и подъ тою грамотою *черная отписка* о пріемѣ города и наряду мѣдного и желѣзного и дѣлъ приказной избы у подьячаго П. Постникова."

„Да *въ томъ же столпѣ* великого государя грамота изъ Розряду, за приписью дьяка С. Ступина, о роспросѣ Новоторжской приказной избы сторожа К. Кобылякова, стрѣльца М. Сухорукова, про пожаръ приказной избы, и въ роспросѣ Новоторжской приказной избы подьячихъ, и съ *роспросовъ* ихъ *списки*, а подлинные роспросы посланы подъ отпискою къ Москвѣ въ Розрядъ, и по сторожѣ Карпушкѣ *поручныя записи* въ статьи, и черные *отписки* въ Разрядъ.— Да *грамота* великого государя изъ Розряду о заимкѣ въ Торжку на посадѣ на съѣзжей дворъ стольнику и воеводѣ Я. И. Внукову, покамѣстъ въ Торжку приказная изба построена будетъ.—Да по тюремныхъ сторожахъ по С. Суботинѣ да по О. Шопинѣ въ тюремной сторожѣ, прошлого 206 г., *поручная записъ.*—Да И. Смолина о поверсткѣ ево въ стрѣльцы *челобитная*, и по немъ Илюшкѣ *поручная записъ*, что онъ поверстанъ въ стрѣльцы."

„Да въ томъ же *столпѣ* великого государя *указныхъ* грамотъ изъ розныхъ приказовъ: *2 грамоты* о бѣглыхъ людѣхъ и о крестьянѣхъ, да *1 грамота* изъ Розряду, за дьячьею приписью, а въ той грамотѣ написано, что велѣно на денежномъ дворѣ для многихъ великого государя прибылыхъ росходовъ и для службы, изъ серебра деньги дѣлать противъ прежнего изъ зол.... съ прибавкою.—Да *3 грамоты* о зборѣ въ Торжку съ таможни и на кружечномъ дворѣ денежной казны таможенныхъ пошлинъ и питейной прибыли, у збору велѣно быть въ 207 г. *головою* Ржевы-Володимеровы приказной избы подьячему Т. Зетилеву, а въ *ларешныхъ*—ржевичамъ посадцкимъ людемъ А. Томилину съ товарищи, да въ *редовыхъ цѣловальникахъ*—новоторжцамъ посадцкимъ людемъ; и въ томъ столпѣ Т. Зетилева *2 челобитныя* за руками, и на кружечной дворъ и въ таможню цѣловальникомъ *2 выбора* за руками.“

„Да въ томъ же столпѣ *грамота* по челобитью А. Квашанинникова, а въ той грамотѣ написано: *сыщика* И. Пашкова съ ево Алешкина двора Квашанинникова велѣно свесть, и впредь у него постойщиковъ ставить не велѣно.—*Грамота* великого государя изъ Ямского Приказу о правежѣ съ Новоторжского уѣзду ямскихъ и полоняничныхъ денегъ на 206 г. на подьячихъ, которые въ томъ году у збору были, и для того правежу присланъ былъ изъ Ямского Приказу подьячей М. Крыловъ.—Да *грамота* исъ Приказу Холопья Суда о гербеной бумагѣ.—Да *грамота* исъ Приказу Княжства Смоленского о высылкѣ посадцкихъ людей съ Торжку съ посаду 50 человѣкъ въ *Вяземской* уѣздъ, въ с. *Липицъ*, къ извесному зженію; а другая *грамота* изъ того жъ Приказу: къ тому извесному зженію посадцкихъ людей высылать не велѣно.—Да *грамота* исъ Помѣсного Приказу о запискѣ въ Помѣстномъ Приказѣ на вотчины крѣпости, чтобъ въ Помѣсной Приказъ явились и тѣ вотчины за собою записывали.—Да *грамота* изъ Московского Судного Приказу о правежѣ пошлинныхъ денегъ Новоторжскихъ и иныхъ городовъ на помѣщикахъ и на вотчинникахъ и на порутчикахъ ихъ и на людѣхъ и на крестьянѣхъ, и для того присланъ былъ Московского Судного Приказу подьячей Г. Зерновъ.—Да *2 грамоты* изъ Ямского Приказу о

зборѣ ямскихъ и полоняничныхъ денегъ съ Новоторжского уѣзду, и зборщикомъ о съѣзжихъ и о постоялыхъ дворахъ, гдѣ пристойно (?), и для письма площадныхъ подьячихъ."

„Въ томъ же столпѣ *2 списка* великого государя зъ *грамотъ*: первая по челобитью Д. И. сына Тыртова, да другая—за денежною казною о провожатыхъ исъ Торжку до Новагорода.—И въ томъ столпѣ *черные отписки* въ розные приказы и *подорожные* въ пріемѣ отписокъ."

VI. „Указная грамота" о „гонцахъ", отъ 28 декабря 201 г. (Кіевск. ст. кн. № 50, л.л. 18—20).

„Великихъ государей *грамота* 201 г., декабря 28 числа, къ стольнику и воеводамъ ко кн. Лукѣ Долгорукому съ товарищи, исъ *Приказу Малыя Россіи*, а въ ней *писано*: великіе *государи указали и бояре приговорили*: писать къ великимъ государемъ къ Москвѣ впредь *чрезъ уставленую почту*, а буде прилучитца писать къ великимъ государемъ о нужныхъ какихъ скорыхъ дѣлѣхъ *съ нарочнымъ гонцомъ*, и тому гонцу писать въ *подорожной памяти* подводу, да проводникъ на подводѣ, да для поспѣшенія подводу въ поводъ (т. е.—въ поводу), всего 3 подводы, а зимою съ одними саньми 2 подводы, а больши того гонцомъ въ подорожныхъ отнюдь подводъ не писать. Да въ тѣхъ же подорожныхъ писать и гонцомъ словесно приказывать, что(бъ) они подводы въ Малоросійскихъ городѣхъ имали у *полковниковъ* и въ *Ратушѣ* у *войтовъ* и у *бурмистровъ*, объявляя имъ тѣ свои подорожные памяти, а самовольно нигдѣ въ городѣхъ и на дорогахъ казацкихъ и мѣщанскихъ и крестьянскихъ подводъ не имать, и никакова насилія и безчестья начальнымъ людемъ и казакомъ въ Малоросійскихъ городѣхъ не чинили (бы), и кормовъ и питья себѣ у нихъ не домогались (бы), и у казаковъ на дворѣхъ, кромѣ мѣщанскихъ, не ставились, а ставились бы гдѣ ихъ поставятъ, и *были бы довольны* тѣмъ кормомъ и питьемъ, что имъ дадутъ добровольно *въ почетъ* изъ Ратуши. А естли тѣ *посыльщики* учнутъ въ Малоросійскихъ городѣхъ чинить какіе обиды и грабежи

и безчестья, и за то имъ быть въ жестокомъ наказаніи, а взятое доправлено на нихъ будетъ *вдвое*. А кромѣ гонцовъ никому подорожныхъ памятей о подводахъ не давать, и людей своихъ бояромъ и воеводамъ къ Москвѣ и никуда ни для чего на подводахъ не посылать. И *въ росписномъ списку* съ новыми воеводы *написать тое грамоту* велѣно имянно."—Послѣ этого прибавлено: „а та великихъ государей вышеписанная грамота съ иными грамотами *въ столпу* 201 г., у подьячего у Матвѣя Налетова."

Дѣйствительный членъ Н. Отлоблинъ.

Отдѣльно отпечатано изъ «Сборника Археологическаго Института».

Въ типографіи В. Безобразова и Комп. (В. О., 8 л., № 45).

